

ISSN 0868—5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 2
2026

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukoza2010@yandex.ru

*Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы
в электронном виде с фотопортретом и краткой
биографической справкой автора. Редакция не вступает
в переписку с авторами и не рецензирует присланные
произведения.*

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 3543

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868—5819 «Московский Вестник», 2026, № 2

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий* 5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Александр Нефедов
Александр Афанасьев: слово и дело. Очерк 8

Сергей Агальцов
Под небом Родины великим... Стихи 32

Полина Рожнова
Мои воспоминания о Павле Антокольском 47

Ольга Флярковская
Не вечны мы, но вечны Бог и Слово... Стихи 66

Диана Аснина
Рассказы 79

Наталия Елизарова
Это — моя Москва! Стихи 90

Игорь Варламов
Леонид Пантелеев — «Аттический воин» детской литературы.
Очерк 98

Михаил Бердутин
В предвкушении чуда чудного... Стихи 108

Ольга Грушевская
Дракон. Повесть 116

Марина Зайцева (Гольберг)
Родина и судьба. Стихи 193

Владимир Куницын	
Два рассказа	203
Марина Новикова	
Пусть звенят родники... Стихи.....	220
Нина Шамарина	
Два рассказа	231
Ольга Суркова	
Материнский хлеб. Стихи.....	258
Сергей Михайлов	
Гонка. Глава из романа «Билет в один конец»	268

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Гладыш	
Встречи с прошлым. Рецензия.....	282

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Галина Стеценко	
Нас водой не разольёшь! Стихи	294

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Есть темы, которые, казалось бы, давно уже отошли в прошлое и морально устарели, но сегодня, в контексте текущих событий, вновь обретают актуальность и вызывают достаточно широкое обсуждение. Одной из таких тем является цензура и её возможная необходимость, в тех или иных формах, для государства, находящегося в недружественном окружении. Также требуют пересмотра стереотипы, сложившиеся в постсоветскую эпоху под влиянием перестроечного антисоветского курса и до сих пор сохраняющие дееспособность, нанося ущерб национальному самосознанию.

Сразу напомним, что цензура запрещена Конституцией РФ, и эта данность определяет рамки обсуждения затронутой темы. Но можно поговорить об этом в исторической ретроспективе. После разрушения Советского Союза цензура стала рассматриваться как крайне негативное явление, ограничивающее творческий полёт честных и талантливых авторов и этим препятствующее развитию народа и государства. Мы помним, как из архивных запасников извлекались произведения литературы, якобы запрещённые советской цензурой по идеологическим причинам, а теперь возвращаемые народу в статусе чуть ли не новой классики. Вряд ли имеет смысл здесь высказывать обобщённые суждения о том, каково было количественное соотношение между попавшими под цензурный запрет действительно талантливыми произведениями и неудачными или слабыми, или даже очевидной графоманией. Скажем только, что уже сегодня ясно – значительная часть «запрещённых» произведений была выведена советским государством из народного обихода вполне справедливо, для того, чтобы не засорять общественного пространства недоброкачественной или просто вредной продукцией. Огромный массив опубликованной в перестройку косноязычной «правды», замешанной на антисоветчине и, под-

спудно или явно, на русофобии, ныне уверенно отправлен на помойку.

В настоящее время стало общим местом говорить о том, что иные произведения, обласканные издательствами и СМИ, наносят непоправимый ущерб общественной нравственности, и, шире, нравственному здоровью народа; что гражданское и национальное самосознание расшатывается подчас вполне открыто и при содействии влиятельных структур посредством продвижения чуждых или враждебных ценностей, прикрываясь демагогическими рассуждениями о свободе творчества. Негромко начинают звучать суждения о том, что, возможно, в советской цензуре были не только плохие стороны; что, может быть... и т.д. Не претендуя на окончательную истину, выскажем своё мнение. В большом и сильном советском государстве цензура являлась одним из средств осуществления государственной политики. В основном не вмешиваясь в художественные искания авторов, советская власть охраняла общественную стабильность и духовное здоровье народа, в соответствии с актуальными на тот момент установками, и делала это с определённым успехом.

Сегодня, в условиях, когда против нас ополчился весь так называемый «цивилизованный мир», обращение к действенным формам защиты внутренних интересов неизбежно. Зачастую на глазах общества и государства под видом творческого эксперимента и свободы мнений в сознание нашего народа внедряются деструктивные, порой откровенно вырожденческие представления. Инерция идейного и мировоззренческого наследия «лихих 90-х» продолжает оказывать разрушительное воздействие на сознание людей, особенно молодёжи. Эта проблема требует подхода, основанного на реальных запросах текущей эпохи, а не на идеологических установках времён перестройки.

...А вообще, в сознании каждого литератора, любящего своё Отечество и писательское дело, должен быть внутренний цензор, руководствующийся совестью, здоровой нравственностью, интересами своего народа и государства.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Александр НЕФЕДОВ

Александр Викторович Нефедов – писатель, сценарист и журналист. Родился в 1962 году в подмосковном селе Малое Алексеевское. Автор книг «Силуэты. Прошлое Подмосковья в лицах», «Самый. Самое. Самая. Подмосковная книга рекордов», «Жемчужное ожерелье Подмосковья», трилогии о книгоиздательстве и просветителе XVIII века Н.И. Новикове: «Мастер слова и дела», «Торжество слова и дела», «Жизнь во благо Отечества». Начинал спецкором московской областной газеты «Ленинское знамя», работал на областном телевидении, в 1999 году с должности заместителя главного редактора «Народной газеты» Московского региона ушёл на повышение в столицу и 17 лет проработал исполнительным директором газеты Правительства Москвы «Тверская», 13». В настоящее время работает выпускающим редактором журнала «Природа», учредителем которого является Президиум РАН. Имеет два высших образования – в области информационных технологий и юриспруденции. Член Союза журналистов России с 1994 года, Союза писателей России с 1999 года, Почётный работник печати города Москвы (2012). Имеет ряд государственных и общественных наград, лауреат различных литературных конкурсов общероссийского масштаба. Публиковался в альманахах «Памятники Отечества», «Отечество», в «Коломенском альманахе», «Подольском альманахе», в журналах «Вестник Европы», «Слово», «Великороссъ», в газете «Московский литератор» и многих других периодических изданиях.

Живёт в Москве.

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ: СЛОВО И ДЕЛО

200 лет назад во глубине России появился на свет человек, который приблизил нас к постижению феномена Русского мира

А.Н. Афанасьев. Фото конца 1860-х гг.

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА

Начать работу над очерком о литераторе, историке и исследователе-фольклористе, появившемся на свет ровно 200 лет назад, мне показалось правильно с финального аккорда его биографии. Всего четверть часа занимает неспешный путь от столичной станции метро «Алексеевская» до Пятницкого кладбища, где нашёл своё конечное пристанище человек, труды которого зна-

комы большинству россиян ещё с детсадовского возраста. Пока я пробирался среди могил к увенчанному массивным крестом надгробию, на пьедестале которого высечено имя Александра Николаевича Афанасьева, мне вспоминалось, как сам почти шестьдесят лет назад учился читать по двум уже довольно потрепанному временем большеформатным книгам с затейливыми рисунками. На обложке первой было крупно начертано: «Александр Пушкин. Сказки». Вторая, особенно мною любимая, называлась просто: «Народные русские сказки». И хотя ниже, под заголовком, значилось «А.Н. Афанасьева», на фамилию я, конечно, никакого внимания не обращал. Это теперь могу рассуждать на тему того, что Пушкин при сочинении своих чудесных сказочных поэм скорее всего не знал тех сказок, истинно народных, которые спустя всего десяток лет после гибели поэта были изданы Афанасьевым и получили широкий резонанс в обществе. Или что именно Афанасьев дерзнул через два десятилетия после упокоения Пушкина впервые опубликовать его письма, чем вызвал негодование родственников классика, особенно вдовы и сына. В детстве я просто «перемещался» в сказочный мир и был «соучастником» разворачивающихся на страницах книг событий. Спустя годы те книги перекочевали моим детям, теперь они «на подходе» у внука. Так два тома сказок с именами их создателя в одном случае и собирателя в другом, которые кто-то неведомый читал уже до меня, передаются из поколения в поколение. Наверное, подобное происходило не только в моей семье. И, скорее всего, в том числе и так сохраняются и приумножаются наши национальные традиции, формируется, простите за пафос, духовное самосознание и память. Подтверждение тому – письмо от 8 января 1872 года, которое Иван Сергеевич Тургенев адресовал Афанасию Афанасьевичу Фету: «Недавно А.Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с Вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения». Почему же надворный советник и кавалер трёх имперских орденов решил посвятить себя изучению фольклора, легенд, былин? Как случилось, что на финальном отрезке своей короткой жизни он впал в нищету, но одновременно удостоился

международной славы собирателя и первоиздателя народных сказок, а затем навечно вошёл в анналы отечественной литературы? Поклонившись и поставив свечку на могиле, увенчанной памятником работы скульптора В.С. Бровского, сооружённого в 1874 году на «собранные по подписке народные средства», я в попытке найти ответы на поставленные вопросы и приступил к работе над текстом.

ОТ ВЕКОВЫХ КОРНЕЙ

Со школьной скамьи мы знаем, что Александр Пушкин соприкоснулся с миром народных легенд, былин и сказок благодаря незабвенной Арине Родионовне, которой в итоге поставили очень достойный памятник. Углубившись в изучение биографий классиков отечественной словесности, мы узнаём, что и многие теперь хрестоматийные поэты и писатели прошлых веков также начинали своё постижение окружающего мира не только в гимназиях, а затем университетах, но зачастую именно в среде простого народа – слушали сказки няnek и дворовых, байки словоохотливых приказчиков и ямщиков, песни слепых странников. Справедливости ради нужно отметить, что интерес к народному фольклору у просвещённого дворянства возник ещё в конце XVIII века. Например, Николай Львов, человек разносторонних дарований, больше известный нам теперь как зодчий, яркий представитель русского классицизма в архитектуре, а также основоположник пейзажного стиля в русском садово-парковом искусстве, в 1790 году выпустил в свет «Собрание народных русских песен с их голосами». В первой половине следующего столетия интерес к этой теме в обществе неуклонно возрастал. Устным народным творчеством, сказками, былинами, песнями интересовались и записывали их во время своих путешествий многие литераторы, в том числе и такие корифеи, как А.С. Пушкин, В.И. Даль, В.А. Жуковский. Но подлинную «революцию» совершил именно А.Н. Афанасьев. Широкой публике он известен как издатель «Народных русских сказок». На его счету

были ещё и «Народные русские легенды», и «Русские заветные сказки», и трёхтомное исследование «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов». Все эти сборники после выхода в свет оказались чрезвычайно востребованными. Филологи уточняют, что к трудам издателя обращались, использовали их фактуру в своих произведениях П.И. Мельников-Печерский, И.А. Бунин, А.Н. Толстой, А.А. Блок, С.А. Есенин. И этот список классиков можно ещё долго продолжать. Воистину – неисповедимы порой пути Господни. Не всякому дано из глухой провинции взойти на Олимп отечественной литературы.

НАЧАЛО НЕДОЛГОГО ПУТИ

Александр Николаевич Афанасьев появился на свет Божий 12 (24) июля 1826 года в небольшом уездном городке Богучаре тогдашней Воронежской губернии. Но первые осознанные детские впечатления получал в совершенно захолустном по тем временам городке Боброве, приютившемся на берегу реки с красноречивым названием Битюг в сотне вёрст от Воронежа. Сюда назначили уездным стряпчим – в ту пору чиновником по правовой защите казённых интересов, его отца – титулярного советника Николая Афанасьева. Нам неизвестно, какое ему удалось получить образование. По его признанию, он «учился на медные деньги», но культуре в целом, и литературе в частности, был не чужд. При годовом окладе немногим более 260 рублей ассигнациями, Афанасьев-старший выписывал газеты и журналы, к чтению которых приучал и своих семерых детей. Была в доме и неплохая библиотека. Позднее, в 1855 году, Александр Николаевич писал в своих «Воспоминаниях»: «Пользуясь дедовской библиотекой, я рано, с самых нежных детских лет, начал читать, и как теперь помню, бывало, тайком от отца (мать моя умерла очень рано) уйдёшь на мезонин, где помещались шкапы с книгами, и зимою в нетопленной комнате, дрожа от

холода, с жадностью читаешь... Чтение это сменило для меня сказки, которые, бывало, с таким наслаждением и трепетом слушал я прежде, зимой по вечерам, в углу тёмной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины».

Когда Александру исполнилось одиннадцать лет, отец отвёз сына в воронежскую губернскую гимназию, где тот проучился семь лет – от первого до последнего класса. «Отец решил дать каждому из нас, четырёх братьев, полное воспитание и с малыми своими средствами всю жизнь хлопотал об этом», – вспоминал будущий учёный, который по окончании гимназии без особого труда поступил на юридический факультет Московского университета. Правда, его больше интересовала не казуистика законотворчества, а исторический аспект. Итогом стала выпускная работа «О влиянии государственного начала на развитие уголовного права в XVI и XVII столетиях на Руси». Комиссии во главе с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым она показалась слишком смелой. Формально Афанасьев, окончивший университетский курс с отличием и получивший учёную степень кандидата права, мог остаться в Alma mater в статусе преподавателя и продолжить свои научные занятия, к которым его побуждал правовед и историк, адъюнкт Московского университета Константин Кавелин. Но начальство так не считало.

Целый год Афанасьев бедствовал, пытаясь устроиться хотя бы учителем. В этот период посильное участие в его судьбе принимал К.Д. Кавелин. «Расскажите всю подноготную ваших финансовых дел, – писал он своему подопечному, – может быть, вместе что-нибудь придумаем. Не теряйте, главное, присутствия духа и не хандрите. Это величайшая беда. Вы имеете знания; ваши работы положительно хороши... Будьте же откровенны, пишите всё, ваша участь меня сильно занимает и лежит близко к сердцу».

К.Д. Кавелин настоятельно советовал А.Н. Афанасьеву заняться послепетровской эпохой и отговаривал недавнего студента от изучения «корней народного мирозерцания»: «Теперь первейшая необходимость состоит иметь сочинение о новом русском законодательстве со времени Петра... Нужно над этим работать; надо вывести итог Петровской эпохи. Это –

требование времени». Но молодой учёный уже избрал свой путь – исследование мифологии и фольклора.

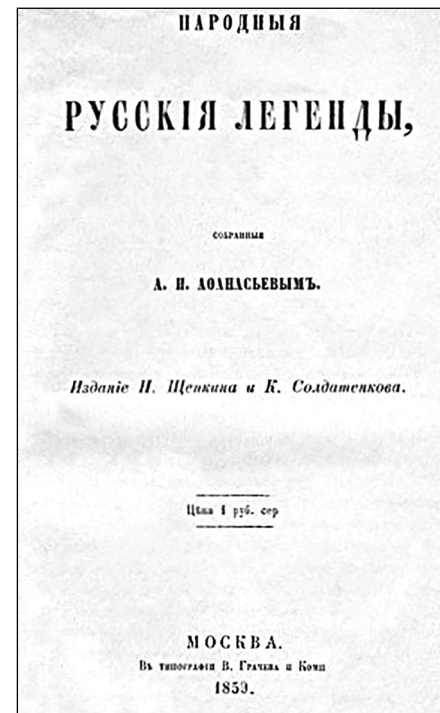
*Здание Московского университета на Моховой.
Фото 1870 г.*

К тому времени он уже был не столько читателем, сколько писателем. Ещё в 1847 году в журнале «Современник» опубликовал две свои серьёзные научные работы: «Государственное хозяйство при Петре Великом» и «Псковская судная грамота». В 1848 году его статья «О вотчинах и поместьях» увидела свет в «Отечественных записках».

«СКАЗОЧНАЯ» ИСТОРИЯ

В конечном итоге молодой человек в 1849 году сумел по протекции Кавелина поступить на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел в скромном чине коллежского секретаря. Мог ли он тогда предполагать, как ему, в сущности, повезло с этим местом?

Служба в архиве дала Афанасьеву возможность заниматься любимым делом – исследованием истории, права, литературы, народной поэзии, изданием произведений фольклора. Именно в этот период – с 1849 по 1862 годы он написал и опубликовал большую часть своих исследований, составил сборники «Народные русские сказки», «Народные русские легенды», «Русские заветные сказки».

В 1850–1851 годах он выступил в печати с несколькими серьёзными работами, тема которых до него не разрабатывалась: «Дедушка домовый», «Колдовство на Руси в старину», «Религиозно-языческое значение избы славянина», «Ведун и ведьма». К.Д. Кавелин, который поначалу скептически относился к таким штудиям, писал в рецензии, опубликованной в «Отечественных

записках»: «...статья А. Н. Афанасьева «Ведун и ведьма» чрезвычайно интересна, автор впервые тщательно свёл об этом предмете множество данных, рассеянных в разных источниках, и первый представил опыт научного исследования дела».

В 1851 году Афанасьев задумал научное издание сказок с комментариями, в которых русские сказки сопоставлялись бы со сказками других народов и в духе мифологической школы объяснялось их происхождение. Летом того года он писал А.А. Краевскому – редактору журнала «Отечественные записки»: «Есть у меня одно предложение для Вашего журнала. Не согласитесь ли Вы уделить в Ваших «Записках» место в Смеси или другом отделе для русских народных сказок... Издание будет учёное, по образцу издания братьев Гриммов. Текст сказки будет сопровождаться нужными филологическими и мифологическими примечаниями, что ещё больше даст цены этому материалу; кроме того, тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов, и аналогичные места разных сказок указаны. Войдёт сюда также сличение сказок с народными песнями. Изданию я предпослал бы большое предисловие о значении сказок и метода их ученого издания. Одна сказка через три или через два номера, – смотря по возможности, – не займёт в журнале много места. Притом предмет этот не чужд интереса».

Начало «собирания» сказок было положено. А вскоре получило развитие. В феврале 1852 года учёный совет Императорского Русского географического общества постановил передать А.Н. Афанасьеву, который уже был членом общества по отделению этнографии, имевшееся в архиве списки народных сказок, собранных в ряде губерний во время экспедиций – всего 223 текста. В предисловии к первому выпуску «Народных русских сказок» исследователь так характеризовал полученный материал: «Это прекрасное собрание представляет много в высшей степени любопытного. Многие из этих сказок записаны превосходно, с удержанием всех особенностей народного говора; другие хотя и записаны языком более книжным, нежели простонародным, и не всегда грамотно, но чужды всякого произвольного, нарочно придуманного искажения». Вскоре около 1000 сказок

учёному передал записавший их в южных губерниях империи В.И. Даль, затем поступили сказки, собранные П.И. Якушкиным, приходили списки и от безвестных теперь собирателей. Часть изданных сказок Афанасьев записал сам во время поездок по России. Правда, предложенные Казаком Луганским тексты были опубликованы лишь частично. «Некоторые очень любопытные сказки из собрания В.И. Даля, – пишет в предисловии составитель, – к сожалению, не могут быть допущены к печати, ради нескромности своего содержания: героем подобных рассказов чаще всего бывает попов батрак. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор».

Первое издание «Народных русских сказок» увидело свет в виде восьми отдельных выпусков в период с 1855 по 1863 годы. В них вошло более 600 текстов с комментариями. По тем временам это было самое полное издание сказок не только в России, но и за её пределами. Например, издание «Немецких сказок» братьев Гримм, на которое ссылались и сам А.Н. Афанасьев, и его рецензенты, было почти втрое меньше, в нём не было вариантов, каждый сюжет представлен единожды.

В сборнике Афанасьева были представлены русские сказки более чем из тридцати губерний. Десять сказок Воронежской губернии записал сам Афанасьев ещё в конце 1840-х годов. Были и украинские сказки – из Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний, и белорусские – из Гродненской губернии. В сборник «Народные русские сказки» вошло всего 24 текста сказок Воронежской губернии.

МИФОЛОГИЯ КАК НАУКА

В 1859 году Афанасьев выпустил сборник «Народные русские легенды». Цензура лишь по недоразумению допустила его в печать тиражом в 1200 экземпляров, который за три недели был почти весь раскуплен. А когда чиновники опомнились, то сразу же книгу запретили. Переиздание было осуществлено сразу же – на этот раз в Лондоне, в Вольной русской типографии

А. Герцена. Лишь в 1914 году удалось осуществить переиздание сборника в России – почти одновременно в Москве и в Казани.

В 1860-е годы, переработав статьи и комментарии к изданным сказкам, Афанасьев объединил их в книгу «Поэтические воззрения славян на природу», вышедшую в трёх томах и не утратившую своего научного значения и в наши дни.

На волне успеха Афанасьев подготовил структурно систематизированное второе издание «Народных русских сказок» вышедшего уже посмертно, в 1872 году. Теперь сказки были распределены по разделам: животный эпос, мифологические сюжеты, сюжеты былинные и навеянные историей, суеверные рассказы о колдунах и мертвецах, сказки с бытовой и юмористической окраской.

В 1868 году, в пору, когда Афанасьев переживал не самые лучшие свои времена, «Вестник Европы» так оценил его вклад в отечественную словесность: «Труды г. Афанасьева принадлежат к числу тех, которые, прежде всего, вносят в литературу и в науку громадную массу новых познаний, фактов, а следовательно, говорят много для мыслящего человека и вызывают многих к новому труду... богатую сокровищницу представляет его труд, делающий честь нашему времени и дающий богатую и здоровую пищу как мысли научной, историческим заключениям и выводам, так и творческой фантазии поэта, который захотел бы облечь древние, величавые образы космогонии и теогонии бесконечно отдалённого от нас времени в новую форму».

Конечно, в его адрес звучала и критика. Своим оппонентам Афанасьев отвечал: «Мифология – такая же наука, как наука о допотопных животных: она воссоздаёт целый организм по разрозненным остаткам старины».

Помимо критиков над Афанасьевым довлела и цензура. Так, 31 октября 1861 года он писал историку и библиографу П.П. Печкарскому: «Посылаю Вам новый (пятый) выпуск моих сказок. Пятый и шестой выпуски должны были появиться вместе на божий свет, но мерзопакостная цензура задержала одну книжку; только на днях получил половину рукописи, израненную и обогрёрную кровавыми чернилами. Все, что искалечено, я вынужден

был выбросить вовсе и затем приступил к печатанию уцелевшего. Ах, если бы видели заседание здешнего Цензурного комитета! Что за лица! Баранье тупоумие так и прыщет из каждой черты...».

ЭХО ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

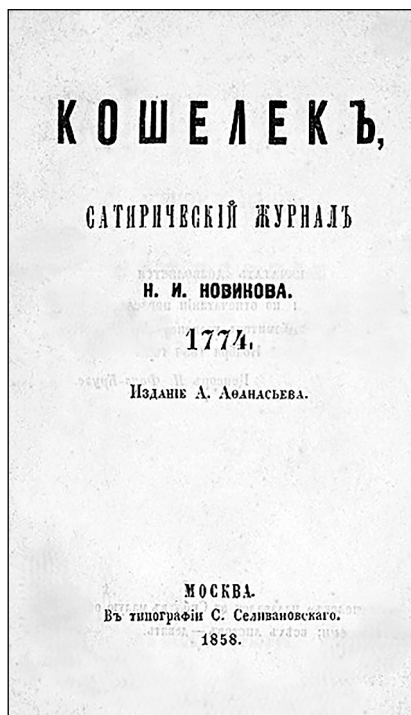
В предисловиях к изданиям сборников «Народных русских сказок», которые в советский период издавались довольно часто, да ещё и миллионными тиражами, об Афанасьеве неизменно говорилось в пафосных тонах. В XX веке он был вполне справедливо и заслуженно причислен к классикам отечественной литературы. Однако, читателям он преподносился прежде всего как фольклорист, собиратель и издатель всего того, что прежде ходило в рукописных списках или передавалось поколениями в устной форме на бескрайних просторах России.

Н.И. Новиков

Между тем, несколько в стороне оказались его не менее важные труды по изучению литературного наследия эпохи Просвещения, известные большей частью специалистам – историкам и филологам.

В 1858 году Афанасьев переиздал в московской типографии С. Селивановского сатирические журналы «Кошелёк» и «Пустомеля», которые во второй половине XVIII столетия в Северной столице выпускал просветитель-книгоиздатель Н.И. Новиков. Небольшим тиражом был отпечатан и другой журнал екатерининской эпохи – «Поденщина». Это была своего рода репетиция публикации в 1859 году серьёзного научного труда Афанасьева – «Русские сатирические журналы 1769–1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века».

В 1858 году стартовал ещё один проект исследователя – выпуск вместе с Н.М. Щепкиным, сыном знаменитого актёра М.С. Щепкина, одного из первых в России книговедческих журналов «Библиографические записки». Его цель – популяризация материалов по истории литературы XVIII века, истории декабризма и пушкиноведению. Журнал выходил тетрадами два раза в месяц в 1858, 1859 и после перерыва из-за цензурных запретов – в 1861 годах. На страницах этого журнала Афанасьев одним из первых опубликовал свои биографические очерки о видных деятелях эпохи Просвещения – Н.И. Новикове, А.Н. Радищеве и Д.И. Фонвизине. Статьи сопровождались гравированными портретами этих литераторов.

ПУШКИНСКИЙ АКЦЕНТ

Любопытен факт: чтобы привлечь внимание публики к новому изданию, Афанасьев затеял скандальную публикацию в первом же его номере. Внешне, для цензуры, всё казалось обыденно – письма Александра Пушкина младшему брату – Льву Сергеевичу. Эти письма в числе других многочисленных документов сразу после смерти супруга в 1852 году Сергеем Александровичу Соболевскому – другу Александра Пушкина, библиофилу и библиографу, передала вдова брата поэта Елизавета Александровна Пушкина, урождённая Загряжская. Издатель даже указал, что они «Сообщены С.А. Соболевским с дозволения опекунши Елизаветы Александровны Пушкиной».

В первом номере «Библиографических записок» были впервые опубликованы девять писем на русском и французском языках за 1820–1823 годы, отправленные из Кишинёва, где тогда поэт пребывал в ссылке. В следующем номере журнала опубликовано ещё несколько писем, адресованных Льву Сергеевичу – из Кишинёва, Одессы и «из деревни». Окончание публикации писем мы находим в №4. Последнее письмо поэта брату – из Санкт-Петербурга в Тифлис – датируется 3 июня 1836 года. Всего в трёх номерах «Библиографических записок»

(№№1, 2 и 4) были обнародованы 34 письма Пушкина с серьёзными комментариями издателей. Примечательно, что в этом издании (№4/1858) состоялась и одна из первых публикаций собственноручного рисунка Пушкина с авторской припиской, адресованного также Льву Сергеевичу. В примечании издатели указали: «На серой бумаге рисунок, на котором начертаны карандашом крепость, лодка, набережная и опершись на неё двое мужчин, означенные цифрами. Внизу рукою Пушкина: «1. хорошъ – 2. должен быть опершись на гранитъ. 3. лодка. 4. Крепость Петропавловская». На обороте приписка карандашомъ и чернилами: «Братъ, вотъ тебе картинка для Онегина – найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будет другая, так чтоб всё в том же местоположении. Та же сцена, слышиш-ли? Это мне нужно непременно. Да пришли мне калоши – съ Михайлом».

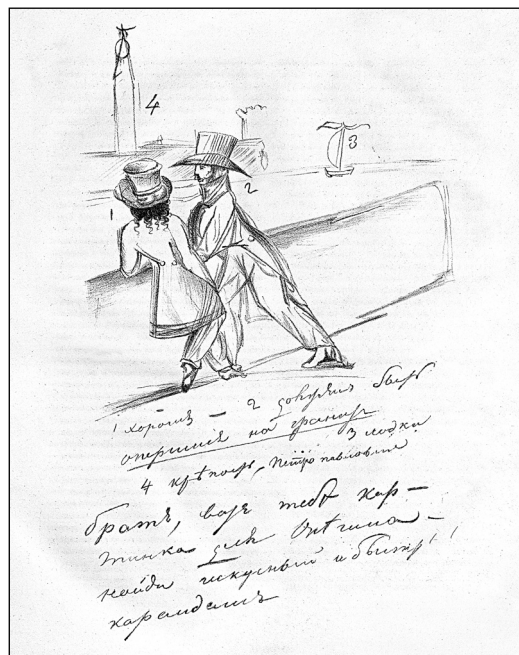
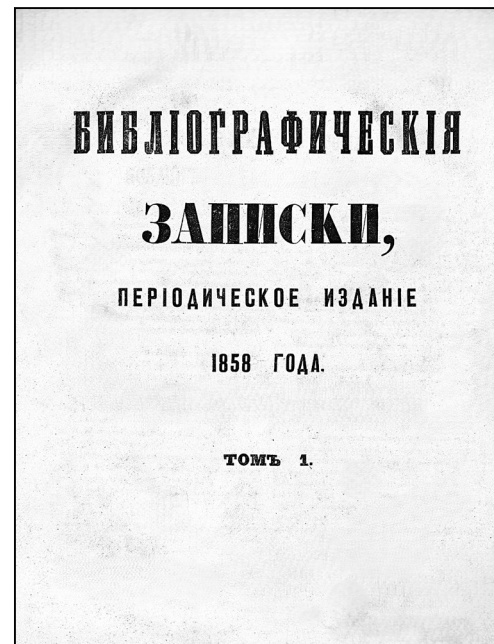

Рисунок А.С. Пушкина

Надо отдать должное публикаторам – из этических соображений они удалили из писем некоторые пикантные подробности как «неуместные и неприличные». Однако, даже то, что увидело свет, в обществе сочли бестактным. Возмущались Наталья Николаевна Ланская и Григорий Александрович Пушкин. Негодовал князь Пётр Андреевич Вяземский, который в ту пору занимал пост товарища министра народного просвещения и одновременно возглавлял Главное управление цензуры. Словно оправдываясь, что «проглядел» крамолу, он писал в феврале 1858 года историку С.П. Шевырёву: «Кто это печатает в “Библиографических записках” письма Пушкина? В них много неуместного и неприличного. Пушкин ещё слишком современен, чтобы выносить сор из его избы. Многие выходки его личные, родственные, несколько кощунские, оскорбляют чувства приличия и уважения к самой памяти его. Мало ли что мог брат говорить наедине с братом, но из того не следует, что он то же

сказал на площади, а печать – та же площадь. Жена его, дочери, сыновья его ещё живы: к чему раздевать его при них наголо? Боюсь, чтобы не вышло тут новой цензурной тревоги».

Словно издеваясь над цензорами, в том же году в московской типографии С. Селивановского, где печатались и «Библиографические записки», «Письма А.С. Пушкина к брату Льву Сергеичу» были выпущены отдельной брошюрой с аналогичной отсылкой к Соболевскому.

ЦЕНЗУРЕ ВОПРЕКИ

1859 год стал пиком карьеры Афанасьева. К этому моменту он уже имел три ордена – Святого Станислава 2-й и 3-й степеней и Святой Анны 3-й степени. Был возведён в 7 статский чин Табели о рангах – стал надворным советником, что соответствовало званию подполковника в армии и капитана 2-го ранга во флоте. Это дало «Вашему высокоблагородию» право на получение личного дворянства. Чтобы претендовать на потомственное дворянство, ему нужно было дослужиться до действительного статского советника, но его незримый, подпольный образ жизни никаких надежд на дальнейшее продвижение по службе не давал. Он выбрал путь, который рано или поздно должен был привести к печальным последствиям.

Лето 1860 года Афанасьев провёл за границей. Вместе со своим родственником, художником-пейзажистом В.Ф. Аммоном он три с месяца путешествовал по Германии, Швейцарии, Италии и Англии, посетил Штеттин, Неаполь, Флоренцию, Пизу. В Лондоне состоялась его встреча с А.И. Герценом.

Эта встреча имела важную предысторию. Ещё в 1853 году в Лондоне была открыта «Вольная русская типография». Организовавший её деятельность Александр Иванович Герцен обратился с печатным воззванием «Ко всем свободомыслящим русским» с призывом доставлять ему для напечатания «всё писанное в духе свободы», в том числе «Ходящие по рукам запрещённые стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова,

Полежаева, Печерина и др.». «Быть вашим органом, вашей свободной, безцензурной речью, – писал А.И. Герцен, – вся моя цель. Не столько нового, своего хочу я вам рассказывать, сколько воспользоваться моим положением для того, чтобы вашим невысказанным мыслям, вашим затаённым стремлениям дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства». В объявлении о предполагаемом выходе первого тома «Полярной звезды», которая должна была стать «убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею», призыв Герцена был продублирован. С этого момента началась отчасти тайная жизнь Афанасьева.

Ещё в середине прошлого века советские историки, в частности Н.Я. Эйдельман, на основе архивных данных установили, что А.Н. Афанасьев и его наиболее деятельные сотрудники по изданию «Библиографических записок» – В.И. Касаткин, Н.М. Щепкин, Е.И. Якушкин, П.А. Ефремов, М.И. Семевский, Н.В. Гербель и П.П. Пекарский являлись тайными корреспондентами Герцена, главными «поставщиками» материалов по истории русского освободительного движения и всевозможных запрещённых цензурой литературных произведений для герценовских и огарёвских изданий конца 1850-х – начала 1860-х годов – «Полярной звезды», «Исторического сборника», «Русской потаённой литературы XIX столетия», «Свободных русских песен».

Сравнительный анализ показывает, что в московских «Библиографических записках» и в бесцензурных лондонских сборниках, в той же «Полярной звезде», публиковались сходные материалы, – например, относящиеся к жизни и творчеству А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, А.С. Пушкина, декабристов. Во втором случае – без цензурных сокращений. Напечатанное в журнале Афанасьева в изувеченном цензурой виде появлялось иногда затем в «Полярной звезде» без сокращений. В письме одному из своих единомышленников Афанасьев жалуется, что «Библиографические записки» с трудом проходят «в узкие райские врата православной цензуры».

ОПАЛЬНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

В 1859 году «Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. Издание полное» сначала вышли на русском языке в Лондоне и только спустя несколько месяцев – в Первопрестольной. Цензура разрешила эту публикацию, но каково же было негодование вызвал высшего духовенства! В донесении, направленном московским митрополитом Филаретом в Святейший синод и лично его обер-прокурору графу А.П. Толстому, сборник оценён как «полный кощунства и безнравственности». В журнале «Духовная беседа» петербургский митрополит Григорий восклицал, что эта «книга собрана человеком, забывшим действие совести, а издана раскольников, не ведающим бога». В итоге шеф жандармов В.А. Долгоруков весной 1860 года отдал приказ о запрещении книги, но она к тому времени была полностью распродана. Известно, что цензор Д.И. Наумов, разрешивший её печатать, был уволен. Шуму было столько, что Афанасьев и Щепкин решили временно прекратить издание «Библиографических записок», опасаясь, что и это издание запретят. Александр Николаевич писал в мае 1860 года одному из своих воронежских сотрудников М.Ф. Де-Пуле: «Легенды мои запрещены III Отделением, во власти которого очутилась наша цензура, сделавшаяся в последнее время (особенно в Москве) крайне стеснительною. Порядочных цензоров здесь разогнали, а на место их набрали идиотов и скотов в образе Прибыля и Росковшенко. “Православному Обозрению” также запретили печатать апокрифы; “Московские Ведомости” стали украшаться в большом количестве точками, целые страницы останавливаются цензором. При таких условиях я не мог бы издавать “Библ. Записок” и рад, что обстоятельства заставили приостановить их. С одной стороны, я имел в виду поездку за границу, с другой, надо покончить издание сказок, а после того можно будет подумать и о возобновлении “Библ. Записок”. Авось к тому времени прекратятся и цензурные гонения».

Так что поездка Афанасьева в Европу в 1860 году и встреча с Герценом проходила не на самом благоприятном для издателя

фоне. По возвращении в Россию Александр Николаевич сумел возобновить в 1861 году издание «Библиографических записок», но продолжалось это недолго. В том же году в герценовском «Историческом сборнике» и других изданиях «Вольной русской типографии» появился ряд документов из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Архива Комиссии печатания государственных грамот и договоров, которым ведал в ту пору Афанасьев. Вычислить «виновного» особого труда не составило. Правда, учинённый на квартире Афанасьева обыск ничего предосудительного с точки зрения властей не обнаружил. Но вердикт был строг. Председателя следственной комиссии А.Ф. Голицын писал в те дни: «... чиновник этот, т. е. Афанасьев, по месту своего служения может содействовать неблагонамеренным людям к приобретению из архива таких документов, которые без разрешения правительства открыты быть не могут. Я предоставлял это обстоятельство на высочайшее государя императора благоусмотрение и полагал обратить на оное внимание непосредственно начальства над Архивом. Его Величеству на всеподданнейшем докладе благоугодно было написать “необходимо”». В 1862 году Афанасьев был привлечён к «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». В одночасье он был уволен со службы без пенсион, более того – ему было впредь запрещено занимать любые посты в государственных учреждениях. Не имея иных средств, кроме жалованья, Афанасьев вынужден был за бесценок продать букинистам с Сухарева рынка свою великолепно подобранную библиотеку. И в это же время в Швейцарии было анонимно осуществлено издание его рукописи «Русские заветные сказки», которые в 1872 и 1878 ещё дважды переиздавались в Женеве. Никакой прибыли учёному и его близким это не принесло. Он кочевал по дешёвым съёмным квартирам, не имея порой куска хлеба на обед. Только спустя три года он сумел устроиться всего помощником секретаря в Московскую городскую думу, в 1867 году перешёл на должность секретаря съезда мировых судей 2-го округа Москвы, незадолго до смерти перешел на низшую секретарскую должность

в Московский коммерческий банк. В 1865 году состоялся суд над «лондонскими пропагандистами», но Афанасьев сумел его избежать «за недостаточностью улик». Все эти годы он упорно продолжал свои учёные занятия – завершил издание «Русских детских сказок» и издал уже упомянутые «Поэтические воззрения славян на природу». «Я сижу теперь за славянской мифологией, но работа подвигается медленно, и не знаю, успею ли нынешнее лето приступить к печатанию первого тома», – писал он П.П. Пекарскому в 1865 году. О том, в каких стеснённых условиях приходилось жить и трудиться Афанасьеву, поведал его хороший знакомый, известный книгопродавец и издатель Д.Е. Кожанчиков одному из авторов «Русской старины»: «Теснясь в холодной квартире, не зная, чем прикрыть пол, из-под которого страшно дуло, Афанасьев употребил вместо ковра все экземпляры недвижимой своей собственности – “Библиографические записки”, для чего растрепал их по листам и ими толстым слоем покрыл пол; когда же листы через некоторое время истёрлись, то были выметены как сор». В 1870 году, когда свет увидел афанасьевский сборник сказок для детей, член совета министерства внутренних дел П.А. Вакар, возглавлявший тогда цензурный комитет, сделал представление в ведомство печати и указал, что 24 сказки этого сборника вредны по содержанию: «Чего только не изображается в них, не говоря уже о главной основной идее почти всех этих сказок, т.е. торжества хитрости, направленной к достижению какой-либо своекорыстной цели, в некоторых проводятся олицетворенные возмутительные идеи, как, например, в сказке “Правда и кривда”, в которой доказывается, что “правдою на свете мудренно жить, какая нынче правда! За правду в Сибирь угодишь...”». И эта книга была цензурой запрещена.

ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ

Летом 1870 года в Россию приехал британский писатель, литературовед, славист и переводчик Уильям Шадден-Ральстон,

которого позднее, в 1886 году, за особые заслуги в переводе произведений русских классиков, например Ивана Крылова, и современных писателей на английский язык изберут иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Он недолго погостил у Ивана Сергеевича Тургенева в его усадьбе Спасское-Лутовиново, а затем посетил Александра Николаевича Афанасьева на его московской квартире. Об этой встрече он оставил впоследствии опубликованные воспоминания («Athenaeum», London, 1883, № 2916): «Я провёл с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всей её обстановкой была именно в таком роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного учёного – повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках, или же кроющиеся в памяти народа, к которой учёные обращаются ещё менее. В то время, как я его видел, он казался исполненным жизни и сил; в его наружности не было никаких признаков слабости или недуга, которые бы грозили ему смертью». Англичанин ошибся. Уже осенью того же года у Афанасьева обострилась чахотка. В разгар лета 1871 года он оправляется в Самару «на кумыс», но лечение не помогает и вскоре после возвращения в Первопрестольную, 23 сентября (5 октября) 1871 года Александр Николаевич умирает. Ему было всего лишь 45 лет. Сколько можно было бы ещё успеть до преклонного возраста!

Известие о кончине А.Н. Афанасьева было помещено, ещё до появления некрологов в русской печати, в английском журнале. Автором его был уже упомянутый Шадден-Ральстон. Он писал: «Несколько недель тому назад русская литература лишилась одного из наиболее достойных своих деятелей. Пре-

ждевременная смерть Афанасьева оставила в рядах славянских учёных пробел, не легко пополняемый ... В специальной области его деятельности его никто не превосходил. Как собиратель и комментатор русских народных сказок он не имел соперников, и никто не сделал для общей пользы так много, как он». Надо отдать должное англичанину – в 1873 году он издал переведённые «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева» с подробными комментариями. Некрологи в отечественной прессе были лаконичны: «Высокий ум сочетался в нём с редкими душевными качествами – прямодушием, остроумием и весёлостью, что позволяло ему быть “душою общества”. При этом, Афанасьев был не всегда, может быть, осторожный, иногда чересчур горячий и невозддержанный на язык».

Изд. «Наука»

Наступил XXI век. Труды исследователя и собирателя фольклора не утратили своего значения даже в эпоху торжества Интернета и развития искусственного интеллекта. В преддверии его юбилея издательство «Наука», недавно вновь возвратившееся под эгиду Российской академии наук, выпустило солидным тиражом роскошное издание «Народных русских сказок А.Н. Афанасьева в иллюстрациях русских художников». Сказки сопровождаются не только чарующими работами Ивана Билибина и Елены Поленовой, но и ценными статьями и комментариями современных специалистов – филологов и искусствоведов, суть которых сводится к высочайшей оценке вклада Александра Николаевича Афанасьева в сохранение и приумножение духовной культуры славянских народов.

Могила А.Н. Афанасьева (фото автора, 2026 г.)

Сергей АГАЛЬЦОВ

Сергей Александрович Агальцов – поэт, переводчик, критик. Родился 2 января 1954 года в селе Сараи Рязанской области. Окончив среднюю школу в р.п. Ухолово, поступил в Рязанский государственный педагогический институт. По окончании института преподавал русский язык и литературу в сельских школах на Дальнем Востоке и на родной Рязанщине в Ухоловском районе. Работал тележурналистом в Туркмении, редактором в издательстве «Современник» в Москве. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», в альманахах «Поэзия», «День поэзии» в «Литературной газете» и многих других изданиях. Стихотворения Сергея Агальцова включались в антологии «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век», в «Антологию русского лиризма. XX век». Был членом Союза писателей СССР. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ПОД НЕБОМ РОДИНЫ ВЕЛИКИМ...

* * *

Привет, склонившиеся ивы,
Речушка, мостик, лопухи!
Лишь здесь бываю я счастливым,
Лишь здесь пишу свои стихи

О чудесах родного края,
О том, как свежий ветерок,
С листвою берёзовой играя,
Струится, волен и широк.

Как много сини в чистом поле!
Бреду неспешно на рассвет
И в пыльном слое белой пыли
Свой тёмный оставляю след.

Ромашки, все лучистей снега,
Толпятся возле ног моих.
Со скрипом старая телега
Меж нив ныряет золотых.

В ней ванькой-встанькою возница
Качается туда-сюда...
В душе таким вот сохранится
Мой край родимый навсегда.

* * *

Разбуженная первой трелью,
Земля очнулась ото сна.
И вот рассвет, как ожерелье,
Опять примерила она.

И в ожерелье красовалась
Земля – нарядна, хороша.
И трепетала, волновалась
Земли проснувшейся душа.

Она всему внимала чутко
В тиши дремотной, полевой.
Она – жила... И что за чувства
Росли во мне, владели мной?!

Мне чудилось – в минуты эти
В полях, где брёл тропинкой я,
Слилась, ликуя, на рассвете
С душой земли душа моя.

ВЕТРЯК

Тёмный, и шаткий, и древний,
Дряхлому старцу сродни,
Тихо ветряк за деревней
В поле влачит свои дни.

Вот он – грустит у дороги.
И уже думаю я:
Пусть стал он ветхий, убогий, –
Есть красота в нём своя!

Только взгляни, как при ветре,
Скрип издавая и стон,
Крыльями машет приветно
Каждому путнику он.

* * *

В час безотрадный и печальный,
Когда в полях сгушалась тьма,
Я вдруг напев услышал дальний
Из-за вечернего холма.

О днях минувших он напомнил –
С печалью, грустью и тоской.
Но почему-то и наполнил
Он грудь отрадою живой.

В полях темневших было пусто.
И в этот миг на склоне дня
До слёз нахлынувшие чувства
Разволновали вдруг меня.

Ну что в напеве том такого? –
Он лишь из-за холма во тьме
Далеким голосом бывшего
Звенел о прошлой жизни мне.

* * *

Озаряя алым светом крыши,
Над селеньем занялся рассвет. –
Ничего роскошнее и краше
В этот миг на белом свете нет.

И любуюсь чистым светом алым,
Замер я... И думается мне –
Не случайно, что в большом и малом
Я удачлив буду на земле.

Думается – поздно или рано –
Наконец-то в этой жизни я,
Как никто другой, счастливым стану –
Радуйся, ликуй, душа моя!

И дороже мир мне станет Божий.
И навек отступится злой рок.
И тогда я извлеку, быть может,
Из минувшей жизни всей урок.

А рассвет восходит, и с востока
Он струит и льёт свой алый свет –
Радостно, торжественно, широко...
Алым светом мир уже одет.

Всё кругом таинственно и ало:
Речка, мост, дорога и дома...
Утро! Ты мне душу взволновало...
Утро! Ты свело меня с ума.

* * *

Играя в небесах, мигая,
Звезда высокая, свети!
Гори, не гасни, помогая
Усталым странникам в пути!

Бредут скитальцы, спотыкаясь,
В глуши, в кромешной тьме ночей.
Влекутся по свету, свыкаясь
С бродяжьей участью своей.

Переночуют то в овраге,
То в стоге, то в скирде они.
Мир, мир вам, вечные бродяги!
Храни Всевышний вас, храни!

Средь вас мне близок, дорог каждый...
Оставив жалкие труды,
Уют и тёплый кров, – однажды
Пополню ваши я ряды.

Как пилигрим, окутан мглою,
Я повлекусь путём своим.
И буду я любим землёю,
И буду небом я храним.

* * *

Душе отрадны запустенье,
И вековая глушь, и тишь,
Луны пустынное свечение
Над миром, когда в час вечерний
Один в глуши своей стоишь.

Как небо ясное высоко
С луною яркой над тобой!
Как поле чистое широко!
Как виден под луной далёко
Тебе сегодня путь любой!

Ты у моста застыл устало.
Река как будто из стекла.
И тень твоя длиннее стала,
И вот на гладь реки упала
И реку тень пересекла.

Редает сумрак. Ночь проходит.
Алеет вдалеке восход.
И словно чудо происходит –
Луна с небес ещё не сходит,
А солнце красное встаёт.

И так близка и недалече
Светил – и солнца, и луны
Таинственная в небе встреча...
Ликуя, я её замечу,
Любуясь ей со стороны.

* * *

Всё, словно при царе Горохе:
Плетни, убогий ряд дворов,
Колодец ветхий у дороги...
И стадо тощее коров

Пасётся на лугу у моста,
Который под ногой скрипит
И тяжело стонет... Что за место!
Что за картина! Что за вид!

И лишь поют беспечно птицы
В дремучих зарослях кустов.
И нива светит, золотится
Между темнеющих бугров.

Играет луч на глади плёса.
И в тишине на склоне дня
Мне слышен смутный ропот леса,
Как будто кличет кто меня.

Манит. И верить мне охота,
И чудится – из мглы лесной
Таинственный, незримый кто-то
Заговорил сейчас со мной.

И мнится – слышу в этот миг
Я голоса времён седых.

* * *

По тихим тёмным берегам реки
То здесь, то там – убогие лачужки.
Тут воды тихи, но не глубоки,
И очень грустно квакают лягушки.

Сырые кочки – заболочен луг.
Здесь приуныли пасмурные ели.
Край этот беден, тёмный, дик и глух –
Вокруг глаза мои бы не глядели.

Кругом унылый и печальный вид,
И на душе безрадостно и грустно,
И смутные охватывают чувства –
Совсем тут скоро будет глухо, пусто –
Ведь время всё безжалостно мертвит...
И этот вид ничто не оживит.

* * *

Под небом Родины великим,
Как образ грусти – журавли.
Они своим протяжным криком
Меня опять с ума свели.

Их крик не громкий и не резкий,
Но внятный сердцу... Потому
Невольно сердцем каждый русский
Всегда откликнется ему.

И не случайно я рукою
Глаза свои слегка прикрыл –
И слышу, слышу над собою
И крики я, и шелест крыл.

И всё, что было непонятным,
Таким понятным стало мне
Вдруг в этой жизни на земле,
Под этим небом необъятным.

Вдруг стало всё кристально ясным.
И на дороге полевой
Подумалось, что не напрасно,
Наверно, век я прожил свой...

...Отрадно думать эту думу
Под крик и шелест журавлей,
Когда во мгле иду я к дому
Меж вечереющих полей.

* * *

Ларисе Аннушкиной

О лете о красном тоскую.
Но всё ж на осенней земле
В жилье своём песнь ветровую
Вновь слушать так сладостно мне.

Есть тайная в этом отрада –
Не надо отрады иной,
Особенно если ты рядом
И дни коротаешь со мной.

И пусть всюду сыро и мглисто, —
В глаза ты посмотришь мои
По-детски светло и лучисто —
И вмиг зазвенят соловьи.

Всё в лучшем представится свете,
Опять заволнуется кровь.
И петь за стеной будет ветер
На скрипке таинственной вновь,
Про нашу с тобою любовь,
Чтоб все о ней знали на свете.

ПИЛИГРИМ

Леса, луга, поля глухие.
Тишь. Вековое забытьё...
Но дышит здесь душа России...
Но сердце бьётся здесь её... –

Пусть бьётся тихо, бьётся глухо! –
Биенье это слышно мне
В тиши погаснувшего дуга,
В вечерней розовой мгле.

Закат узором алым вышит...
В заветный лик Руси спеша
Опять взглядеться, —
всё услышит,
На всё откликнется душа.

Пускай пейзажей нету глуше!
 Пускай уже стугилась тьма! –
 Здесь всюду тихо шепчет в душу
 Мне, пилигриму, Русь сама.

* * *

За деревушкой – тёмный лес...
 Над лесом в вышине струился
 Свет ярких голубых небес.
 Как славно, хорошо, что здесь,
 Скитаясь в поисках чудес,
 Я в свое время поселился.

Пусть я недолго пробыл тут –
 Но на всю жизнь, навек запомнил
 Быт деревенский и уют:
 Здесь суетливо не снуют,
 Спокойно пашут, сеют, жнут –
 Живут от века жизнью полной.

* * *

Бывало, с радостью иль грустью
 По русской я бродил земле,
 Моею любовался Русью,
 Чтоб Русь моя открылась мне.

Но чем бродил я дольше Русью,
 Тем чаще, больше думал: Русь!
 В твоей судьбе как разберусь я,
 Когда никак – признаюсь с грустью –
 В своей судьбе не разберусь.

СОН

Ларисе Аннушкиной

Даль закатная смеркла.
 Ночь. И будто бы сон:
 Вижу – белая церковь.
 Слышу – медленный звон.

Чисто поле. Дорога.
 А над нею луна.
 И легко издалёка,
 Тихо, ликом бледна,

В белом платье венчальном
 Шла навстречу Она.
 И кольцом обручальным
 Мне казалась луна.

* * *

Вновь по ночам – таинственный, живой
 Из сада одичавшего мне слышен,
 И шум, и шелест старых-старых вишен,
 И шёпот их во тьме между собой.

И шёпот их, и шелест в тишине,
 В ночи давно заглухнувшего сада
 Душе моей мятущейся – отрада...
 В ночи врачуют вишни душу мне.

Они умеют душу врачевать
 И шорохом, и шелестом, и шумом.
 И предаюсь я снова светлым думам,
 И светлым чувствам отдаюсь опять.

Благодарю тебя, заглохший сад,
За то, что ты былым, далёким веешь,
Что душу врачевать один умеешь,
Когда во мраке вишни шелестят.

* * *

Бывало, с радостью иль грустью
По русской я бродил земле,
Моею любовался Русью,
Чтоб Русь моя открылась мне.

Но чем бродил я дольше Русью,
Тем чаще, больше думал: Русь!
В твоей судьбе как разберусь я,
Когда никак – признаюсь с грустью –
В своей судьбе не разберусь.

* * *

За деревушкой – тёмный лес...
Над лесом в вышине струился
Свет ярких голубых небес.
Как славно, хорошо, что здесь,
Скитаясь в поисках чудес,
Я в своё время поселился.

Пусть я недолго пробыл тут –
Но на всю жизнь, навек запомнил
Быт деревенский и уют:
Здесь суетливо не снуют,
Спокойно пашут, сеют, жнут –
Живут от века жизнью полной.

МОЙ КРАЙ, МОЙ МИР

Ты светлой дымкой, дымкой лёгкой
Былых времен окутан весь –
Как бы из древности далёкой,
Из старины глубокой весть.

И я люблю под шум древесный
Стоять, смотреть, как над тобой
Сияет, светится небесный,
Высокий купол голубой.

...Печали полон неизбывной,
Он дремлет – древний мир вокруг.
Здесь чужд и странен реактивный,
С небес летящий резкий звук.

Как ширь безбрежна полевая!
Как душу бедную томит!..

Вот дождик, поле поливая,
Пошел – сверкает и шумит.
И влага свежая, живая
Из тучи – тучный злак поит.

Дождь плещет на листву ракиты,
На крыши тёмных изб, на луг.
И дождевой струёй омытый,
Весь оживает мир вокруг –

Мир и старинный, и безвестный,
До дрожи и до боли свой.
Заброшенный – но все ж чудесный!
Глухой, пустынный – но живой!

* * *

Ларисе Аннушкиной

О лете о красном тоскую.
Но всё ж на осенней земле
В жильё своём песнь ветровую
Вновь слушать так сладостно мне.

Есть тайная в этом отрада –
Не надо отрады иной,
Особенно если ты рядом
И дни коротаешь со мной.

И пусть всюду сыро и мглисто, –
В глаза ты посмотришь мои
По-детски светло и лучисто –
И вмиг зазвонят соловьи.

Всё в лучшем представится свете,
Опять заволнуется кровь.
И петь за стеной будет ветер
На скрипке таинственной вновь,
Про нашу с тобою любовь,
Чтоб все о ней знали на свете.

Полина РОЖНОВА

Полина Константиновна Рожнова – поэт. Родилась в Читинской области. В 1951 году семья переехала на Вологодчину, в Сокольский район. Детство прошло на Боровецкой земле, училась в деревне Обросово. Окончив школу, поехала поступать в Москву, в Литературный институт имени А.М. Горького. Она стала студенткой курса Льва Ошанина. Первый поэтический сборник П.К. Рожновой «Глушица» вышел в 1973 г. В 1984 г. издаётся второй сборник «Разрыв-трава», а в 1990 г. – «Красная горка». Её стихи о деревне и о деревенских старинных праздниках, о любви и о женской доле, о чарующей северной природе. В своём литературном творчестве П.К. Рожнова выступает не только как поэт, но и как собиратель, исследователь русских народных традиций, русского фольклора. Её книга «Радоница» (Русский народный календарь. Обряды. Обычаи. Травы. Обережные слова. Древо жизни) вышла в свет в 1997 г. Полина Константиновна Рожнова член МГО Союза писателей России, руководитель школы «Русский народный календарь», автор идеи Всероссийского конкурса «Марья-краса, длинная коса», автор цикла «Монастырских вечеров» в Свято-Даниловском монастыре, член редколлегии журнала «Сельский механизатор», секретарь Вологодского землячества в Москве. Много лет руководит Клубом московских писательниц «Московитянка».

Живёт в Москве.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПАВЛЕ АНТОКОЛЬСКОМ

В этой статье я не в силах сделать формальный обзор жизни и творчества Павла Григорьевича Антокольского (1896–1978). О нём написана прекрасная книга Л. Левина «Четыре жизни», немало статей и предисловий к его публикациям в периодике, его литературная жизнь порождена круто меняющимися годами, его слава то угасала, то вновь вспыхивала, как птица Феникс, его ученики приходили к нему и уходили, забывая и вспоминая о нём, а всё его литературное время сопровождалось спорами о его стихах. Он, как воин, не сдавал своих позиций, своих пристрастий. Порой его решения были стихийны, выводы – остры, он был прямолинеен. Он открыл для нас нечто особенное в литературе, главное, непререкаемое, чёткое:

«Наша поэзия, как всякое другое искусство, должна быть поэзией воинствующего мировоззрения. Для того чтобы быть такой, она прежде всего должна иметь это мировоззрение. Если это так, может ли она быть “глупой” или “глуповатой”? Никогда! Поэт должен быть политиком и философом, и историком, и вообще широко и полно осведомлённым человеком, и знатоком чужой души, проницательным, многосторонне вооружённым деятелем. Он должен быть таким деятелем не в декларациях, а в самих стихах, внутри стихов, в их тексте...»

Также очень чётко и глубоко (что имеет полное отношение к сегодняшним дням) он сказал о значении победы в Великой Отечественной войне для жизни народа:

«Нам предстоит быть зоркими по отношению к облику вырастающей победы. Она принесла многое. Прежде всего она принесла жизнь, дыхание и свободу миллионам измученных людей – ту самую жизнь, ту самую свободу, которые несовместимы с одним существованием фашизма. Победа принесла нам уверенность в нашем историческом бытии, в правоте нашего

дела. Она доказала всему миру наше нравственное превосходство по сравнению с врагом, нашу силу...»

Страшное горе, которое досталось на его долю, это не вернувшийся с войны единственный сын – Володя. Антокольский отдаёт своё любящее сердце поэтам, погибшим на войне и пришедшим в литературный мир с войны. Так об одном из них, поэте, солдате Сергее Орлове он пишет:

«Многие из того, что принесли с войны молодые поэты, уже принято как подлинный документ великого времени. Но у книги Орлова (речь идёт о книге «Третья скорость») есть личная особенность. Это стихи о танкистах, об их героической будничной работе в войне, об их коротких привалах, об атаке на рассвете, когда немцы били наугад, вслепую...» Он называл строки Сергея Орлова «корневыми и жаркими», а его лирику – «умной и по-своему смелой». И продолжает: «Сергей Орлов знает и любит историю, прежде всего русскую».

Вот к такому Антокольскому, поэту, который был для меня и поэтом Серебряного века, и советским, поэтом высоких чувств, высокой правды, поэту, который был актёром, драматургом,

режиссёром в театре, поэтом памяти и воображения, меня привела жизнь.

10 сентября 1975 года я впервые вошла в дом 8–А на улице Щукина. Поднявшись на лифте онемелой рукой, вернее ладонью, ткнулась в квартиру 38 без звонка. Никто не ответил. И вспомнив предупреждение: «Стучать сильнее» – я сжала пальцы в кулак. Стук, которым как бы говорил: «Откройте!» – был слаб. Но мне открыли.

Я увидела поэта среди потемнелой пазелени стен, насторожённого, усталого, с глубокими глазницами на лице. В них было

расставание. Расставание с фотографиями в тёмных рамках, с Мефистофелем, уже не спешащим оказывать Фаусту дьявольские услуги, с обществом химер, не помышляющих о коварстве. На полках под потолком, останки тощего мерцания синего фарфора. И сам поэт, в халате, схватывающим плечи, в зыбких нитях, которые казались мне бывшей когда-то материей. Огонь разъедал в его трубке табак. А его глаза были огромными, будто выточенными горящим резцом.

Павел Антокольский знакомил меня не совсем тем, что было рядом, под рукой. Из угла извлёк рисунок к Франсуа Вийону. Из стола – книгу, в которую вместились огромное множество стихов к нему. Последняя страница – моё стихотворение. Он подвёл меня к портрету. Лицо на портрете было бело, как залежь соли – в розовых разводах смятения. И глаза – две огненные горсти земли. А над лицом – цилиндр. Как что-то единственное, напоминающее о виденном когда-то мной. Но когда?

– Как, узнаете?

Я выдохнула:

– Узнаю, но не могу... Вот представлять начинаю. И перед глазами... Все черты, что оборотни...

– Это – я! Рисовал Юрий Завадский.

Мой страх, моя неуверенность, чувство нелепости этого прихода – всё пропало. Прояснилось: не цилиндр, а чёрный берет – и этот портрет станет – им! Антокольским! Чёрный берет, как чёрный нимб. Антокольский всегда в чёрном берете!

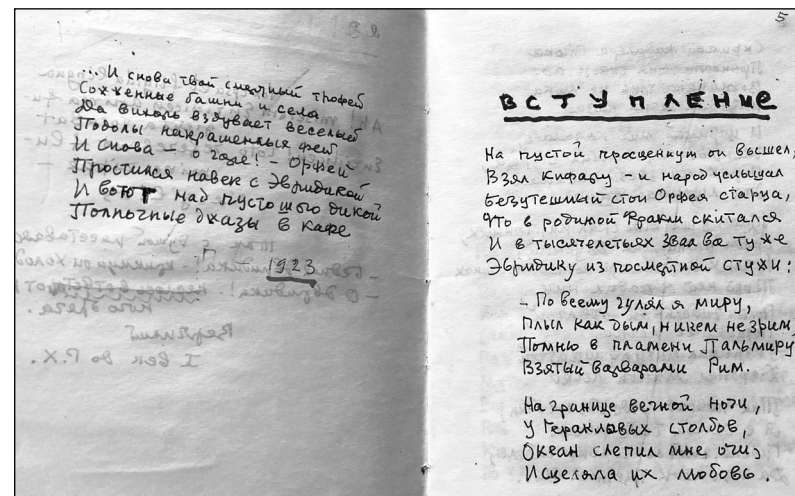
В то время, когда я училась в Литинституте, мы, студенты, старались попасть на литературные вечера в ЦДЛ. Поэт с чёрным нимбом над головой так и остался в строках: «Гравёр чертовщину дождём штриховал». Гравёр – Павел Антокольский. Чертовщина – нечто не от мира сего. Вымысел. Но чертовщина, заштрихованная дождем, говорила о том пределе, где тебя уже не тронут, пальцем не посмеют ткнуть за непонимание тревоги в себе и о времени, в котором «черновик, чёрный хлеб моего существа» перечёркнут накрест и брошен на пол. Тогда же вспомнились строки:

*В мокрей сталактитовой пещере,
В опухлях известковой мглы,
Чертовщину вспученную щеря,
От свечей шарахались угли.*

Я сидела в чёрном кресле с вывернутыми ватным нутром среди кожаных трещин. Я сидела у письменного стола, за которым Павел Григорьевич писал стихи. Перед беспорядком, как мне виделось, черновых вариантов, фломастеров, которые он обожал, фиолетовых картонок. За этим столом он переплетал, склеивал, рисовал, переписывал, создавал свои рукописные книги. Одну из них «Книгу Орфея». «1968 год», он тут же подарил мне.

Прошло немало лет, но открывая её, я тут же вижу, как лучится лицо Антокольского. Как будто нечто поднимает его среди книг, и он снова повторяет:

*Ой ладо, ой дидо...
Я только осколок
Серпа золотого...*

Мне было не по себе от нелепого моего же присутствия среди столь сакрального на огромной живой земле Антокольского. Но уже через какое-то время Павел Григорьевич читал мне такие строки:

*Да, самое большое – помнить
И видеть яростию глаз,
Всё, что открытого напоказ,
Что не коснётся этих комнат
Трезвоном бесполезных фраз.*

В своём стихотворении «Канатоходка», адресованное ему, я сравнивала себя с образом той, которую он мог бы увидеть, продолжив вот это своё стихотворении «Канатоходцы».

*Вся работа канатоходца
Только головоломный танец.
Победителю тут венца нет,
А с искусством ничтожно сходство.*

*Наше дела очень простое:
Удержать вверху равновесье,
Верить в звёздное поднебесье,
Как деревья, погибнут стоя.*

*В каждом цирке есть купол этот,
Не обрушенный в прах опилок.
Путь наш ясен, а нрав наш пылок,
И отчаянно весел метод.*

*Перестаньте, зрители-гости,
Спорить с бедными мастерами!
Посторонние в нашей драме.
Обсуждать исход её бросьте!*

*Что бы ни было, не вам дела
До грозящей другим расплаты,
От того, что не вы крылаты
И не ваша рать поредела!*

Своё стихотворение я заканчивала так:

*Когда сорвусь,
Ты в искорке огня,
Что озарит лицо твоё и руки,
И не оставит на лице зарубки,
Узнаешь ли, учитель мой, меня?*

Позже Павел Григорьевич говорил, что существует незримая связь поэтических миров. Я о ней тогда не задумывалась. Что в письме к Дону-Аминадо Марина Цветаева писала: «Я вам непременно рукоплещу – как акробату, который в тысячу первый раз удачно перетанцевал на проволоке. Сравнение не обидное. Акробат – это ведь это из тех редких ремёсел, где всё не на жизнь, а на смерть. Я сама такой акробат».

Когда я впервые вместе с Павлом Григорьевичем вышла из его дома, ни нам самим, никому-то со стороны не было ясно: кто кого ведёт? И это было так. Тяжёлая участь поводыря под куполом жизни доставалась иной раз – мне, иной раз – ему.

Конечно, не всё можно пересказать, вспоминая встречи с поэтом.

Анализируя и тут же впрягая память в разговор, Павел Антокольский был способен на характеристики всего живого и ушедшего, узнанного и далёкого до узнавания. К примеру, я однажды вошла к нему со словами: «Нынче день покровителей лошадей Флора и Лавра! (Бывало, я ему называла дни из Русского народного календаря, объясняла их значение).

Павел Григорьевич оживился:

– Я-то думал, отчего они такие длинные лицами на иконах. Лавр –листок вытянутый, Флор – в моём представлении – жердь.

Я:

– На одной жерди онучи сущим.

Он:

– Жердь – поэзия, я свои истёртые, ты – чуть стоптанные.

Я:

– Жердь – поэзия? Первый слог – жер – жеребёнок! Лошадь! Два слова – в одном? От первого «жер», от второго «дь».

– Божье дитяtko! Так сегодня день покровителей поэзии!

Страсть к театру не оставляла Павла Антокольского. Его первым стихам в периодике дал дорогу Брюсов. А первую книгу «Стихотворения» в 1922 году издал Шмидт Отто Юльевич, который в то время был директором Госиздата. В Староконюшенном переулке размещалось издательство «Узел». В 1926 году в этом издательстве вышла вторая книга стихов Антокольского «Запад», а в 1927 году «Московском цехе поэтов» – третья книга. Его захватила тогда тема западноевропейской культуры. Он грезил о театре. Он пишет поэмы «Робеспьер и Горгона», «Коммуна 71 года» «Франсуа Вийон». На Арбате в книжном магазине в букинистическом отделе я потом купила его книгу «Робеспьер и Грагона», изданную в Госиздате в 1930 году. Сколько же в ней страсти, горести, боли! Я поняла, как глубоко Антокольский вживался в далёкое от него время и в историю иной страны.

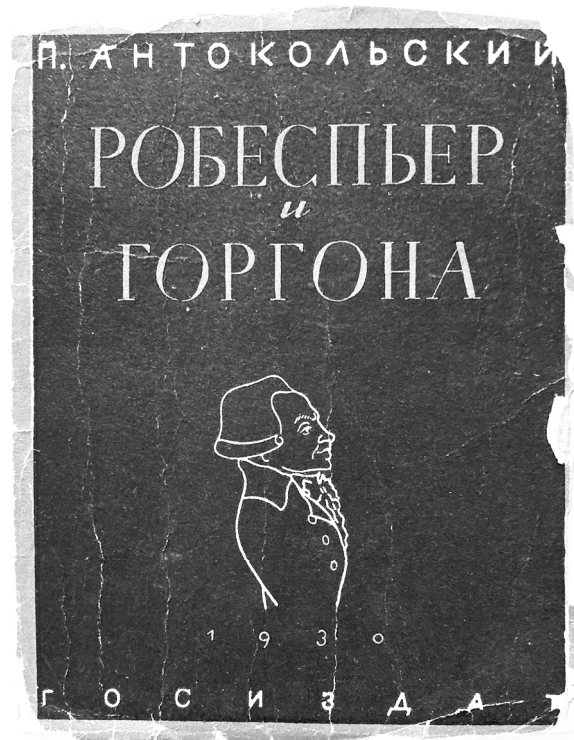
С ваханговцами, вернее, с памятью о них, Павел Григорьевич расставался трудно. Это видно было и в настоящем нашем времени. Ведь именно для актёров этого театра, для самого Вахангова он с пристрастием писал поэтические поэмы: «Пожар в театре», «Обручение во сне», «Кукла инфанты». А как же не сказать, что он ушёл с него головой в создании знаменитого спектакля «Принцесса Турандот». Стихотворный пролог, песенки, загадки, адресованные принцу Калифу – всё это поэтическое вдохновение, фантазия, именно Антокольского. Он был на гастролях с ваханговцами в Германии, Швеции, Франции. Он «варился» внутри театра!

В 1976 году Павел Антокольский повёл меня в Трёхпрудный переулок.

В статье о Марине Цветаевой он писал: «Схожу с ума от того, что я так мало ценил Марину». В дом на Трёхпрудном Марина Цветаева въехала летом 1914 года с мужем Сергеем Эфроном, маленькой дочкой Ариадной и няней.

Как рассказывается в документальных статьях: «В её квартире было семь комнат. Не считая тёмных. Комнаты располагались друг над другом, три этажа в самой внутри квартиры и сообщались внутренними деревянными лесенками. Причудливы были

и освещение квартиры – через окна разной величины и формы и через “Световой колодец” на крыше. Потолки были украшены лепниной, часть стен обшита красным деревом. Голландские печи покрыты белыми и узорными изразцами Марина Цветаева называла свой дом “волшебным”, “гротом”, “кораблём”, “диккенсовским”. Она жила в нём с 1914–1922 годах».

Мне этот день, эти стены, в которых когда-то жила Марина Ивановна, – преподнесли немало испытаний. Странно, но я не могла понять – на каком этаже мы находимся, куда ведут лестницы, высоко ли мы, или спускаемся вниз. Скрип половиц, как о чём-то предупреждающем, бесконечном, надо было понять. Но как понять? Казалось, ступеньки лестниц непрочные, что в

самых стенах что-то живёт и вовсе не радуется нашему приходу. Весь дом был не от мира сего. Когда всё же мы добрались до первого этажа, за чаем, хранительница дома Надежда Ивановна Катаева-Лыткина порассказала немало удивительного, и подтвердила, что в доме есть помимо её жизни ещё другая, и она связывает её с Мариной Ивановной!

Осенью 1977 года Павел Григорьевич завёл разговор о кольце.

– Хотел бы вас чем-нибудь одарить. Чтобы что-то вечное осталось в память обо мне.

– У меня и так всего много: ваши стихи, ваши книги, дружба с вами...

– Вечное не вмещается в кольцо? Так?

– Может, и вмещается...

– Когда-то (это «когда-то» он произнес дважды) – мне подарила кольцо Марина... – И уже огненные глаза он устремляет в меня. Не задело ли их любопытство? Он ненавидел лёгкое любопытство.

– Я читала. Оно – потеряно...

– Потеряно... Я стал мужем, отцом... Столь юному, мне было не до размышлений как о вечности, так и о кольце иной женщины... Писали стихи... И на что обречены этим трудом, в то голодное время, не думали. Думали все – о хлебе на завтра, вернее, о похлёбке...

– Оно осталось ...со стихами... «Дарю тебе железное кольцо, бессонницу, восторг и безнадежность...»

Восторг... Он был у Антокольского всегда почти как детский. На другой день, после дня рождения Беллы Ахмадулиной, он кричал по телефону: «Ты запомнила утюги? И сколько утюгов было на белом свете! И во всех когда-то горели угли! И все они когда-то были огнедышащими!»

Бессонница... Для Павла Григорьевича полтора – два часа днём отдохнуть, было «за здорово живешь!» Он читал, писал, стихи, писал дневник, клеивал фотографии в альбом, кропотливо сшивал обложки для своих изданных стихов. Он не давал сну житья! Клей, карандаши, ручки, фломастеры... Он рисовал неустанно.

Жизни без ЦДЛ Павел Антокольский не представлял. Он хотел ощутить себя там, в толчее писательской, незабытым, чтобы что ни день, вступать со старостью в распри и давать ей знать, что она вовсе не властна над его решениями, дорогами, стихами.

По телефону он объявлял: «Едем в ЦДЛ!»

В ресторане он всегда читал стихи. Его необъятная память восхищала! Круг собравшихся был всегда велик. И маститые поэты, и актёры с Таганки, и просители рекомендаций к стихам или в Союз писателей, и даже просители к ещё ненаписанным стихам. Он был щедр. Он хотел думать, что поколение поэтов, пришедших с войны, сродни поколению поэтов, родившихся после войны. Но теперь уже многие поэты устраивались в жизни гораздо прочнее, чем он. Иногда, усталый, опустошенный, он обхватывал голову руками и говорил: «Я – Король Лир».

Как-то в ЦДЛ я сказала Павлу Григорьевичу:

– Смотрите, а вот и колесо катится!

– Какое колесо?

– То колесо... Помните, Шут говорил Королёв Лир: «Смотри, если колесо вверх катится, хватайся за него, оно и тебя подтянет!»

– Так посмотрим, кто схватится за это колесо? – весело предложил Антокольский.

В двери выросло мощное тело молодого поэта, который, когда не было рядом «колеса», говорил: «Павел Григорьевич, вы – мой учитель!», а тут он будто прильнул к другому писателю, занимающему высокий пост.

Павел Григорьевич схватился за голову. Он был зорек на трусость, на ложь, измену. И спросил:

– А ведь кода я появляюсь в ЦДЛ, что, и возле меня так?.. И я облеплен?..

– Не всегда... Когда вы идёте обратно, близко с вами никого не остаётся.

– Божье дитятко! Меня ведь не станет. А ты иди. Иди к Пушкину. Смотри, дойди! Цветаева хоть и говорила, что её первым поэтом был Пушкин и её первого поэта убили, но в гору-то она шла с ним... К тому же незримо ото всех...

16 октября 1978 года, когда был вечер в Доме литераторов «Павел Антокольский и его ученики», я говорила: «Есть такая поговорка: “Какой человек в лес пойдёт, такое ему и дерево навстречу”. И если провести аналогию и представить поэзию в виде живого леса, дерева которого по существу своему и подобию, по плоти, не что иное – как поэты, то глазам откроется неизмеримое по росту и по голосам, и это будет не райский сад, не дебри, а средь России ставший, возрастом вечности не уступающий, закалённый русский лес поэзии. И среди прочих, есть в этом лесу дерево, корни которого не нащупывали сытых почв, а вращались в век. И среди его ветвей, как нигде, ни на одном дереве, обрела пристанище птица-воображение, птица Феникс, птица, летевшая через страшную войну, призывая к полёту таких же, верных родной земле, родной стране птиц. Под этим деревом проходят сцены из “Франсуа Вийона”, из “Робеспьера и Горгоны”, из “Эвридики”, из “Гибели Орфея”. Вот наказ Марины Цветаевой: “Чтоб в буре дней стоял один, как дуб!”»

За то небольшое время дружбы с Павлом Антокольским, я познакомилась с его огромной семьёй. Он всех домочадцев любил безмерно. Никто не роптал, что к Антокольскому идут и идут поэты, писатели... Наталья Павловна, его дочь, если просил Павел Григорьевич, собирала что могла, угощала как могла... В его комнате стоял невероятный поэтический шум. Его внук Андрей Тоом, математик, кандидат физико-математических наук, старался выполнить все наказы деда: отправить письма, купить бумагу, конверты, телеграфировать кому-то... Жена Андрея – Анна, была всегда обеспокоена: «Не устал ли Павел Григорьевич?» Постоянными обитателями, как мне казалось, были Владимир Михайлович, его шофёр и друг, писатель Леонид Тёмин, Анатолий Миндлин, друг сына Павла Григорьевича – Володи. Анатолий Эмильевич в Орловской разыскал братскую могилу, где был захоронен Володя Антокольский.

Позже, когда Павла Григорьевича не станет, и когда Анна и Андрей Тоом уедут жить в Америку, потому что там Андрею, крупному математику, будет предоставлена работа, именно там они будут тщательно работать над литературным наследием

Антокольского. В первую очередь – над его дневниками. Их Павел Григорьевич писал практически всю жизнь, ежедневно. Андрей Тоом опубликует двухтомное собрание сочинений деда, подготовит сборник мемуаров о нём. Благодаря Анне Тоом в Санкт-Петербурге в издательстве «Пушкинский дом» и издана в 2002 году книга «Дневник». Я позволю себе открыть читателям некоторые страницы этой книги.

«В 1936 году я помню себя в кабинете директора Гослитиздата в Большом Черкасском переулке, за его большим столом. Предо мной сидят молодые – Долматовский, Алигер, Симонов, С. Васильев, Михалков, Матусовский, Ошанин, Железнов, ныне покойные Рейхауз, Б. Лебедев, Бондаревский, Стрельченко».

1 октября 1966 года он пишет: «С. Капутикян была в моём семинаре вместе с Гудзенко, Межировым, Лукониным, Недогоновым, Дудиным, Орловым...»

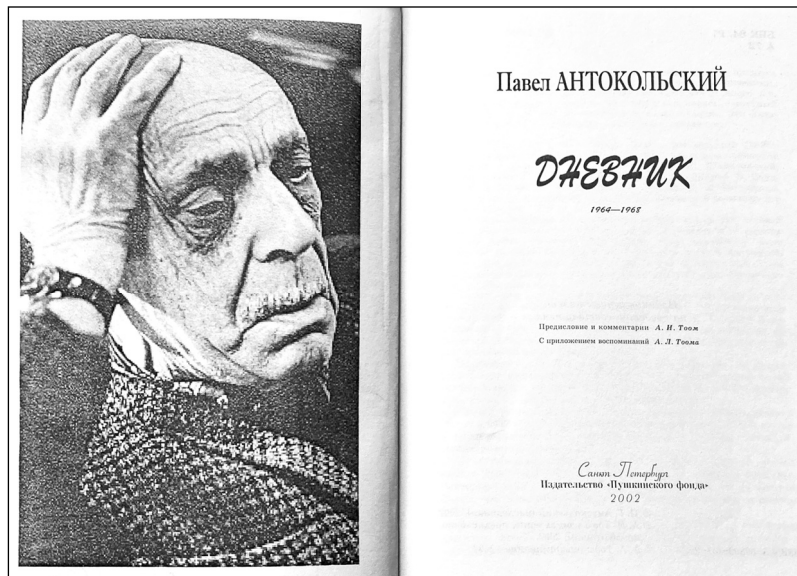
11 октября. 1966 г. «Мне больше всех нравится Долматовский. Я считаю его самым одарённым. Мне нравится в его стихах верность жизненному факту, умение видеть и слышать сегодняшний день. Много надежд возлагаю на Симонова – конечно же, этот высокий юноша, бедняк с виду, смелый в ответах, так трезво оценивающий и себя и товарищей, и по видимости очень работоспособный, – далеко пойдёт. Алигер помалкивает, робеет, стихи у неё бывают растянутыми, но у неё чувствуется лирический дар».

«Мы сообща задумали интересное предприятие. Через год исполнится сто лет со дня гибели Пушкина. Пусть каждый напишет о нём стихи. <...>

Пусть каждый выберет близкую себе тему: детство, лицей, Петербург, южная ссылка, декабристское восстание и т.д. Организуем этот материал, чтобы наш сборник был поэтической биографией Пушкина.»

«Дело идет на лад. Поэты увлечены, на каждую нашу встречу они являются с ворохами черновиков.»

«Книга наша уже сдана в набор. Наше объединение продолжает собираться. Между молодыми и мною возникают личные дружбы, из которых несколько остаются для меня опорой».

Позднее Константин Симонов напишет: «Работа Антокольского в поэзии, это работа не только над собственными стихами. Это работа над нами. Кто приходил к нему, учился у него, робел перед ним, спорил с ним, принимал или не принимал его советы, и снова ходил к нему, и снова учился у него. А кто это мы? Мы — это люди разных поколений, разного возраста, разных поэтических стилей и пристрастий. Многие из нас далеки друг от друга, но в наших поэтических путях есть общая точка пересечения, хотя порой и разная по времени, и эта точка пересечения — наш общий учитель — Антокольский».

В своих дневниках Павел Антокольский подробно говорит о своей дружбе с Твардовским. Он непрестанно опирается на мнение Твардовского, едет к нему в Союз писателей. А тот в свою очередь в самые трудные минуты едет к Антокольскому. Отчаянные, горчайшие дни перемен в писательском союзе, перемен в стране. «Что будет с нашим обществом завтра?»

Но тогда рядом с ним была Зоя Бажанова. Не просто спутница по жизни, она была его «всем», наполняла его жизнь пони-

манием, светом, верой, добротой. А когда её не стало, страдание и одиночество открыли двери в его стихи.

Приведу отрывок из стихотворения Константина Симонова «Дом друзей».

*Дом друзей — в нём
свои есть заботы, потери.
Он в войну и с вдовством,
и сиротством знаком.
Но в нём горю чуждому
открыты все двери,
а своё, молчаливое,
— всё под замком.
Он тебя пригревал, этот дом,
сколько раз,
он бывал
на житейском большом переходе,
как энзе —
как неприкосновенный запас!*

...Когда мы первый раз пришли вдвоём в ЦДЛ, Павел Григорьевич не ожидал, что мне многие писатели знакомы. Над Дубовым залом ресторана в небольших комнатах — размещались литературные отделы МГО. Самый главный — поэтический возглавлял поэт Сергей Мнацаканян. Там, у Сергея Мнацаканяна, мы, молодые поэты, как в родном доме, знакомились, встречались, приглашали друг друга на литературные вечера, выступления в библиотеках... Там царил настоящий пчелиный рой. И оказалось, Павел Григорьевич был очень дружен с Сергеем, который нравился ему своими стихами, открытостью. Вот этот момент дал мне, может быть, самый непростой ответ: как идти литературными тропами рядом с Антокольским?

К тому времени я много печаталась и в крупных журналах, таких как «Октябрь», «Молодая гвардия», «Смена», в «Днях поэзии»... Не говоря уже о газетах. Я окончила Литературный институт в семинаре Льва Ивановича Ошанина. Так было, что

Лев Иванович был в начале своего поэтического пути учеником Антокольского. Могу так сказать о себе, что при Льве Ивановиче за время учёбы и после какое-то время я была как за каменной стеной. Но пришло другое время. Павел Григорьевич не раз мне напоминал, что Лев Ошанин – был его учеником! И, может быть, он, Ошанин, перенаправил меня к нему, Антокольскому, чтобы передать чувство пути в поэзии. Антокольский подчеркивал, когда дарил мне книгу «Путевой журнал писателя»: «Напрасно ждать новых впечатлений, экстраординарных событий, далёких странствий. Они интересны и заманчивы, но внешним образом. Кто потерял чувство своего пути, потерял и орган для восприятия мира сего».

Не потерять «чувство пути» – это не потерять свою любовь к родной стороне. И слова Антокольского: «Меня не станет, а ты иди к Пушкину» – я слышу до сегодняшнего дня.

Вспоминаю ещё одно событие, неизгладимым следом оставшееся на моем пути.

Как-то в мае 1976 года Сергей Мнацаканян объявил мне: «Ты включена, как молодой писатель, на Десятый Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в состав делегации в Михайловское».

Тогда поездки молодых писателей с маститыми на литературные праздники в города России, за границу, да и просто – знакомство со своими книгами читателей на заводах, в библиотеках были реальными. Увидеть Пушкинские Горы было моей мечтой. К тому времени многие писатели: Людмила Щипахина, Виктор Гончаров, Михаил Дудин – были со мной знакомы. Неожиданно уже в поезде прошел слух, что поэт Антокольский едет с нами в одном поезде!.. Какое время было! Казалось, весь мир едет к Пушкину! Ливан, Великобритания, Чехословакия, Австрия, Дания, Канада, Англия, Сирия... Включая наши Социалистические Республики: Армения, Молдавия, Белоруссия... Пушкин собрал мировой поэтический братский союз вокруг себя!

Конечно же, Павел Григорьевич, увидев меня, сразу же взял надо мной, как он говорил, «шефство». Своим долгом посчитал в первую очередь привести к Семёну Гейченко, потом знакомил с Иваном Козловским, с Ираклием Андрониковым. Это были

самые дорогие ему творцы, прибывшие на Псковскую землю. А далее всё было осенено Пушкинским именем. Изборск, Тригорское, восстановленный дом Ганнибала... Печать Ганнибала... Книги Ганнибала... Подлинники, письма и бумаги... Дух Пушкинского времени.

Забывать ли, как склонялись все в невыразимой печали у могилы Александра Сергеевича Пушкина, как пел народный артист СССР Иван Семёнович Козловский в Успенском соборе монастыря, как водил от дерева к дереву, от строения к строению «домовой» Михайловского Семён Степанович Гейченко, как светилась стихами, народом Пушкинская поляна!

Но самое незабываемое – каким был в те дни Павел Антокольский! Каждое его слово, даже, можно сказать, вздох, передавались по народной толпе! За ним следовали, его спрашивали, его слушали, ему верили! А как он читал Пушкинские стихи! Как ликовало, угасало, снова воскресало в его исполнении стихотворение «Я помню чудное мгновенье!..»

Сколько же замечательных фотографий подарил нам Анатолий Хрупов, фотокорреспондент из «Литературной газеты»! Благодаря им я вижу сегодня, как идём мы по алее Анны Керн, как склоняемся над глубоким колодцем в Изборске, сидим у костра у реки Сороть. И я говорю: «Дорогой Павел Григорьевич! В твой юбилей я снова на Пушкинской земле, снова рядом с тобой, я слышу тебя! С Днем рождения!»

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

Ольга Александровна Флярковская – поэт. Родилась в Москве. По образованию театровед, с отличием окончила ГИТИС имени А.В. Луначарского. В настоящее время работает на телевидении и заведует отделом культуры и искусства в литературном альманахе «Гражданинъ». Автор шести поэтических книг, критических и литературоведческих статей, член жюри многих российских и международных фестивалей. Основатель и многолетняя ведущая творческого клуба «Чернильная роза» при МИКК «Особняк Носова» в Москве. Лауреат нескольких литературных премий. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

НЕ ВЕЧНЫ МЫ, НО ВЕЧНЫ БОГ И СЛОВО...

РОДНАЯ РЕЧЬ

Россия, Русь, родимый, радость, роды,
Рассвет, рушник, репейник, ремесло –
Родная речь! В её святые воды
Опять волной как будто унесло...

Вот он звучит – серебряный, певучий,
Сердечный, мудрый русский наш язык!
Стозвонен он, в нём тайный шёпот щучий,
Отравленной царевны тихий вскрик,

В нём плеск русалок, пляски их и стоны,
В нём гул и глас побоища на льду,
Весенней рои птичьей перезвоны
И яблоки последние в саду,

Осенние поля, косые ливни,
Далёкое «курлы» над головой...
Весь этот мир, томительный и дивный,
Загадочный, прекрасный и живой.

Он что-то говорит нам! Ты послушай:
Вибрирует натянутая нить!
Родная речь связала наши души,
Лишь ей по силам нас соединить...

Не вечны мы, но вечны Бог и Слово,
И эта вера в сердце и в крови:
Жить надо так, чтоб к смерти быть готовым,
Но больше к жизни – в мире и любви.

ЧЕРТОПОЛОХ

Красавец чертополох!
Изящный, дымчато-синий...
Как сонной воды сполох
Сей маленький страж России.

Развеет любую хмурь,
Осилит любые чары
В эпоху железных бурь
И сеющих смерть анчаров.

Смотри, как он сух и строг,
А тронешь – царапнет кожу
Сей спутник земных дорог,
Где всякий наш путь тревожен.

За то и дано ему
Прозвание – круче нету! –
Что он разгоняет тьму
И тем помогает свету...

ТРИДЕВЯТОЕ

Косая тень, дремучий омут,
Плеск золотого плавника...
Сосут волчицу Рем и Ромул,
Трубят и бряцают века.

А здесь квашня вздыхает в кадках,
Краснеет солнца каравай,
И наливается на грядках
Волшебных репок урожай.

На дне прозрачная русалка
В ладонях спрятала звезду,
И бродит осень в полушалке
С корзиной яблочек в саду...

Здесь рвёт крапиву спозаранку
На веник Бабушка-Яга,
И Кот Баюн завёл шарманку,
Заняв свой пост у очага.

Несёт с поклоном Несмеяна
Кувшин и вышитый рушник,
И оживает утром рано
По слову путника родник...

И мудрость к юности приходит,
Висков и душ не серебря...
И дни сменяют в хороводе
Густые ночи сентября.

А вам, кликуши, врать доколе,
Что сроки наши сочтены,
Что черепа унижут колья
И сбросят воев со стены?

Молве всегда достанет прыти,
Что мы у бездны на краю...
Ещё дождей живые нити,
Как гусли прадедов, поют!

Ещё сверкает на рассвете
Роса на свежей трын-траве,
Ещё у нас родятся дети
И планы зреют в голове!

И, озаряя даль как светоч,
Рассыпав искры по реке,
Летит сквозь тьму Иван-царевич
С жар-птицей вещей на руке!

ЗИМНИЕ ЯГОДЫ

Для других незаметно
Жизнь меняет меня...
Я до проводов света
Не включаю огня.

Всё гляжу на дорогу
В голубой пелене.
Я прошу о немногом:
Помолись обо мне.

И поверь – не напрасно:
Завтра утром в саду
Три горошины красных
Я в сугробах найду.

Их прикусишь хоть малость –
С пальца слизывать кровь...
Ведь одна из них – радость,
А другая – любовь.

Третья скажет, оттаяв:
– Век живу на Руси,
Я молитва святая:
Сохрани и спаси.

Три рябиновых бусы –
Птиц озябших хлеба –
Горькой сладостью вкуса,
Словно наша судьба.

Три рубина на ложе –
В ноздреватом снегу.
Три ожога на коже,
Три приюта в пургу.

НЕСМЕЯНА

Тихая царевна Несмеяна...

Дмитрий Кедрин

В платьице из сизого тумана
Здесьнего озёрного шитья
Краше всех царевна Несмеяна –
Северная родина моя...

Взор открытый с тайною грустиной
Мог бы много высказать тому,
Кто готов почувствовать Россию,
Видеть в ней хозяйшку в дому.

Через годы смуты и тревоги,
Войнами сожжённые леса
Ты прошла, царевна-недотрога,
Чистая нетленная краса...

За тобой холмы в крестах железных,
Пред тобой поклонные кресты...
Жребий твой – всегда парить над бездной,
Не боясь ни тьмы, ни высоты.

Зацветают слива и шиповник,
Бьют из скал Словенские ключи...
Чтоб не сгинуть нам во тьме духовной,
Говори, царица, не молчи!

На пирах, едва пригубив чашу,
Ты была полна огня и сил...
Как бы ни был горек день вчерашний,
Новый – свет надежды приносил.

Что же ныне в зарослях бурьяна
Холостые русские поля?..
Ты глядишь растерянн и странно,
Родина печальная моя.

Но пока в тебя мы живы верой,
Судный петел твой не закричит.
И бегут из мхов на камень серый
Звонкие изборские ключи...

* * *

Река из-река-ет негромкие истины
О том, что кончается лета черёд.
Туманом кадит, чтобы утрами чистыми
На славу плескался утиный народ,

Чтоб вёстры купались – седые, а как ещё
Назвать беловатую узость листвы?
И ель всё тянула мохнатые лапищи,
Как тянутся призраки к миру живых.

И сонное солнце вползало улиткою
На влажный спросонья, крутой небосклон,
Чтоб вдруг отразиться волшебною рыбкою,
Ударом хвоста рассыпающей звон.

Кружилась листва в новорожденном омуте,
Легко водомерок сбивая с пути,
И чудилось что-то и в плеске, и в шёпоте –
Такое, что можно лишь сердцем найти.

ПСКОВ

Не Париж, не Лондон, не Мадрид –
Луч на древнем куполе горит.
Говорит из замети веков,
Колокольный взяв из языков,
Псков.

Стая уток в небе над Псковой,
Плащ рассветный ясно-голубой.
Строгий ход Довмонтовых часов
Отпирает к утрени засов –
Псков.

В полдень Кром распахнут всем и вся.
В Троицком соборе спят князья,
Тишины молитвенный покров
Исцеляет сердце от грехов.
Псков...

Чужестранкой я не буду здесь:
Этот город – искренность и честь.
В серой шубе тающих снегов,
В опоясе стен и берегов –
Псков.

Здесь прямее плечи, выше дух.
Здесь названья улиц ловит слух –
Воевод и воев из низов.
Город-князь средь русских городов –
Псков...

Раз Великой долгая рука
 Поманила жить издалека –
 И меня средь башен и холмов
 Встретил брат мой, ласков и суров, –
 Псков.

ЛЕНИНГРАДКА

Памяти Антонины Михайловны Флярковской

Завитками позднего ампира
 Стёкла разукрасила зима.
 Вымершие гулкие квартиры.
 Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.

Женщина в обмотках... баба Тоня!
 Ты едва бредёшь, не чуя ног...
 На твоих руках уже не стонет
 Крохотный двухмесячный сынок.

Ты как тень среди других страдальцев –
 Еле-еле бьётся жизни нить.
 Надо на Смоленском в одеяльце
 Младшего в сугробе схоронить!

Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
 Времени река не льётся вспять!
 Бабушка, ах, если б было можно
 Вам тепла и хлеба передать!

...Путь домой лежит в январской стыни,
 Ни собак. Ни галок. Ни огней.
 Да вовек твоё святится имя
 В беспощадной памяти моей...

В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Пол-июня откушено земляникой с куста.
 Сан Сергеича Пушкина ныне кружка пуста.
 Цвета вишен Тригорского зори белых ночей.
 Сад уютный Петровского, да в кувшинках ручей,

Да проказы потешные для господских утех...
 Поцелуя поспешного обжигающий грех.
 Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
 Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!

В синей роще за Соротью сныть раскрыла зонты.
 Ну а мы, коль по совести, все пред Богом чисты?
 Катит лето каретою. Льёт туман молоко.
 Это время заветное так от нас далеко!

От гусяного пёрышка на коленях труха...
 Александр-наш-солнышко, светлый ангел стиха!
 Сыплет деревце вьюжное белым цветом с плеча.
 Панихида отслужена... Но не гаснет свеча.

ЯБЛОЧНЫЙ ГОД

Август – это царственность и кротость,
 Багряница яблока в листе...
 Отчего-то к прошлому жестокость
 В человечьем скрыта естестве.
 Дождь сбивает яблоки на крыши
 В урожайном нынешнем году.
 Осы их по запаху отыщут,
 Дачники с корзинами придут.
 Терпкий сок блестит на подбородке...
 Просыпаюсь: сердце, не части!

Проданы родительские сотки,
 Маминога сада не спасти.
 Оттого и в доме стало тихо:
 Даже половицы не поют.
 У соседей лопнула шутиха,
 На листву осыпался салют.
 ...На забор ко мне склонилась ветка,
 Опустились яблоки в траву.
 Подойду – прости меня, соседка! –
 На прощанье нижнее сорву...

* * *

На дорогах то слякоть, то месиво,
 В удивленье застыла природа:
 Ждали снег мы все зимние месяцы,
 Пусть не как в поговорке – три года.

Ветки словно в малюсеньких варежках,
 В снеговых капюшонах бульвары.
 Пробираюсь по самому краешку
 Голубой целины тротуара.

Сбилось что-то в небесной логистике:
 Снегопад приключился в апреле.
 На деревьях проклюнулись листики –
 Хорошо, зашуметь не успели...

* * *

Февральская хмурая оттепель,
 Вороны как кляксы в снегу.
 Бреду с осторожностью: что ж теперь?
 Как прежде, летать не могу.

Лишь сердце всё то же – мятежное –
 Колотит, как бубен, в груди,
 Сменяя тревогу надеждою
 На то, что нас ждёт впереди.

Дождёмся ли праздника светлого –
 Чтоб всем и на все времена?
 Пусть день этот влажный и ветреный –
 Сегодня вернулась весна:

Этюдник пристроила в скверике,
 На красные пальцы дыша...
 И к ней первоклашкой на велике
 По лужам рванулась душа.

АПРЕЛЬСКИЙ РОМАНС

Я утром сегодня проснулась чуть свет
 И вот уж порывистым шагом
 Миную с останками снега кювет,
 Спешу вдоль сырого оврага.

Помедлю немного, взглянусь в облака,
 Оглухну от птичьего хора!
 Намаслило солнце сугробам бока –
 И море стекло с косогора.

Бывала и я и бледна, и грустна,
 Но вот – получила награду:
 Журчит по-кошачьи на лавке весна,
 Я рядышком с нею присяду.

Причалит автобус, как Ноев ковчег,
 Пустое сиденье – каюта.
 Любой пассажир – как другой человек
 Во власти тепла и уюта.

В окне полыхает разлив синевы,
Ныряют зелёные зайцы...
Деревья обтаявшей Новой Москвы
Грачей нанизали на пальцы.

Но выпал и мне ослепительный шанс
По чёрным ветвям, как по нотам,
Спеть с птицами вместе апрельский романс,
Придумать хорошее что-то.

ПЕРЕД ПАСХОЙ

В тишине заполненного храма
Будто речь безмолвная плыла.
Плащаница Нового Адама,
Тусклый свет от мёртвого чела.

Нервно гаснут праздничные свечи,
Восковая падает капель.
Догорел в окне весенний вечер.
Влажно. Юно. Ветрено. Апрель.

В полутьме дрожит лампадок пламя,
Ждёт народ в распахнутых дверях.
Куличи белеют над столами,
Разговенье скорое даря.

Сводный хор пропел тропарь прилежно.
Радость неподдельна и чиста.
А наутро вынырнул подснежник
У стопы воскресшего Христа.

Диана АСНИНА

Диана Наумовна Аснина – прозаик. Член МГО СП России. Преподаватель теоретических дисциплин в музыкальной школе. Автор пяти книг-зарисовок. Публикуется в альманахах «Притяжение», «Новое слово», «Поиск». Почётный работник культуры г. Москвы.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

«ЗАЧЕМ ТЫ ЕГО ПРИНИМАЕШЬ?»

– Зачем ты его принимаешь? – недоумевала соседка. – Ты что, хочешь его вернуть?

– Ты о чём? – удивилась я. – Мы расстались много лет тому назад. Все эти годы он не забывал своего ребёнка, навещал доченьку, гулял с ней, делал подарки. Я не препятствовала их общению. Это же не только мой, но и его ребёнок тоже.

Когда-то мне маленькая дочь задала мне вопрос:

– Мама, а почему папа не живёт с нами? Он что, плохой?

И я ей ответила:

– Папа у тебя очень хороший. Он приходит к тебе, приносит разные вкусности, дарит книги, игрушки... А то, что мы живём порознь, это наши взрослые дела и к тебе никакого отношения не имеют.

Сейчас дочь уже взрослая женщина, сама мама десятилетней девочки. Она жалеет отца – старый, больной, – заботится о нём. Он навещает не меня, а дочь свою и внучку. Приходит он к ним несколько раз в году: после Нового года, 8 марта, на день рождения внучки, дочки, и... когда нуждается в помощи. С пустыми руками не приходит. Всё, что остаётся после праздников, дочь перекладывает в баночки и даёт отцу с собой, чтобы ему было что поесть на следующий день.

– Хорошо устроился, – с иронией сказала соседка.

– Ты говорила, что свой день рождения (в этом году у него юбилей) он решил отпраздновать у вас дома? – спросила она.

– Девочки (у него есть ещё одна дочь от второго брака) предлагали ему пойти в кафе или ресторан, но он хочет отметить свой юбилей в домашней обстановке, – ответила я ей. – Это его дочери. Они выполняют желание отца.

– А ты где будешь в это время? – спросила она.

– Квартира у меня большая. Я у себя дома. Пригласят за стол – посижу с ними, отношения мы сохранили нормальные. Нет – у меня своя комната, найду, чем заняться. А захочу – уйду по делам.

– Я таких отношений не понимаю, – удивилась она.

– А я не понимаю, когда люди, которые были когда-то близки, расстаются врагами, – ответила я ей. – И почему дети от этого должны страдать?

– А вот моя дочь разошлась со своим идиотом, так она на порог его не пускает, – никак не успокоится соседка.

Интересно: когда её дочь выходила замуж, рожала от него ребёнка, он был хорош. Разошлись – стал врагом № 1.

– Что же он такое сделал? – спросила я. – Вроде ты говорила, что не пьёт, не бьёт, на сторону не ходит...

– Маменькин сынок он – не мужчина, – с презрением сказала она. – Я ей говорила, чтобы она не спешила с замужеством, присмотрелась. Так нет – любовь-морковь... А тут ещё и залетела от него. Цветочно-конфетный период закончился, и у дочери открылись глаза. Квартиры своей у него нет. Привёл молодую жену в дом матери. «Мама немолодая уже. Нуждается в помощи. Да и нам легче: не надо платить за съёмную квартиру. Уже экономия. И с ребёнком мама поможет, и по хозяйству», – заявил он жене. Ничего себе! Зачем тогда женился? Мужчина должен быть в семье опорой, добытчиком. А этот... Получает копейки. Более оплачиваемую работу, приработки не ищет. «Мне нравится то, чем я занимаюсь», – говорит. После работы приходит, ужинает и, включив телевизор, ложится на диван футбол смотреть. А мамочка его поддерживает. «Мальчик устал. Пусть отдохнёт», – говорит она. А то, что жена его целый день с ребёнком возится – считается, что она отдыхает. Правда, надо отдать должное, с ребёнком маман помогает, и готовит на всех. Дочери надоело это безденежье и что её всё время учат, как жить, как ухаживать за малышом, как ублажать муженька. Дочь хозяйкой в доме себя не чувствует. И замужем тоже себя не чувствует. Я говорю дочери: «Зачем тебе этот нищерброд нужен? Ты красивая, найдёшь себе достойного мужа,

который будет тебя обеспечивать, любить и холить, будет тебе опорой».

Понятно: учит дочь, как повыгоднее себя продать.

– А ребёнка-то зачем лишать отца? – задала я вопрос.

– Обойдутся без «папочки» и его копеечных алиментов, – съязвила она.

– А тут на днях сватья мне позвонила, – продолжила подруга. – Попросила, чтобы я во время прогулки дала ей возможность с внуком повидаться. Я отказала. «Умерла, так умерла».

Что тут скажешь?..

Я педагог. В моём классе более половины учеников живут в неполных семьях. Это ужасно. Сколько детей с травмированной психикой!

– Бабушка, – спросила меня внучка. – Ты развелась с дедушкой, мама с папой, я тоже, когда вырасту, разведусь?

– Совсем не обязательно, – ответила я ей. – У тебя были хорошие и дедушка, и папа. И муж у тебя будет самый лучший. Даже не сомневайся.

ЯКАЛКА

Еду я как-то в машине с мамой моего бывшего ученика. Мальчик очень талантливый, заниматься с ним было одно удовольствие. Теперь он учится у другого педагога.

– Вам очень повезло, – говорю я маме, – Альбина Петровна замечательный педагог.

– Да, у неё были такие ученики...

И она начинает перечислять тех, кто учился у Альбины Петровны. И вдруг она задаёт мне вопрос:

– А вы, Яна Борисовна, кого учили? Ведь вы очень хороший педагог и вы столько лет работаете в школе.

– Да всё тех же, за исключением нескольких ребят.

– Почему же вы нам ничего об этом не рассказывали? – удивилась она.

Я пожала плечами.

– А что рассказывать? Это моя работа.

Альбина Петровна – опытный педагог, вырастивший не одно поколение музыкантов. Она не нуждается ни в рекламе, ни, тем более, в саморекламе.

Коллеги Альбину не любят за манию величия. Она всё время всех учит, критикует, говорит без тени сомнения, потому что «знает», как должно быть. Это раздражает.

Откуда это? Все наши комплексы – родом из детства. Пока ребёнок маленький, представление о мире и о себе он получает от взрослых. Не все эти представления соответствуют действительности, но все оказывают влияние на то, как уже взрослый человек воспринимает себя.

Если девочка с детства слышала, что она глупая и некрасивая, или, как мама или папа добродушно сетовали, «горе ты моё луковое» и тому подобное, то с большой долей вероятности можно предположить, что, став взрослой, она получит программу неудачницы. Даже обладая талантом, она будет бояться его реализовать; а уж мужа себе найдёт такого, который будет своим поведением подтверждать её негативное мнение о себе. Более того, на другого человека она вряд ли обратит внимание, так как это будет ситуация для неё незнакомая.

Ольга Владимировна, Альбинына мама, была певицей. Гастроли, концерты... Муж обожал её. Ребёнком занималась бабушка. Альбина была прилежной девочкой, хорошо училась. Это воспринималось как должное. Если она получала в школе четвёрку, её ругали. А ей так хотелось, чтобы родители её не упрекали, а морально поддерживали. Ей хотелось сказать: «Мама, похвали меня, скажи, что я самая хорошая девочка на свете, скажи, что ты меня любишь такой, какая я есть».

Учась в консерватории, Альбина без памяти влюбилась в выпускника Строгановки, вышла за него замуж и... бросила учёбу. Молодой художник страдал звёздной болезнью: его ждёт слава, а любимая жена должна создавать ему для этого условия. Брак вскоре распался. Через какое-то время Альбина снова вы-

шла замуж, как она говорила, «по дружбе». Брак тоже удачным нельзя было назвать – муж пил, погуливал. На второй развод Альбина не решалась. А отец дал дочери совет: «Развестись ты всегда успеешь. Сначала найди замену. Существует такой закон: есть у тебя работа – тебе предлагают ещё и ещё; есть у тебя мужчина – появляются другие; нет у тебя никого – и никому ты не нужна. Так ты – замужняя женщина. Разведёнка с детьми – значит, что-то в тебе не так. Никого не волнует, что у тебя там внутри. Смотри вокруг, думай». Альбина всю жизнь прожила с Виктором и на старости лет, когда он уже нагулялся, сделала-таки из него настоящего мужа.

Я всегда думала, что для матери главное – её дети. Альбина нуждалась материально, а бабушка разъезжала по курортам, шила себе шикарные платья. Она продала подмосковную дачу, не подумав о внуках, которые летом вынуждены находиться в душном городе. Я была удивлена, что на дне рождения Альбины за столом царила Ольга Владимировна. Когда один из сыновей Альбины заболел корью, бабушка не забрала к себе другого, чтобы ребёнок не заразился.

Однажды нас срочно вызвали на работу, и Альбина попросила маму пару часов побыть с детьми. Нас задержали на полчаса, и Ольга Владимировна, не стесняясь постороннего человека – меня, закатила ей такой скандал! А папа сказал дочери: «Мама не может сидеть с детьми, она устаёт, а я в свои шестьдесят лет не могу лишиться её, как женщины. Устраивайся, как можешь».

На примере матери Альбина поняла: как ты к себе относишься, так и к тебе относятся. Сам себя не похвалишь, тебя никто не похвалит. Мы то, что о себе думаем. И она стала лепить свой образ. Это ей удалось.

Сейчас, когда она достигла многого и крепко стоит на ногах, можно уже успокоиться, но она не может остановиться – только и слышно: «Я, я, я! Моя методика! Мои ученики! Меня оценили...» Неудивительно, что друзей в школе у неё нет. А есть ли они у неё вообще?

– Ещё когда я училась в школе, – с гордостью говорит она, – педагоги отмечали, что у меня повышенное чувство справедливости.

Ой ли!

У нас в школе иногда бывает переход ученика от одного преподавателя к другому – смена поменялась, не устраивает расписание, не сошлись характерами.

– Я с этой «якалкой» заниматься не буду, – заявила девочка, которую перевели к Альбине Петровне в группу.

«Устами младенца глаголет истина».

Я ВСЁ РАВНО БОЛЬНЕЕ

– Какая ты сильная! Всегда улыбка на лице. Никогда не скажешь, что тебе плохо. А ведь на тебя столько всего навалилось! Я так не умею. Да и откуда взяться настроению, если здоровья никакого. Пашка, сын, отбилась от рук, – жаловалась подруге Лёля. – В доме должен быть мужчина. Но где его взять? К берегу нашему всё время приплывает либо вонючая треска, либо тухлая килька.

– Это мужчина должен быть сильным, мужественным, а не женщина, – возразила Тая. – Просто я вынуждена такой казаться. А женщина должна быть мягкой, нежной, женственной, лапочкой, как ты. Да и грех тебе жаловаться на жизнь: Валентин Дмитриевич очень приличный мужчина.

– Пашка такое вытворял! – вздохнула Лёля. – Пришлось расстаться.

– А ты бы сыну объяснила, что он вырастет, уйдёт из дома, а мама с кем останется, одна? И кто ей стакан воды, лекарство подаст?

– Да говорила я ему всё это. И что я больна, тоже говорила. А он: «Если ты больна, это один разговор, но если собираешься замуж – муж любит жену здоровую».

– Что ты хочешь? Пашке всего семнадцать. Он привык, что всё для него, и не может понять, что нам ещё что-то для

себя надо. Он нас воспринимает, как древних старух. Когда-нибудь поймёт и пожалеет, что помешал матери устроить жизнь.

И действительно, через пять-шесть лет Павел скажет:

– Какой я был дурак! И что мне было плохо, если возле матери кто-то крутится! А мать нравится мужчинам. Только не пойму, чем она их привлекает. Все время ноет, жалуется на плохое самочувствие. Таблетки глотает пачками и тут же ждёт результат. Как же ей нравится, когда её жалеют! Да и не такая уж она больная. Приезжает скорая. Хотят забрать её в больницу. Вдруг она открывает глаза и говорит: «Пашенька, сынок, эта статутка должна стоять немного левее. Подвинь её, пожалуйста». Это так она умирает...

Лёля нравилась мужчинам – добрая, нежная, ласковая и при том красивая. Она умела слушать. А для мужчины важно, чтобы его слушали, верили каждому слову, восхищались им.

И вот в её жизни появился Георгий Вячеславович – человек немолодой, бывший военный. Лёля с замиранием сердца слушала рассказы о его героическом прошлом, сочувствовала его горю (потере жены) и этим покорила его. Бедная, слабая, беззащитная и такая больная! Без него она пропадёт.

– Как ты думаешь: то, что я сошлась с Георгием Вячеславовичем, не повредит моему здоровью? – задала подруге вопрос Лёля.

Та чуть не поперхнулась.

– А эмоции положительные?

– О, да!

– Тогда не повредит, – разрешила вопрос подруга.

Лёля была счастлива. Есть, кому рассказать, где и как её «жжёт, печёт и колет». «Умирала» она двадцать раз на день, и только его любовь возвращала её к жизни, не давая умереть окончательно.

Удивительно, оказывается, есть мужчины, которым нравится жалеть. Это такая редкость! Георгий Вячеславович чувствовал себя в этот момент сильным, мужественным, героем.

– Лёля, прекрати! Не может человеку всегда быть плохо. Георгий долго не выдержит, сбежит, – говорили ей.

– Как вам не стыдно! Лёлечка такая слабенькая, такая больная, а вы её нервируете, – вступал в защиту Георгий Вячеславович. – Не волнуйся, моя радость, я всегда с тобой.

Георгий Вячеславович мечтал официально оформить отношения с Лёлей. Но она не торопилась.

– Меня столько раз предавали, – слабым голосом говорила она.

Она установила ему испытательный срок, который длился два с половиной года.

Пашка смеялся:

– Вот дурак! Мало, что ли, молодых здоровых баб? Но ему нравится жалеть её. Что ж, пусть лучше ноет ему, а не мне.

На восьмое марта Георгий Вячеславович прислал Лёле поздравительную телеграмму, а вечером появился сам с огромным букетом цветов и французскими духами.

– Идиот! – сделал вывод Пашка. – Если послал телеграмму, зачем пришёл? Если пришёл, зачем посылал телеграмму?

Паша, это другое поколение. Тебе этого не понять.

У Лёли началась новая жизнь. В их доме стали бывать люди – первый признак, что в доме поселилось счастье. Сами стали выходить в свет.

У Лёли была страсть к безделушкам, украшениям. Как же радовался Георгий Вячеславович, когда она навешивала на себя очередную побрякушку!

– Красавица моя! Купи себе к этим серьгам ещё кулончик и колечко, чтоб был гарнитур.

Глаза загорались, и Лёля мчалась в ювелирку. В этот момент ей умирать явно не хотелось. Но признаться в этом она не могла: она же самая больная.

– Лёля, я выхожу замуж, – сообщила ей племянница.

– Приведи мне его. Я на него посмотрю.

– Хорошо. Но вам придется встать, привести себя и квартиру в порядок, что-нибудь приготовить.

– Тогда не приводи.

– Георгий – святой человек. Он так трогательно за мной ухаживает. Ему ничего для меня не жалко. Он так любит меня! Бедный, что будет с ним, когда я закрою глаза?

Георгий Вячеславович закрыл глаза раньше. Лёля была безутешна. Потерять такого мужа! Никто уже не будет её, самую больную, самую несчастную, так любить и жалеть.

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР!

Голубое небо. Щебет птиц. Пьянящий запах свежескошенной травы. И полусумасшедшая от счастья пара (мы с тобой) бредёт по лугу. Куда? А не всё ли равно. Нам так хорошо вместе! Я вижу твои сияющие глаза, руки, губы...

Как прекрасен этот мир!

Я кормлю ребенка грудью. Из приемника доносится:

*Ты проснешься на рассвете,
Мы с тобой вместе встретим
День рождения зари.
Как прекрасен этот мир,
Посмотри!..*

Малышка причмокивает от удовольствия губами, кладет руку мне на грудь: «Моё! Не отдам!» – и, насытившись, засыпает.

Первые шаги, первые слова...

– Мамочка, ты меня любишь?

– Люблю.

– И я тебя люблю. Значит, мы любимся.

Как прекрасен этот мир!

Я сижу на веранде небольшого кафе у реки Святого Лаврентия с молодым человеком, который смотрит на меня восторженными глазами, и через трубочку с наслаждением потягиваю коктейль. Мимо проплывают яхты, катера, лодки... Вся река в

огнях. Красота необыкновенная. От сознания, что я тут нахожусь, голова идёт кругом. Как меня сюда занесло?

И как прекрасен этот мир!

Вы видели когда-нибудь рассвет из иллюминатора? Незабываемое зрелище! Огромная половина горячего солнца и нимб над ним, как над головами святых на иконах, движется рядом с самолётом. Откуда иконописцы могли увидеть нимб? Ведь люди летают не так уж давно.

Как прекрасен этот мир!

Я прилетела в Армению. Март месяц. В воздухе пахнет весной. Всё в зелени. И снежные, как будто нарисованные, горные вершины. Впервые в жизни увидела цветущее персиковое дерево. Несомненно, Ноев ковчег причалил у горы Арарат.

Как прекрасен этот мир!

Выпускной вечер в школе. Дети, родители, учителя – все такие красивые, нарядные. Цветы, улыбки, тёплые слова... А на прощанье взмывают в небо белые голуби, унося в лапках записки с просьбами детей об исполнении желаний.

Как прекрасен этот мир, мир, в котором мы живём!

Наталия ЕЛИЗАРОВА

Наталия Михайловна Елизарова – поэт, прозаик, филолог-литературовед, юрист. Выпускница Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, Литературного института имени А.М. Горького, педагогической магистратуры МГПУ, аспирантка МГПУ (сфера научных интересов – творчество К.Г. Паустовского). Первая публикация стихов была в 1996 году в газете «Каширские известия». Автор пяти поэтических сборников, книги прозы и пяти книг для детей, а также многочисленных публикаций в периодике: в журналах «Дружба народов», «Нева», «Аврора», «Юность», «Урал», «Интерпоэзия», «Зинзивер», «Волга XXI век», «День и ночь» и др. Награждена медалями И.А. Бунина (2020), Н.Я. Данилевского (2023), В.А. Русанова (2025). Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский, греческий, португальский, норвежский языки.

Живёт в Москве.

ЭТО – МОЯ МОСКВА!

* * *

Это моя река – каменные берега,
пусть и неглубока,
жаль, что не голуба.

Это мои пути – Каменный, Крымский мост,
точно уж не уйти,
разве что на погост.

Это моя беда,
выволока, тоска,
добыча и руда,
это – моя Москва.

* * *

Приезжай – я тебе покажу Москву:
не чужую – мою.
Там, где ветер к ограде сгоняет листву,
я, бывает, стою
и смотрю отражение дома в воде –
этот дом номер пять,
где когда-то о ели в лесу*
начинал сочинять
молодой композитор** для дочки своей –
для Веруни своей:

* Стихотворение Р.А. Кудашевой (княжны Гедройц) «В лесу родилась ёлочка».

** Леонид Карлович Бекман

на колени её посадив,
 наиграл без затей.
 Но снесён старый дом,
 и на месте дворов
 вырос новый квартал
 Патриарших прудов,
 где гулял Берлиоз,
 Воланд тоже гулял.

* * *

А дождь завис над Патриаршими
 и капли с плеч на воду стряхивал.
 Слепило солнце настоящее,
 и шелестели тополя.
 Вокруг, на лавочках, уставшие,
 задумчивые, задремавшие,
 друг друга нежно обнимавшие
 сидели люди, только я
 стояла у решётки кованой,
 смотрела дождь, на солнце щурилась
 и думала: «Ну как же здорово,
 словами мне не передать
 тебе вот эти лета проводы,
 и пруд, и дождь на тихой улице.
 А может быть, давай без повода
 придём с тобой сюда гулять?»

* * *

В Замоскворечье храмов купола,
 в Замоскворечье явь совсем иная.
 Мне чудится здесь старая Москва,
 стою в смятенье странного родства,
 московских улиц старины не зная.

Я только гость, не ведавший корней,
 не помнящий селения и рода,
 каких времён, каких чужих кровей,
 без ориентиров выхода и входа.
 Я так, я просто в щёлку поглазеть
 и выдохнуть огромный шумный город –
 котел амбиций, горечи газет,
 но вновь вдыхаю, обжигая горло.

* * *

Человек идёт по дороге, ныряет в метро,
 его перемещает нутро
 крупного ящера, людного изнутри диплодока.
 Человек едет долго.
 Выходит в поле, плачет, падает на траву:
 «Господи, если как-то не так живу,
 научи, как надо!
 Меня пожирают черви,
 огни
 душного города,
 спаси, сохрани,
 избавь от терпкой тоски вечерней».
 А вокруг тишина, лишь бисерный стрёкот цикад,
 человек обмануться рад,
 что услышат его, утешат.
 Он идёт по дороге,
 в ногу с ним движется ад,
 и уже раздаётся скрежет.

* * *

Всё говорит о нём: обычные предметы,
 вещица, что лежит на краешке стола,
 и вазочка вон та, и книжица вот эта,
 подарок из степей – ещё не отдала.

Я обернусь на звук: мне начало казаться,
 как будто в дверь звонят, как будто телефон.
 Как можно в тридцать лет внезапно обознаться
 и кинуться в толпу: быть может, это он?!
 На пяточке земли – заплёванном перроне
 стоять в слепой толпе, глухой от бытия.
 И поползти домой в светящемся вагоне,
 где были я и ты, под нами – колея.
 И шумный гул метро, где, слов не различая,
 хватаешься рукой, касаешься щекой
 и вот уже паришь над сирыми бичами,
 над площадью Борьбы и над Москвой-рекой.
 И из горнил метро толпа выходит к свету
 и волочёт меня к озябшим фонарям.
 И улица вон та, и лавочка вот эта
 тихонечко о нём со мною говорят.

* * *

На улице ста колодцев совсем темно:
 на ощупь идёшь к двери и включаешь свет,
 и он обнажает всё, чего больше нет,
 он с пасмурным вечером, видимо, заодно.
 И лампочка гаснет – вдребезги! На плечо
 садится комар и душу твою сосёт.
 И нужно тихо выдохнуть «вот и всё»,
 ведь белые ночи точно наперечёт,
 и светлые дни, и дружеские слова,
 когда ты не то чтоб в мире не одинок,
 но просто не помнишь – держится между строк,
 а в общем знаешь, конечно, как дважды два.
 Неважно, сколько сегодня придёт гостей,
 вы будете спорить о боге и пить вино.
 И кто-то скажет, как много тебе дано,
 а после ты тихо ляжешь в свою постель.

Замкнётся ловушка – цветная коробка стен,
 и будут седаны подвески свои сбивать
 на улице ста колодцев, твоя кровать
 летит в пространстве, в вечности, в пустоте.

* * *

Если идти по Тверской всё вниз и вниз,
 не свернув на Никитскую, до Воздвиженки не дойдя,
 понимаешь, что так вот движет и тащит жизнь –
 лишь вперёд и вперёд в слюдяной полосе дождя.
 Иногда снегопад, ураган или другой катаклизм,
 иногда истерика, слёзы, будто сердце твоё кроют.
 И тогда понимаешь, что это вот – тоже жизнь,
 вот такая больная, трудная, но твоя.
 И тогда повернёшь назад, развернувшись спиной к Кремлю,
 потому что в горку труднее всегда пути,
 и пойдёшь к Маяковскому – на десятку свою,
 на десятый троллейбус. А куда же тебе идти?!
 И поедешь потом по Садовому, и поймёшь,
 как прекрасна в вечернем свете твоя Москва.
 Ты живёшь на свете, и счастье, что ты живёшь!
 По Тверской пусть катится долу твоя тоска.

* * *

Вот минуя Даниловский рынок...

Геннадий Шпаликов

Чистят дворники снег по ночам.
 Да, такого давно снегопада
 не бывало. В предутренний час
 ты – свидетель греха и распада.
 Вот стена в человеческий рост
 грязно-серого мятого снега.

Вот таджик, набирающий горсть
 крупной соли и сыплющий слева
 и направо, все наши пути
 солони, и от Мытной до Тульской
 снежной кашей солёной брести
 вдоль дороги нечищенной узкой,
 целиком занесённых машин,
 единичных светящихся окон,
 одиночек – нетрезвых мужчин,
 запоздавших домой ненароком.
 Мимо рынка, трамвайных путей,
 светофоров, мигающих жёлтым,
 круглосуточных баров, аптек
 и забытой, неубранной ёлки.
 Потоптавшись на станции ЗИЛ,
 погрозив электричке вдогонку,
 волочешься домой по грязи
 и вздыхаешь – бессильно и горько.

* * *

В доме на набережной очень светло,
 в доме на набережной пекут пироги, накрывают стол,
 «Катенька, помоги достать посуду, вилки, ложки, ножи!
 Салфетки на стол положи!»
 В доме на набережной птицы чирикают и свистят,
 в доме на набережной поздно ложатся, а утром спят.
 Медленное пробуждение, кофе, халат с запахом,
 в доме – запах ириса, иногда – майорана,
 когда нервно и странно,
 и, кажется, жизнь вытекает в реку, что за окном.
 Дышит тревожно дом.
 Лоб охлаждается о стекло.
 «Знаешь, Катя, любое зло, горе – они проходят...»

Гости в проходе
 топчутся, ищут тапочки, что-то галдят.
 Оглядываясь назад,
 видишь лишь череду ёлок под Новый год,
 меняются лишь игрушки на ней –
 больше или меньше огней –
 бытия хоровод.

* * *

А в Москве я снова тревог полна:
 всё гоняю мысли, считаю дни,
 собираю в стихи и статьи слова
 и понятия, собранные из книг.
 И огромный город – лет двадцать мой,
 и родной как будто, а словом – враг –
 всё зовёт меня, тащит: «Иди домой!»
 Не спешу идти, замедляю шаг.
 И за шкирку тогда меня, как щенка,
 мол, давай, тебе здесь проставлен счёт.
 Я пытаю вырвать пальто рукав:
 «Ты все силы отнял. Чего ещё?»
 На лице моём ручейки дождя,
 и в фонарном свете блестит асфальт.
 Ничего не надобно, уходя,
 только свет ослепляющий встречных фар.

Игорь ВАРЛАМОВ

Игорь Валерьевич Варламов – поэт, прозаик, эссеист. Родился 1 июля 1964 в Магнитогорске. Член Союза писателей России. Окончил Магнитогорский горно-металлургический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар поэзии Юрия Кузнецова). Печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Байкал», «Уральская новь», «Вестник российской литературы», «Либерия-Бибинформ», «Журнал литературной критики и словесности», в Антологии современной уральской поэзии, Антологии литературы Южного Урала и Антологии современной литературы России «Наше время», в коллективных сборниках и альманахах. Автор двух поэтических книг и сборника рассказов, очерков, эссе. Лауреат литературных премий «Артиада народов России» (2001) и «Русский Гофман» (2019). Живёт в Москве.

ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ — «АТТИЧЕСКИЙ ВОИН» ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По его произведениям снималось кино, выпускались диафильмы и мультфильмы, ставились спектакли. Его ценили коллеги. Чуковский, к примеру, обнаруживал в его сочинениях «мускулатуру таланта». Когда-то в отрочестве назвавшийся именем известного петроградского бандита Лёньки Пантелеева, в зрелые годы он явно тяготился прилипшим «лихим» псевдонимом: сокращал его до «Л. Пантелеев», настаивал, что буква «Л» в нём не расшифровывается. Однако безуспешно – в большую литературу

он вошёл как Леонид Пантелеев. На его произведениях выросло не одно поколение советских людей. Характер ребёнка, юного гражданина Страны Советов, формировался в том числе и на рассказе Пантелеева «Честное слово». Сюжет помнится с начальной школы: маленький мальчик, игравший в парке со старшими ребятами в войну, был поставлен командиром охранять «пороховой склад» и дал честное слово не покидать свой пост, пока его не сменят. Настал вечер, стемнело, парк опустел, товарищи забыли о мальчике и разошлись по домам. А он, давший слово, всё стоял в карауле. И только вмешательство настоящего офицера, майора Красной Армии, приказавшего маленькому часовому оставить вверенный ему пост, освободило его от важного поручения и позволило пойти домой.

Рассказ «Честное слово» был написан в начале 1941 года по предложению редакции детского журнала «Костёр». Редакция тогда обратилась ко многим советским писателям с просьбой прислать произведения, поднимающие важные вопросы о долге и чести, воспитывающие в детях ответственность, стойкость, умение держать слово. Сначала Пантелеев не собирался ничего писать, но потом тема увлекла его, заставила погрузиться в воспоминания о собственном детстве. А там... Алексей Еремеев (а именно таковыми были его настоящие имя и фамилия), родившийся в Петербурге в 1908 году, ещё в предреволюционные годы сам оказался в такой же ситуации. В городском саду старшие ребята назначили его часовым в детской игре, но потом забыли о нём и разошлись по домам. А он долго и терпеливо стоял на посту, пока наконец его не разыскала няня и не отвела к родителям.

Мальчик рос стойким и отважным. Эти качества развивал в нём отец, отставной казачий офицер. Нрав хорунжего Ивана Афанасьевича Еремеева был крутым, и детей он воспитывал жёстко, без сантиментов. Бывало, отец призывал к себе в кабинет первенца Алёшу и младшего сына Васю и приказывал: «А ну, подеритесь!» Братья схватывались, сначала шутя, но потом, упав на пол, начинали уже не на шутку свирепеть, лупить друга друга кулаками. Вася был крупнее и сильнее старшего брата.

Но если у Лёшки появлялась первая кровь, в нём просыпалась невиданная ярость, глаза делались волчьими, и кулаки его били с остервенением. И тогда младший брат отступал и с воплями убежал прочь. Также практиковались «уроки храбрости»: ещё совсем маленьких сыновей Иван Афанасьевич сажал на огромный платяной шкаф в прихожей, сам же уходил в свой кабинет, располагался в кресле с часами в руках. Дети орали от страха, плакала их мать, няня отпаивала её водой, но никто не мог прервать испытание. «Урок» длился пятнадцать минут.

Будущий советский писатель Л. Пантелеев, вообще говоря, был дворянином. Его отец происходил из купцов-старообрядцев, но вопреки воле родных окончил военное училище. С началом Русско-японской войны в 1904 году молодой корнет Иван Еремеев добился перевода в Приамурский казачий полк в звании хорунжего, воевал, за проявленный героизм был награжден орденом Св. Владимира с мечами и получил права потомственного дворянина. После проигранной русской армией войны он, разочаровавшись в военной службе, вышел в отставку и вскоре женился на купеческой дочери Александре Васильевне Спехиной. Семья жила в достатке, однако счастья не было. Мягкосердечная Александра Васильевна с трудом переносила деспотизм, грубость и пьяные дебоши мужа. Однако Алёша любил отца: при всей своей суровости Иван Афанасьевич был человеком чрезвычайно щедрым и честным, терпеть не мог фальши, низкопоклонства, скупости, вранья. Именно из-за своей предельной честности он не смог продолжать купеческое дело его предков. Во время Первой мировой войны отец уехал на заработки во Владимир, занимался лесозаготовками, подорвал здоровье и умер вдали от семьи. Материальное благополучие в доме Еремеевых закончилось, Все заботы легли на плечи матери, которая давала уроки музыки и едва сводила концы с концами.

Рано научившись читать, Алексей Еремеев тайком залезал в большой книжный шкаф в отцовском кабинете, доставал из него тома из собрания сочинений Чарльза Диккенса и Марка Твена, различные брошюры, старые журналы. Он читал всё без

разбора и к восьми годам был знаком с творчеством Мопассана, Достоевского, Тургенева, Писемского, Амфитеатрова, Мережковского, Леонида Андреева... Сама собой пришла и тяга к сочинительству. Может показаться, что это был тихий книжный мальчик... Но нет. Лёша рос своевольным и неуправляемым. А без отца он и вовсе отбил от рук.

Но несносный характер мальчика формировался как будто и под влиянием внешних обстоятельств: ему не исполнилось и девяти лет, когда в феврале 1917 года государь император отрёкся от престола, началась анархия, а на питерских улицах застучали пулемёты. Алёшу манило в самую гущу событий, где не прекращались разношёрстные манифестации, неистовствовали агитаторы: «Долой войну! Требуем прибавку пайка семьям солдат! Долой министров-капиталистов!» Выдержав испытание, в сентябре 1917 года юный Еремеев поступил во 2-е Петроградское реальное училище. Но занятий почти не было – в учебном заведении, как и на улице, царил хаос. Ученики, покинув классы, митинговали в туалетных комнатах: «Мир без аннексий и контрибуций! Предатели! Всех повесить!» Алёша возвращался из училища домой мимо сожжённого полицейского участка, разграбленного магазина и разбитых витрин аптеки. У булочной на другой стороне улицы стояла длинная очередь женщин. Ночами стреляли. Однажды шальная пуля разбила окно в детской...

Мальчик не увидел Октябрьскую революцию. И это было, пожалуй, самым большим разочарованием в его тогдашней жизни. В октябре 1917 года он заболел. Сказались долгие прогулки по промозглому мятежному городу. А ещё любопытство заставляло его выслеживать кухарку, которая тайком по вечерам ходила на большевистские собрания. Простуда оказалась тяжёлой – сорок восемь дней пролежал он в жару и бреде. А в это время прозвучал выстрел «Авроры», было низложено Временное правительство и провозглашена советская власть. Когда Алёша первый раз после болезни вышел на улицу, он удивился переменам: толпа стала выглядеть как-то проще, куда-то исчезли шикарные экипажи, блестящие офицеры и нарядные дамы. Лишь однажды ему попался на глаза лощёный господин

в бобровой шубе и котиковой шапке, с золотым пенсне на носу... да и того куда-то вели два революционных матроса с винтовками. Мальчик ещё не знал, какие испытания готовит ему новая жизнь, какое горе придётся пережить ему и его родным.

Спасаясь от голода и разгула преступности, мать решила увезти Алёшу, его брата Васю и сестру Лялю из Петрограда. В 1918 году Еремеевы отправились в Ярославскую губернию, однако и там оказались в самой гуще кровавых событий: шла Гражданская война, в Ярославле вспыхнул антибольшевистский мятеж, который был жестоко подавлен отрядами Красной Армии. Жить на Ярославщине со временем стало трудно, и семья переехала в маленький городок Мензелинск Уфимской губернии, где Александра Васильевна нашла работу. В начале 1919 года мать по служебным делам отправилась в Петроград... и пропала, после чего на детей обрушились неисчислимые беды – болезни, голод, страшная нужда, распад семьи. Алёша за зиму переболел тифом, дизентерией и чесоткой. После выздоровления его отправили на ферму при сельскохозяйственной школе. Однако «обучение» было своеобразным – мальчика, как и других воспитанников, почти не кормили, били и заставляли воровать мелкий скот и птицу у местных жителей. Через два месяца он сбежал, но вскоре оказался в другом приюте с такими же жестокими воспитателями и тяжёлыми условиями содержания. Полуголодный Лёшка вместе с товарищами совершил кражу и попался при продаже краденого на базаре. Под конвоем его отправили в очередной детдом, откуда он сбежал в первую же ночь.

Одиннадцатилетний Алексей Еремеев решил пробираться в Петроград, чтобы разыскать мать и родных. Дорога домой оказалась долгой и непростой. Чтобы выжить, нужны были деньги, и он снова стал воровать. Его ловили, отправляли в детский дом или колонию, откуда он опять сбегал. Порой он думал: как это могло случиться? Был же честный мальчик, любил читать, учился, писал стихи... И вот ничего этого нет, он – вор, пропащий человек. И слово «кража» уже не вызывает у него жгучего стыда.

Однажды в Мензелинске Алёшу приютила комсомольская ячейка. Ему предоставили жильё, выделили паёк, устроили

на учёбу в профессиональную школу. Но вскоре в тех местах вспыхнуло крестьянское восстание против продразвёрстки. Опекавшие мальчика комсомольцы вместе с красноармейцами отправились на его подавление и погибли. И Алексей снова отправился в путь. В дороге он заболел плевритом, и его несколько месяцев выхаживала незнакомая крестьянская семья. И опять дорога. Меняя поезда, юный безбилетник доехал до Белгорода, где его задержали сотрудники ЧК. Выслушав Лёшкину историю, чекисты выдали ему справку, по которой он как беспризорник имел право бесплатно доехать до Петрограда. А ещё снабдили деньгами и хлебом. Но его тут же обокрали и высадили из поезда... Он много месяцев скитался по Украине, жил случайными заработками, воровал и только летом 1921 года добрался до Петрограда. Алексей Еремеев нашёл свою мать и близких – все оказались живы. Семья воссоединилась.

И, казалось бы, всё теперь будет хорошо – впереди учёба, чтение, сочинительство... Но Лёшка сорвался. Приятель предложил выкручивать лампочки в парадных и на чёрных лестницах петроградских домов, продавать ворованное на базаре и делить барыш. И Еремеев согласился. Поначалу им везло, но потом удача отвернулась – Лёшка попался на месте преступления. Он ожидал, что его будут судить, потом отправят в тюрьму, однако комиссия по делам несовершеннолетних определила его в особое учреждение для малолетних преступников и так называемых «дефективных» – школу-коммуну для трудновоспитуемых подростков имени Достоевского, позднее ставшую известной как ШКИД. Там-то и стал Алексей Еремеев Лёнькой Пантелеевым – у каждого воспитанника была своя кличка.

ШКИД была необычным учебным заведением, основанным на демократических принципах – воспитанники участвовали в самоуправлении школой. Такой она стала благодаря заведующему, известному педагогу-новатору Виктору Николаевичу Сороке-Росинскому – Викниксору, как звали его шкидцы. В школе царил культ учёбы. Ведь учиться – для каждого воспитанника означало выйти в люди, стать полноправным членом нового общества. Десять-двенадцать уроков в день было нормой. А ещё

вчерашние беспризорники и правонарушители писали стихи и статьи, выпускали рукописные журналы и газеты, ставили спектакли, углублённо изучали иностранные языки и историю искусства, занимались политическим самообразованием. В 1923 году после двух лет обучения Лёнька Пантелеев и его товарищ Гриша Белых, решив уйти из школы, явились к заведующему. На их удивление, Викниксор счёл их готовыми к новой самостоятельной жизни – он напутствовал своих воспитанников и отпустил.

В 1926 году Белых и Пантелеев написали повесть «Республика ШКИД», состоящую из 32 глав – сюжетно не связанных ярких моментов из жизни школы, где было много смешного, драматичного и даже трагичного. Авторы передали рукопись Злате Лилиной, которую они знали ещё со времени обучения в ШКИД как заведующую отделом народного образования. Лилина не только прочла рукопись, но и отнесла её в редакцию детской литературы Госиздата, где она тогда работала. Повесть было решено издать. Редакторами стали Евгений Шварц и Самуил Маршак. Позже Маршак вспоминал, что «все сотрудники редакции читали и перечитывали эту объёмистую рукопись и про себя, и вслух», а при редактировании «больше всего заботились о том, чтобы она не утратила жизненной подлинности, молодого задора, остроты и свежести юношеских впечатлений». В 1927 году повесть вышла отдельной книгой. «Республика ШКИД» имела ошеломительный успех. Она переиздавалась миллионными тиражами на протяжении десяти лет, пока в 1936 году по доносу близкого родственника за антисоветские стихи не был арестован Григорий Белых. Через два года он умер от туберкулёза в тюремной больнице. Чтобы книга издавалась дальше, Л. Пантелеева попросили снять имя репрессированного соавтора с обложки, но он отказался. Книгу перестали печатать. Вновь «Республика ШКИД» была издана только в 1960 году, а в 1966 году режиссёр Геннадий Полока снял одноимённый фильм.

А тогда, в 1920-х–1930-х годах, повесть вызвала немало и позитивных, и негативных отзывов. К примеру, Надежда Крупская негодовала от прочитанного, сравнивала ШКИД с дореволюци-

онной бурсой. Позже очень ревностно и отрицательно как к сочинению юных авторов, так и к педагогическому методу Виктора Сороки-Росинского отнёсся Антон Макаренко. Автор «Педагогической поэмы» был против «воспевания блатной романтики», считал книгу «картиной педагогической неудачи». Совершенно иного мнения о «Республике ШКИД» был Корней Чуковский, называвший повесть литературным чудом, «подлинным произведением искусства, в котором чувствуется не только талант, но и мастерство, и культурность, и вкус». Но яростнее и горячее других о прочитанной книге отзывался в письмах и статьях Максим Горький. «Я очень ценю людей, которым судьба с малых лет нащёлкала по лбу и по затылку, – писал Горький. – Вот недавно двое из таких написали и напечатали удивительно интересную книгу... Авторы – молодые ребята, одному 17, а другому, кажется, 19 лет, а книгу они сделали талантливо, гораздо лучше, чем пишут многие из писателей зрелого возраста. Для меня эта книга – праздник, она подтверждает мою веру в человека».

Весной 1941 года Л. Пантелеев перенёс операцию и с началом войны был признан негодным к строевой службе. Как другие ленинградцы, писатель дежурил на крышах, тушил немецкие зажигалки. В первых числах сентября 1941 года, когда вокруг Ленинграда ещё не сомкнулось кольцо блокады, его вызвали в отделение милиции и предписали немедленно выехать из города. Однако Л. Пантелеев не подчинился и стал фактически тайно жить в своей квартире, ведя записи о блокадной жизни. Он не получал продовольственных карточек и к марту 1942 года дошёл до последней стадии дистрофии. Писатель не погиб только потому, что был доставлен в больницу на Каменном острове: его выходили медики, читавшие в детстве «Республику ШКИД». Самуил Маршак просил руководство Союза писателей эвакуировать его, и по распоряжению Александра Фадеева 6 июля 1942 года Пантелеева и ещё несколько литераторов вывезли на самолёте в Москву.

В послевоенные годы Л. Пантелеев много работал, добивался в каждом произведении максимальной выразительности. Он был прекрасным детским психологом, написавшим для юных чита-

телей такие яркие рассказы, как «Часы», «Платочек», «Буква "ты"», повесть «Пакет», автобиографическую повесть «Лёнька Пантелеев», многие десятки других произведений. Алексей Иванович Еремеев с самого раннего детства много раз был на краю смерти, но прожил долгую жизнь – его не стало в 1987 году. Он был близко знаком с Михаилом Зощенко и Николаем Заболоцким, дружил с Евгением Шварцем и Корнеем Чуковским, долгие годы вёл переписку с дочерью последнего, Лидией Корнеевной. В 1920-е годы Л. Пантелеев лично познакомился с Максимом Горьким. Позже он вспоминал об учёбе у знаменитого пролетарского писателя, однако замечал, что «учился у него не ремеслу», а более важному – «по-горьковски увлечённо, самоотверженно, честно и достойно относиться к нашему литературному делу». А вот ремеслу он во многом научился у Самуила Маршака, с которым у него были самые тёплые отношения. Однажды Маршак дал ему напутствие: «Дорогой мой, я так хочу, чтобы ты был как аттический воин – всегда прямой, несгибаемый, честный». Таким в действительности он всегда и оставался.

Михаил БЕРДУТИН

Михаил Анатольевич Бердутин – поэт. Родился в 1968 г. в Воронеже. Член Союза писателей России. Руководит литературно-музыкальной гостиной «ВДОХНОВЕНИЕ». Автор книг «Среди высоток и ветров» и «Сны меломана/С той стороны небес». Печатается в газетах «Неделя в Округе» и «Родники» г. Мытищи, «Калининградка» г. Королёв; в ежегодном альманахе «Кедринцы» ЛИТО им. Димитрия Кедрина, альманахе «Полдень», выходящем при поддержке администрации Мытищинского района, Международном литературно-художественном альманахе «Петербургские строфы», выходящем при поддержке ТО «Петербургская десятина (Православный Эрмитаж), альманах «ТЕЛЕСКОПЪ» и др.

Живёт в г. Мытищи МО.

В ПРЕДВКУШЕНИИ ЧУДА ЧУДНОГО...

РУСЬ

Поутру пройдуся по тропе лесной
Стёжкой узкою, да заветною,
Да по травушке-мураве босой,
Да под радугой семицветною.

После дождичка – как же воздух свеж!
А на небушке, словно сказочка,
Блещет солнышко – ты меня понежь,
Для тебя ж я словно букашечка.

Шепчет травушка, да река журчит,
Словно песенка, и с напевами.
Скоро солнышко да уйдёт в зенит,
Засверкает там диадемою.

А на озере лилий хоровод,
И камыш шумит, словно ёрзает.
Облака плывут, крася небосвод.
Да шумят листвою берёзоньки.

Глаз не отвести от земли родной,
Красота вокруг ненаглядная.
Нивы золотой тянутся волной,
До чего ты, Русь, вся нарядная!

СОЛНЫШКО

Ой, на зорюшке, заре-зарянице,
Петушок пропел песню звонкую.
И наполнилась солнышком светлица,
Да разлился свет над иконкою.

Наше солнышко, льёшь с небес высоких
На родимую Землю-матушку,
Ой, да из божественного истока,
Свет на счастье всем твоим чадушкам.

Зелены луга радуются солнцу,
Лучик ласковый, лучик мягонький.
И сквозь темь лесов жёлтый луч пробьётся,
Оживут цветочки да ягодки.

Благодатное, солнышко родное,
Диво щедрое, златолицее,
Как же хорошо всей земле с тобою,
Радуетесь да веселимся мы.

Здравствуй, солнышко-колоколнышко,
Светлы лучики, светлы, ласковы!
А в душе любовь, словно зёрнышко,
Разноцветными светит красками.

ОТ РАДОСТИ

Пролечу по солнышку ветерком,
Прокачусь по радуге кувирком.
Пробегу по травушке босиком,
Вдоль реки задумчивой бережком.
Сердце плещет голубем в вышине,
И ликует благодатью всё во мне.

Угостит коровушка молоком,
А пчела заботливая – медком.
На ветвях чирикает мелкий птах,
Суется, прыгает, весь в делах.
Без затей течёт по песку ручей,
И тепло от солнечных нам лучей.
Я дышу, я чувствую, я живой,
С небом синим, с матушкою-Землёй!
И от радости жмурю я глаза,
И купаюсь, нежусь я в небесах,
В предвкушении чуда чудного,
И от радости – так уютно мне.

ПЕСНЬ ВОДЫ И ЛУНЫ

О, место силы, там, где страсть берёт исток,
Там лотос, что раскрыл сто лепестков,
Свободный от печалей и оков.
Даёт для жизни сладкий, трепетный глоток,

Несёт оттуда в мир могущество вода,
И наполняет пылкостью своей
Всю Землю, всё живущее на ней –
Всем дарит радость чувств глубоких навсегда.

И в чаше плещется вода, и с ней огонь.
Оранжевое пламя пьёт эфир,
Танцуя, возбуждая – этот мир,
Сошлись в единое и став его слугой.

Улыбкой, словно беззаботное дитя,
Торит свой путь в сиянии ночном,
Дополнит негой Свадхистаны дом
Луна-царица, серебром с небес блестя.

Рождают звук вода, огонь и лунный свет,
И в каждом вдохе – жизни чудеса.
А выдох – мантра «ВАМ» на небеса
Летит сияя, оставляя вечный след.

И музыкой звучит в далёкой тишине,
Смывая грусть потоком бытия.
И расцветает сущность вся моя,
Я по Вселенной мчу на творческой волне.

Мне мироздания откроется печать,
Та за которой вечности покой,
Там, где вершит Создатель в мастерской –
Свои три истины: ТВОРИТЬ, ЛЮБИТЬ, ПРОЩАТЬ.

РЕЧЕНЬКА

Реченька течёт, берега круты,
Солнышко глядит, словно в зеркальце,
Отражается и на гладь воды –
Покрасуется и повертится.

И то там, то тут, глянешь – хоровод,
Словно звёздочки загораются.
Глаз не отвести от таких красот,
А кувшинки мне улыбаются!

Я на них смотрю, и не насмотрюсь,
Да прохладой наслаждаюсь я.
Ой, ты реченька, ой, Святая Русь,
Как же хорошо – потрясающе!

Словно Родина – широка душа,
От щедрот своих разрываешься.
То петляешь ниточкой в камышах,
То в больших лугах разливаешься.

Словно жизнь моя: то тиха совсем,
То разгневалась, крутишь омуты,
То поделишься ты добром на всех,
То хранишь богатство нетронутым.

Ты – движенье, ты – любовь и свет,
Ты – забвение, вечность и покой,
На вопрос любой ты – немой ответ.
Навсегда я здесь, реченька, с тобой.

Течёт реченька, течёт реченька...

Я ЛЮБЛЮ

Я болтался на мачте, как в штиль паруса,
В ожидании свежего ветра.
Вроде всё хорошо, и чисты небеса,
И обласкан я солнечным светом.

Но мне снились шторма, волны в девять валов,
В напряжении мачты стонали.
Паруса наполнялись упругой ветров,
Руки крепко держал я на штурвале.

Звуки грома бальзамом на сердце легли,
Свет от молний танцует в ладонях.
И корабль я свой оторвал от земли,
Отправляясь за тучей в погоню.

Всем спокойная жизнь, может быть, по душе,
Только мне вот неймётся, ребята.
У Медведицы я покачался б в ковше,
И на солнце почистил бы пятна.

Что же сердце заводит моё вновь и вновь?
И куда я бегу безвозвратно?
На земле есть прекрасное чувство – ЛЮБОВЬ!
Я люблю, и я счастлив, ребята!

ВЫ ЗАГЛЯНИТЕ В МАМИНЫ ГЛАЗА

Вы загляните в мамины глаза –
Там отраженье мирных детских снов,
Там неба синева, там бирюза,
И отзвук самых нежных, тёплых слов.

Вы загляните в мамины глаза –
В них потемневший древний образок.
В них капелька грустинки, как роса.
За нас, детей, они полны тревог.

Вы загляните в мамины глаза,
Когда она увидит ваш успех.
Там теплится от радости слеза,
И эта радость – словно оберег.

Вы загляните в мамины глаза –
Там перекрёстки судеб и дорог
Там свет и мир, добро и чудеса –
На нас глазами мамы смотрит Бог!

ГОДЫ МЧАТСЯ

Годы мчатся, словно тройка, без оглядки,
И несут в неведомые дали.
Стервь-судьба всё время в сердце жалит,
Всё сложнее её разгадывать загадки.

Ускоряясь, всё бежим, сверкают пятки,
Словно в сказке, с крыльями сандалии
На ногах, их пряжки засверкали.
Но кончается всё кляксою в тетрадке.

День за днём – возня, кругом одни нападки,
И не скрыться в омуте ментальном.
Чтоб чуть-чуть подумать о сакральном –
Надо сделать, чтобы было всё в порядке.

Обстоятельства, бывает, нас ломают,
Злые псы из подворотни нас облают.
Но проходит мрак, и снова светит солнце!
Вся природа в мае снова оживает –
Искры радости в благоуханье мая
Возвращаются, и сердце засмеётся.

Ольга ГРУШЕВСКАЯ

Ольга Константиновна Грушевская – прозаик, публицист, переводчик, общественный деятель. Родилась в Москве. Окончила факультет английского языка и литературы Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В.И. Ленина. Позже – факультет бизнес-психологии Московского гуманитарного университета. В 1983-85 годах жила в Африке – в

НР Мозамбик, работала в корпункте «Известий», где приобрела опыт художественного перевода и журналисткой работы. Член МГО Союза писателей России. Руководитель творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ); издательского проекта «Московский Дом»; литературно-просветительского интернет-издания «Московский BAZAR», художественной галереи «BAZART». Автор статей о выдающихся деятелях искусства советской эпохи. Награждена медалями в области литературы им. А.И. Куприна, им. И.А. Крылова, «Ф.М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость», за «Заслуги в области культуры и литературы». Основные жанры – психологическая проза, прозаическая миниатюра. Издавалась в отечественной периодике и за рубежом.

Живёт в Москве.

ДРАКОН

Повесть

Женщина оторвала взгляд от листа бумаги, отложила ручку и подняла голову. Влажный воздух, пропитанный дождём, проникал сквозь открытое окно и колыхал белые занавески; кружил по светлой комнате с множеством высоких арочных окон, отчего комната больше походила на застеклённую террасу, и вихрем вылетал через дверь – вниз по винтовой лестнице, обретая свободу и вырываясь в сад.

Женщина взяла ручку и написала:

«У нас дождь – июль, а лета всё нет; нет летних запахов, летнего томления и послеобеденной лени, которая манит растянуться в гамаке, а мокрые плиточные дорожки пахнут осенью и плесенью. Даже буйная растительность, подступившая к старому дому, отчего тот вдруг стал выглядеть заброшенным и нескладным, не радуется. Мокрая зелень, тяжёлая и зрелая, утратила свой первоначальный нежно-зелёный цвет и наполнилась чужими, чуть прогорклыми и сырыми запахами, комарами и потерянностью...»

Женщина писала долго и сосредоточенно, размашистым наклонным почерком, чуть поджав губы и прищулив глаза. Наконец поставила точку, подписалась и указала дату. Взяв ещё один лист, она крупно вывела на нём слово «ДРАКОН», обвела каждую букву несколько раз и, сложив исписанные страницы в увесистую пачку, запечатала в большой конверт и надписала адрес.

* * *

У Финского залива, в другом городе, другая женщина, звякнув ключами, открыла дверь и вошла в квартиру. На кухне бросила на стол извлечённую из почтового ящика почту и принялась выгружать из пакетов продукты. Затем села, закурила и вскрыла большой белый конверт:

«У нас дождь – июль...» – прочитала она и, быстро пробежав глазами первую страницу, перешла к приложенным листам.

«Дракон»

*Хотя мальчишки побивают лягушек
камнями ради забавы, но лягушки умира-
ют по-настоящему*

Плутарх

ДРАКОН

Справка: Из жизни драконов

Классический дракон имеет огромное туловище, покрытое чешуёй, змеиный хвост, лошадиную голову, большие крылья и две или четыре когтистые лапы. На спине – как знаки отличия и защиты – торчат шипы или гребни. Их число обычно равно 81, то есть 9 («число дракона») в квадрате. У некоторых драконов голов бывает много, но чаще их три или число кратно трём. Чем больше голов у дракона, тем он страшнее, тем выше его статус среди сородичей.

В западной и славянской мифологии дракон чаще всего олицетворяет жестокость, жадность и коварство и является злейшим врагом человека. В культуре восточных стран всё наоборот: дракон весьма почитаем (напр. в Китае) и является символом доблести, чести, славы и мудрости, сочетание женского начала (инь) и мужского (ян).

Вообще считается, что дракон дракону – рознь: и характер чудовища, и его привычки, и даже место обитания напрямую зависят от цвета чешуи. Злые драконы имеют чёрную, синюю, зеленую, красную или белую чешую; добрые – латунную, бронзовую, медную, золотую, серебряную или платиновую; нейтральные – сапфировую, изумрудную, топазовую, хрустальную или аметистовую.

Драконы из разных категорий не особенно ладят между собой.

Вступление

книги

Дракон лежал на блекло-красном диване на Большой Террасе, прикрыв линиялым пледом сложенные вдоль тела кожистые оливковые крылья и чешуйчатый хвост.

Диван был старым и под тяжёлым Драконом сильно провисал, то тут, то там демонстрируя расплзшиеся нитки, торчащий поролон и пружины. Несмотря на внушительные размеры, старый диван всё равно был слишком мал для большого драконьего тела – тела с шипами и игольчатым гребнем. К тому же Дракон был завален множеством книг.

Книги были разные: и старые, и новые, с картинками и без, и в старых шершавых переплётах, и в новых глянцевах. Они были повсюду: в шкафах, на полках и на подоконниках, на диване и под диваном, у изголовья, под подушкой, в ногах.

Книги были о разном: внизу, под всеми остальными, лежали разноцветные детские книжки с крупными буквами. Их прикрывали многочисленные томики стихов. Выше пылились нравоучительные трактаты о любви, дружбе, о чести и преданности, о доблести, войне и шпионах. Ещё выше – толстые книги по истории, физике и медицине. Поверх них – книги об археологии и искусстве. Потом – мемуары, потом – об исследованиях космоса, НЛО, потом – о сверхъестественных способностях всего сущего и всевозможные травники. На самом верху лежало Святое писание и книги по религии и философии. А уж совсем-совсем сверху... – гляцевые журналы о всякой ерунде, изобилующие модными чёрно-белыми фотографиями.

Книжные пирамиды были покрыты толстым слоем пыли, словно их не трогали целую вечность, и то было правдой. Правдой было и то, что Дракон уже давно ничего не читал, он забросил это занятие, потратив на него долгие годы жизни и кропотливого труда.

Нет, конечно, годы не прошли даром: из книг он много узнал для себя неведомого, а кроме того, они многое разъяснили

из того, с чем ему довелось встретиться на своем вековом пути. Дракон был умным, информированным – начитанным, мог даже к месту ввернуть какой-нибудь афоризм Лао-цзы, или сослаться на кого-нибудь из великих, или, на худой конец, мог просто снисходительно улыбнуться. Он мог даже и сам что-то срифмовать, или изложить что-то умное на бумаге, или изобразить на холсте кистью, или набросать карандашом. Но больше всего ему всё-таки нравилось высказывать своё мнение, свои исключительные взгляды, а Дракон имел во всех, абсолютно во всех областях знаний свои взгляды, и не мудрено: столько всего прочитано, столько пережито за эту долгую-долгую жизнь!

И всё-таки Дракон чувствовал глубокое разочарование. В первых, не было ни одной книги, ни одного журнала, ни одного тома, после прочтения которого он не воскликнул бы «Я так и знал!», а во-вторых, нигде, совершенно нигде, он так и не получил ответа на свой вопрос.

Но... это было давно.

Теперь же Дракон забросил все книги, перестал участвовать в спорах и отстаивать свое исключительное мнение. Он вообще замолчал и стал медленно выпускать мысли на волю, как воздух из воздушного шарика.

Да, теперь он молчал и больше не чувствовал того обмана, той злой шутки, которую сыграла с ним жизнь.

дождь

Дракон лежал на старом диване уже очень давно.

Он не читал, не ел и не пил, он даже не думал. Дракон вообще ничего больше не делал – теперь это всё не имело никакого смысла.

Иногда он погружался в приятную дремоту, уносившую в те места, где он никогда не бывал, где его встречали незнакомые дети и в запотевших стаканах предлагали холодную воду. Потом вновь пробуждался, и тогда слушал шум дождя за окнами террасы. Не моргая, смотрел, как серебрятся струи воды и льются

через прохудившуюся крышу прямо на книжные шкафы, на круглый обеденный стол, на плетёные кресла, на пол, медленно наполняя террасу водой.

Дракон слышал, как капли монотонно стучат по каминным щипцам, старым часам с остановившимися стрелками, чайным ложкам и по уже переполненным водой чайным чашкам в голубой цветочек, по насквозь промокшей скатерти, фаянсовой корзинке с большой красной розой на боку, в которой размякло печенье, оставшееся после полуденного чаепития – чаепития из глубокого детства.

Вода доходила уже до середины высоких диванных ножек, и в ней отражалось длинное морщинистое лицо Дракона. Время от времени Дракон прищуривался и устремлял взгляд на тёмную поверхность воды: там тихо покачивались пожелтевший лист бумаги, похожий на старую путевую карту, и раскрытый на случайном месте учебник с потрепанными страницами. Дракон знал, что рано или поздно и листок, и старая книга, намокнув, уйдут под воду, и о них навсегда забудут, но даже этот факт его уже не беспокоил.

Неожиданно Дракон вздохнул, и голова его качнулась, а в следующее мгновение он как-то странно выгнул длинную шею и рядом с большой головой образовались ещё две – точно такие же, только чуть поменьше и помоложе, покрытые маленькими серебряными чешуйками, среди которых виднелось множество мелких шрамов. Одна голова вынырнула из-под линялого пледа, а другая лениво приподнялась с комковатой подушки. Они вяло перекинулись невнятными приветствиями, потянули затекшие шеи и точно так же, как самая Старшая Голова, задумчиво уставились на бесконечные дождевые потоки.

– Неправильно, эх, как все неправильно, – прошептала Старшая Голова, думая о прошлых временах, когда все было иначе. – И ведь никому нет дела.

– Нет, – тихо согласилась Младшая Голова, – никому. Все словно с ума посходили.

– Ни-ко-му, – отозвалась эхом Средняя, думая совсем о другом.

три головы

На самом деле Дракон был женского пола, поэтому его можно было назвать скорее Драконихой или Драконшей, и питался он овощами и мужскими душами.

Печальный Дракон с тремя головами имел и ещё одно удивительное свойство, отличавшее его от других драконов и им подобных тварей. Уже долгие-долгие годы головы этого Дракона менялись из поколения в поколение: умирали, и на их месте вырастали новые, подобно многолетним цветам на парковой клумбе, а тело, большое и чешуйчатое, оставалось одним и тем же, старело, конечно, но, говорят, драконам это только на пользу.

А поскольку Дракон был не Драконом, а Драконихой, то и головы у него росли всё больше женские, симпатичные и кокетливые. Иногда, правда, выскакивали и мужские, но редко, и приходилось им тогда, прямо скажем, несладко. Женские головы посматривали на них с недоверием, а иногда и с насмешкой: мол, ничего вы нам нового не скажете, а если и скажете, то всё равно ошибётесь. Мужским головам было трудно, ведь им в одиночку приходилось отстаивать свою состоятельность и право на независимость, поэтому они были в большинстве своем агрессивными, часто грубили, много курили и смотрели нагло-насмешливо, еле сдерживая в горле подступающий комок бессильного отчаяния.

Да, у Дракона было три Головы – на этом этапе жизни.

Трёхголовый Дракон, у которого старшая Голова была матерью, а две помладше – её дочерьми, представлял собой три поколения и три разные жизни. Но ни разница в возрасте, ни несходство в образе жизни долгое время не мешали этим Головам жить на одном теле дружно и весело, время от времени слегка покусывая друг друга и пощипывая, как это, впрочем, и принято во всём драконьем племени. Да, долгое время они гордились тем, что у них одно вековое, могучее, красивое и крепкое тело – одно на троих.

Но время шло, и Головы становились старше. Они всё чаще и чаще досадливо вздыхали и спорили, сначала азартно, а потом

просто раздражённо, и тогда, извергая серые клубочки дыма, они кусали друг друга всё сильнее и сильнее, и раны их заживали всё дольше и дольше. Но потом они, конечно, успокаивались, понимая, что делать нечего, ведь тело-то у них одно, никуда от этого не деться – надо жить вместе, и делали вид, что ничего не случилось, мирились, смеялись, а две их общие лапы с длинными загнутыми жёлтыми когтями поднимались и старались погладить и успокоить каждую из Голов.

Тело Дракона было умнее его Голов.

И так было всегда.

Но время неминуемо шло вперёд, и Головы, чуть прикрыв длинными ресницами большие серые глаза, всё чаще задумывались над тем, а всё-таки...

А нужно ли им *всё-таки* это большое и, если честно сказать, нескладное, бугристое тело, одно на троих, существование которого хоть и имело свои практические преимущества по принципу «вместе мы – сила», но в тоже время требовало соблюдения строгих правил сосуществования.

Эх, как порой хотелось от него отделиться, занять где-нибудь по благу свои собственные неказистые крылья, прикрепить их на скорую руку куда попало и улететь с синее небо. Чёрт с ними, с хвостом и добрыми лапами!

Но отделиться от тела было нельзя.

Нет, нельзя было разъединиться с ним, не умерев или не отодрав себя от этого тела с кровью.

Глава 0. Семья, учебник, карта

Самой младшей голове дракона исполнилось наконец шестнадцать лет. И тогда остальные головы рассказали ей то, что она и так уже знала.

Как-то всё складывалось не совсем так, как хотелось, как-то не по Семейному Учебнику.

Казалось, каждый в их некогда большой Семье стал тянуть в свою сторону, периодически закликаясь на всевозможных

идеях и считая эти идеи неоспоримо единственными и правильными. К сожалению, в Драконьей Семье все женщины страдали подобными ментальными изъятиями, и долгие годы тщетно отдавались мужественной борьбе с окружающей несправедливостью, пытаясь перековать мир под себя и свои убеждения. Вообще, если откровенно, Семья была непростая.

А какие драконьи семьи простые, спросите вы, и будете правы.

И вот именно для того, чтобы жить в этой непростой Драконьей Семье было легко и просто, век назад в ней завели Учебник-Решешник, скорее смахивающий на семейную летопись, где все возникающие в Семье ситуации, на первый взгляд неразрешимые и запутанные, и все вопросы, от простейших до повышенной сложности, имели ответы и были подробно разобраны. Главы в нём так и назывались: «Всё о наших женщинах» или «Всё о чужих женщинах», «Всё о наших детях» или «Всё о наших мужчинах», или вот, например, глава «Как бороться за наше счастье» или «Способы выхода из Семьи», ну и так далее.

Толстый Семейный Учебник в синем кожаном переплете стоял в книжном шкафу на самом видном месте и находился в открытом доступе. Его тонкие страницы были исписаны мелким шрифтом, однако все изложенные в нём ситуации можно было бы свести всего к двум-трём типичным историям.

Да, достаточно было проглядеть Учебник по диагонали, чтобы без труда разобраться, что в нём приводилось всего несколько ситуаций (а больше и не возникало!), которые в Семье неизменно – из года в год, из поколения в поколение – повторялись и в которых условия в разделах «Дано» и «Найти» с течением времени не менялись!

Надо отдать должное женщинам Драконьей Семьи: нарабатывая за долгие годы типовые решения и ответы на изложенные в учебнике семейные ситуации, они передавали эти знания последующим поколениям с молоком матери – на генетическом уровне. Вот почему эти женщины и не заглядывали в раздел «Решение» – все ответы они давно уже знали. А поскольку ситуации были практически одни и те же, то и решались они одним и тем же драконьим способом.

Так все шли по кругу, по спирали, увеличивая и увеличивая радиус и размах возникающих проблем, не желая однажды отказаться от традиционных семейных решений и не задумываясь о том, что можно забросить Учебник куда подальше и найти что-нибудь новенькое.

А ещё, как известно, все существующие в природе драконьи семьи что-нибудь хранили: кто изумруды с алмазами в горных ущельях; кто лунный свет августовской ночи (кстати, вещь совершенно ненужная, но чертовски завораживающая); кто всякие премудрости о травах и корнях; а кто просто честь и доблесть своей семьи – вещи хоть и абстрактные, но очень приятного голубоватого цвета.

Наша же Семья хранила карту – карту особую, очень старую, с флажками и указателями, с дорожными знаками и чернильными пометками на полях.

И что же это была за карта, спросите вы, а я отвечу: на карте был указан путь к счастью, к семейному счастью. А поскольку семья была драконья, то и счастье тоже было драконье. Да, определено так: карта показывала, как добраться до драконьего счастья и стать счастливым в Драконьей Семье.

Ничего себе! – воскликнете вы и с сомнением покачаете головой.

Однако если приглядеться, то можно было бы увидеть, что путь на карте был указан один единственный, а само счастье имело чётко определённую форму.

Говорят, в других драконьих семьях таких карт не было, а стало быть, и добирались все они до этого счастья, как могли – на ощупь. Да, впрочем, и счастье в разных драконьих семьях было разное.

Наша же Семья не просто хранила фамильную карту семейного счастья, но и передавала её из поколения в поколение в глубокой тайне и по старшинству – обычно самой воинствующей и преданной делу Семьи Драконьей Голове. Почему в тайне? Да потому что тайну должен был знать только один – на то это и тайна, и тогда, ссылаясь на неё: «Поверьте мне, я точно знаю!» – он мог повести за собой всех *незнающих* к всеобщему счастью.

Вот и теперь это знание, как достичь счастья, единственного и определённого, хранила Голова Старшая, дама светская, «нестандартная», редкостной красоты и ума, яркая и многогранная, достойная преемница старшего поколения.

Старшей выпала доля не только хранить семейное знание о драконьем счастье, но и неукоснительно следить за тем, чтобы во имя всеобщего блага указанной дорогой следовали все новоявленные члены этой общины от мала до велика.

Сомнения или какие-либо отклонения от намеченного курса вызывали со стороны Старшей. Сначала снисходительное увещание, похожее на разговоры священника с заблудшими душами или психотерапевта с больными. Ежели такие методы не помогали, то в ход пускались иные: от принудительных – для подрастающего поколения, до педагогически продуманных, направленных на возвращение чувства вины. Последний – особо изощрённый метод – предназначался для поколения среднего, а именно для дочерей и их мужей. Метод этот был особенно действенным, поскольку шёл не от разума, а от души и искренне, а искренность, надо заметить, всегда добивается снисхождения.

Глава 1. Голова Старшая

Старшая родилась в шумной Драконьей Семье, где звуки рояля сменялись громкими спорами. Где по ночам раздавался смех, а потом яростно хлопали двери. Где деньги, предварительно подсчитанные, хранились в ящиках письменного стола вместе с карандашами и старыми записками. Где детей баловали, шили для них своими руками по ночам наряды, а выпустив за дверь, забывали о них, и не со зла, а так – по широте душевной... Но всегда, даже когда те вырастали, обязательно подкидывали им денег – то по праздникам, то просто так: «Не спорь, говорю, я так решила!»

В Семье царил матриархат, и женщины были красивыми и сильными и рассчитывали только на себя. Они вели хозяйство, растили детей, исполняли, что задумали, имели тяжёлую руку

и мало советовались с мужчинами. Они, вопреки общепринятому мнению, вообще считали, что первой Бог создал женщину, а мужчина был создан лишь как рабочая версия, опытно-конструкторский образец, требующий значительной доработки. Драконьи женщины были настолько в себе уверены и настолько привыкли всё делать сами, что не замечали, до какой степени красивое тело Дракона скособочено, перекошено в одну – женскую – сторону.

Детство Старшей пришлось на голодное послевоенное время, когда и стар и млад были объединены великой целью восставления, а затем и строительства большого и справедливого государства. А великие цели, как свидетельствует история, достигаются обычно путем невероятных усилий и сплочения единомышленников на благо светлых идеалов.

Необученное любить и дарить тепло, целое поколение людей, не тратя времени на сентиментальности, самоотверженно отказывало себе во всём, живя ради результата и торопясь благородно построить на века одним им ведомое светлое будущее. В ходе этих невероятных усилий, успевая тем не менее учиться, работать, искренне дружить, яростно спорить, жениться и рожать детей – наследников идей, они невольно, сами того не осознавая, возвращали порочную практику достижения высоких идеалов любыми средствами.

Старшая, однако, сумела преломить в себе все вышесказанное на свой особый драконий лад, образуя золотисто-бурю драконью смесь, то совершенно прозрачную, то мутную и яростно бурлящую; смесь из высоких идеалов, бессребреничества, уверенности в собственной непогрешимости и приземлённых, вполне материальных желаний.

Старшая была идеалисткой и отчаянно верила в жертвенность и превосходство женщины априори. Ещё она верила в детей-соратников, в друзей-борцов, в единую на земле правду и в единое Драконье счастье. А потому и Семья для неё была понятием целым и неделимым, целым без составляющих, которое должно было отражать Драконий Семейный принцип «жизнь есть борьба!».

Жизнь свою Старшая оценивала как совершенно счастливую и гармоничную, поскольку, несмотря на все её перипетии, всегда оставалась верной себе.

Замуж она вышла рано, за своего одноклассника, интеллигентного, домашнего мальчика, в будущем – учёного, в браке с которым прожила долго и счастливо – до серебряной свадьбы, родив по ходу двух дочерей с разницей в десять лет.

Однако затем последовал развод.

Нельзя сказать, что такой поворот событий был необъясним и неоправдан, как расценивали все без исключения: и родственники, и окружающие. Да, с точки зрения внешних общепринятых установок, уход мужа был как гром с ясного неба и являл собой вещь из ряда вон выходящую. Но если бы кто копнул глубже, то обнаружил бы, что вся ситуация ни на букву, ни на запятую не расходилась с разделом 2 главы 6 драконьего Учебника: «Способы выхода из Семьи». Дорогам суждено было рано или поздно разойтись, это было неизбежно и объяснялось элементарным законом самосохранения личности. Да и мы с вами знаем, что никаких случайностей в этой жизни не случается, а случаются одни закономерности.

Развод поверг Старшую в водоворот такой трагедии, что свет вокруг неё померк и превратился во тьму. Работа, дом, дети – всё мгновенно потеряло смысл и отошло на задний, невидимый план. Старшая не могла и не хотела смириться с тем, что так хорошо отлаженный и так долго существовавший семейный механизм – вся её система ценностей, взглядов и верований, *весь* её мир – внезапно рухнул; рухнул как песочный домик, не предложив ничего взамен. Идеалы были разрушены, и виновником тому, безусловно, выступил некогда домашний и интеллигентный мальчик, милый порядочный человек – её муж. По убеждению Старшей, он явился Великим Разрушителем, разрушителем настоящего, а главное – потенциального будущего всей Семьи.

Какое-то время Старшая, безусловно, боролась за сохранение своего счастья, но, увы, борьба явилась лишь ещё одним разочарованием.

Однако, несмотря на всю тщетность этой борьбы, на страдания, на длительную депрессию и мучившую её все последующие годы душевную боль, Старшая постепенно поняла, что выход у неё был только один, а именно: продолжить жить, и жить её лучше! Окончательно уверившись в том, что мир неустойчив и зыбок, она также поняла, что желательно надеяться только на себя. Это, кстати, неоднократно подчеркивалось в семейном Учебнике в главе «Всё о наших женщинах», но она, очевидно, читала его невнимательно.

Итак, назло врагам и предателям, Старшая задалась главной целью своей новой жизни – сделать её лучше и блистательнее, чем та, которую она вела с прежним мужем. Отныне что бы она ни делала, проходило под знаменем «восстановления» и «победы», однако вслух об этом она говорить не любила.

Следует напомнить, что женщины в Драконьей Семье долго быть одни не могли, поскольку питались мужскими душами. Вот и у Старшей появился второй муж, естественно именно тот, которого она сама себе определила и выбрала – самый достойный из всех «победителей». Тот, в предыдущей семье – хозяин жизни и барин, пытался и здесь внести в Драконье Семейство нечто *новое*, а точнее *мужское*, и приложил к этому немало сил: требовал последнего слова, хлопал дверями, повышал голос, уходил... на несколько дней, давал себе слово – всё, хватит! – бунтовал и пытался следовать природному предназначению.

Но он не знал, с кем имеет дело. А когда понял, было уже поздно. Посему, поартачившись для самоуспокоения ещё какое-то время и взвесив все «за» и «против», он смирился и полностью принял обозначенные правила Драконьей Семьи – глава 5, раздел 1, «Способы жить в Семье». Ему даже стало казаться, что так и надо, что это и есть настоящая жизнь, а Драконья Семья – самая лучшая на свете: самая красивая, самая умная, самая мудрая и благородная. Вот как ему казалось некоторое время.

Но муж мужем, а боль и обида в сердце Старшей всё равно не проходили, её мучили воспоминания о прежней жизни, а задетая женская гордость как червь точила внутренности.

Объездившая к тому времени полмира с высокопоставленными чиновниками, Старшая вскоре вышла на пенсию и совсем загрустила. Пытаясь найти себе применение, она с несокрушимой энергией и переполнявшим её творчеством возглавила отряд в лице своего второго супруга и подённых рабочих, реализуя себя уже в новом, доселе ей неведомом, но в Драконьей Семье традиционным качеством – бесконечном строительстве и совершенствовании дачных домов: одного – их родового гнезда в старом писательском поселке, и другого – поменьше, появившегося в эпоху раздачи шестисоточных участков.

Не то чтобы строительство второго дома, на шести сотках, было необходимо для жизни, нет, ведь существовало старое фамильное имение. Но сама идея маленького волшебного домика пришла Старшей ещё тогда, когда ничто и не предвещало самого строительства на новой земле. Дело в том, что однажды, в тяжёлый период развода, Старшая увидела необыкновенный и загадочный сон, будто идёт она к небольшому пряничному домику с голландскими окнами и черепичной крышей; не домик – игрушка. Изображение было настолько ясным, что Старшая разглядела домик со всеми подробностями, а проснувшись, удивилась: «Что бы это значило? Может, новая жизнь начинается?» – а потом взяла карандаш и нарисовала увиденный дом по памяти – так, на всякий случай.

Прошёл год или два, прежде чем у себя в Министерстве она, смеясь, участвовала в розыгрыше земельных участков и случайно вытянула счастливый билет. И вот тогда-то она и достала из толстой Папки с Хорошими идеями свой карандашный рисунок, посмотрела на него, и затаившиеся в теле былые боль и обида внезапно фонтаном выплеснулись наружу и сгенерировались в невероятную созидательную энергию, воплотившую в вещь сон в жизнь. И что вы думаете? Дом был построен! Старшая была великой женщиной, хоть и пишем мы о ней с лёгкой иронией.

Да, дом был построен стремительно и наперекор судьбе, физическим силам и материальным возможностям. Строительство шло и летом и зимой, и в дождь и в мороз, и ночью и днём, подобно первым послевоенным объектам-гигантам, являя собой па-

мятник ясновидению и женской непоколебимой воле. Дом был построен и стал доказательством того, что для сильной женщины нет ничего невозможного, а также символом благосостояния внуков, коим, очевидно, он и предназначался. А пока Старшая поступила разумно – дом на время сдала, тем самым вновь обретая независимость и уверенность в собственных силах.

Жизнь тем временем текла и восстанавливалась: Старшая была не одна, дома совершенствовались, дочери рожали детей – появились новые ценности и заботы.

Что же до личной драмы Старшей, то можно сказать, что внешне она сумела её пережить, хоть и с трудом, но с истинным мужеством. Однако в глубине души она осталась верна своим идеалам. Нет, не прошли её обида и боль уязвленного самолюбия, а лишь ещё глубже запрятались в душу, а со временем и вообще переросли в ироничное недоверие к окружающему миру и потаённое ощущение предательства априори: её, Семьи и страны в целом.

Как уже говорилось, Старшая Голова по жизни была настолько энергична и всезнающа, что, глядя на неё с неподдельным восхищением, можно было быть абсолютно уверенным, что эта хрупкая и красивая женщина, несмотря на теперь уже преклонный возраст, добьётся своего, чего бы ей этого ни стоило, а она действительно могла всё. Поэтому «пирожковое» слово «бабушка», коим обозначалось её положение в Семейной иерархии, ей совсем не шло, и если дочери ещё называли её мамой, то внуки звали просто по имени. Некоторые же друзья её дочерей называли её доктором, и не без основания.

Наряду с обширными познаниями почти во всех областях Старшая знала, как правильно лечить и детей, и взрослых, и успешно это делала. Она черпала свои знания из богатого личного опыта, опыта, накопленного всем человечеством, а также из справочников народной медицины и журналов ЗОЖ. Врачам она не доверяла, а на их профессионализм вообще не рассчитывала – все они казались ей троечниками.

Кроме того, Старшая обладала особыми психологическими знаниями, которые помогали ей во время разговора с человеком

безошибочно определять, что же этот человек прячет в своей голове, о чём умалчивает и какие насмешливые мысли таит. Такое качество было дано не каждому, поскольку большинство людей-простаков всё принимало за чистую монету и верило тому, что им говорят. Но Старшая была не такой наивной, и провести её было непросто: её поколение выросло в те тяжелые годы, когда надо было быть бдительным, чтобы строить светлое будущее для всего человечества, а задача эта была не из легких. Особенно Старшую удивляло, как это остальные не видят и не понимают таких простых вещей: например, что говорящий говорит совсем не то, что на самом деле думает, а что думает – никогда не скажет, хотя уж ей-то это ясно как день.

Более того, Старшая заранее умела предвидеть негативные события, а потому незамедлительно сообщала своим дочерям, их мужьям и своим внукам, чем могут закончиться их легкомысленные выходки и увеселения. Она всегда оказывалась права! Или почти всегда. Или не всегда, но тогда это была случайность – просто бог уберёт!

Да и вообще Старшая Голова умела не только отменно хранить, учить, лечить и строить; она могла внезапно появляться и также внезапно исчезать в неизвестном направлении вне зависимости от времени суток. И никто не знал и не догадывался, что она там себе думала в своей мудрёной голове, что планировала в расчёте на всеобщее семейное благо, какие мечты осуществляла.

«Есть одно дело»... – загадочно говорила она, уже стоя в дверях, если вдруг её кому-то удавалось перехватить, и уезжала в ночь и делала это «дело».

А иногда она, наоборот, появлялась дома – уже к вечеру, когда темнело, – возвратившись своим ходом с загородной дачи, а то и из больницы, где на следующее утро её собирались навестить дочери с набитыми сумками.

«А вот и я-а-а! Не ждали?» – по-девичьи весело спрашивала она в этом случае и устало вздыхала, стаскивая с головы мокрый от снега платок.

Нет, не нужны ей были ни их сумки с вещами, ни заботливые звонки по телефону, ни сентиментальные мысли, отвлекающие

от реальной жизни. Ей нужен был результат: осуществление задуманного «дела». И «дело» это было всегда *великим преодолением* – то ли погодных стихий, то ли бюрократических препон, то ли кашля и высокой температуры, то ли просто непонимания и человеческой «дурости». А поскольку Жизнь была для Старшей именно *преодолением*, то Жизни ничего не оставалось делать, как изо дня в день это подтверждать конкретными фактами: пожалуйста вам снег с дождем и ушедшую из-под носа электричку, а вот вам грипп и потеря справок, а легкомысленных дочек не хотите ли? Ну и так далее. Трудная жизнь – это преодоление. Преодоление – это трудная жизнь. Замкнутый круг.

Старшая говорила: «Я живу в замкнутом круге. Просто мистика какая-то».

Причем те, кто живёт в «замкнутом круге», никогда не соглашались с тем, что причиной тому – они сами. Но это так, к слову, не обращайтесь внимания.

...А ещё Старшая была прирожденным «контролером» как своей жизни, так и жизни остальных домочадцев. Это считалось само собой разумеющимся и не подлежало обсуждению. С давних пор в Семье работал принцип «кто не с нами, тот против нас», а потому, кто был не согласен с проводимым курсом и общепринятыми установками о смысле жизни, воспитании детей, времени пребывания на работе, карьере, о формах проявления любви и заботы, личной свободе, тот имел три выхода: принять и смириться, автоматически став «счастливым»; либо уйти из Семьи, превратившись в «предателя»; либо, на худой конец, умереть, демонстрируя всем «слабость характера».

В женской истории Семьи в соответствии с семейным Учебником практиковались все варианты (гл. 6, разд. 1–4, «Способы выхода из Семьи»): чаще бывало так, что драконьи женщины бросали мужчин (раздел 1), иногда мужчины уходили сами (раздел 2), некоторые оставались и сдавались, а если сдавались, то либо подвергались семейной лоботомии (раздел 3), либо умирали (раздел 4).

А вообще... в Старшей Голове, как, впрочем, и во всех предыдущих женских Головах этой Семьи, таилась загадка. Правда, в Учебнике, в главе 1, «Всё о наших женщинах», о загадке почему-то не упоминалось, а следовало бы!

А загадка эта крылась в особом, не поддающемся разумному объяснению феномену, который заключался в том, что, несмотря на благородные представления о чести и достоинстве, на искреннее желание прийти на помощь страждущим, на быющее ключом творчество и неиссякаемую энергию, да и вообще на нескончаемое созидательное начало, в Старшей была заложена великая Программа Разрушения, следствием которой оказывался процесс полного разрушения личности. Этот процесс, надо сказать, проходил совершенно незаметно, но в какой-то момент достигал кульминации, после которой личность уже не подлежала восстановлению.

Этот феномен в Семье наблюдался у всех женских особей без исключения, и каждая последующая Голова, испытывая с детства на себе влияние этого разрушающего начала, страдая и кляня всё и вся, уцелев, потом успокаивалась, адаптировалась и с готовностью вливалась в общий порядок вещей с ещё большей силой и рвением, чем все её предшественницы.

Это женское разрушающее созидание уходило своими корнями в глубокое детство и кормилось наследственной ревностью и обострённым чувством собственности, распространяющимся на всё – от родственников до недвижимости, то есть на всё, что Головы ассоциировали с собой, и Старшая в этом смысле не была исключением.

Да, она была великой собственницей, а потому любые попытки выйти из-под её контроля она инстинктивно воспринимала как угрозу своему королевству и вступала в смертельный бой за свои законные права. В этом случае борьба за ускользающую «собственность» объединялась с борьбой за семейное счастье, и тогда Старшая, подозревая всех в предательстве и подлости, хлопала дверями, не спускалась к обеду, уходила в ночь, подчёркнуто сухо говорила по телефону, сама не звонила, а подарков не принимала.

И тогда все раскаивались и понимали, что ошиблись.

Что же касается её дочерей, то они хоть и спотыкались, но всё же честно следовали за своей матерью. Правда, иногда то одна, то другая останавливались, взмахивали руками и, что-то отчаянно вскрикнув, пытались бежать: то чуть левее, то чуть правее, а иногда даже и в какую-то непонятную сторону, но... заботливые материнские руки и её всепрощающий, а порой и строгий взор быстро возвращали дочерей на прежнее место. Да они и не сопротивлялись. Так, попишат день-другой, приведут парочку дурацких примеров, да и замолчат – поймут, что иной дороги, чем та, что изображена на карте Драконьего счастья и известна только их матери, у них нет.

Глава 2. Голова Средняя

Старшая дочь, Голова Средняя, родилась в любви. Детство её прошло в фамильном имени среди жасмина, домашнего кукольного театра и полуденного чаепития. Росла она скромной Драконьей особью, что, с одной стороны, не делало ей чести по Драконьим правилам, а с другой – наоборот, радовало многих членов Семьи, поскольку Средняя была легко управляема.

Но чем старше она становилась, тем большей задумчивостью наполнялись её зелёные глаза; и всё чаще ей приходили в голову мысли об измельчании поколений, и она всё более уверялась в своей несостоятельности и неспособности сравняться со своими предшественницами, пышущими особой драконьей красотой и энергией. Она чувствовала, что именно о ней написана глава 7 семейного Учебника: «Исключения из правил», и очень страдала от этого.

Единственное, чем радовала, будучи ребёнком, Средняя своих родственников и в чём сама находила утешение, так это танцы, которые она исполняла, безотносительно к времени, месту и наличию или отсутствию зрителей. Обычно включали музыку или кто-нибудь играл на рояле, а она танцевала, и ей неважно

было, что исполнять: польку, вальс, романс или гимн Родине. Ей важен был сам процесс: двигаться в такт музыке, протягивать вверх худые руки, откидывать голову, оттягивать мысок и отражать на лице то, что в жизни она чувствовать не умела. Лицо её отражало только одно и совсем не детское чувство: ожидание любви. Да, Средняя с детства была одним неизбывным ожиданием любви. Но Драконьи Головы этого не видели, так как видели просто маленькую девочку с тоненькими косичками, в клетчатой юбке, которая весело кружила по комнате, натываясь то на стул, то на лежащую под ногами собаку. А девочка видела одобрительные улыбки, которые посылали ей старшие великолепные Драконьи Головы, поблёскивая изумрудно-серебряной чешуей и выпуская от удовольствия тёплые клубочки дыма. В эти минуты ей казалось, что она никакое не «исключение», а одна из них – такая же сильная, энергичная и красивая, сумевшая их наконец покорить своими бесчувственными чувствами и желанием быть как они.

Что касается всего остального, то Средняя была законопослушной тихоней и хронически страдала синдромом отличницы: всякий раз вздрагивала, панически боясь конфликтов, старалась никому не причинить вреда и светить для всех солнышком, что уже само по себе было занятием неблагодарным, да и бесполезным, а с точки зрения Старшей – вообще беспринципным.

Средняя Голова мысленно, как параграфы из школьных учебников, проговаривала длинные монологи, обращённые сначала к Голове Старшей, а со временем уже и к Младшей, пытаясь донести до них свои путанные мысли. Но поскольку у неё не было уверенности в том, что её мысли будут поняты, а главное, правильно истолкованы, то она пыталась, всё так же мысленно, эти мысли передать другими, более простыми словами, а потому разговоры её с самой собой были нескончаемы, мысли рассеяны, речи – многословны, а поступки – нелогичны.

И так до бесконечности.

Свои монологи Средняя так и не озвучивала, зато за долгие годы взгляд приобрела бегающий и беспокойный, а необъяс-

нимое чувство вины, непонятно из чего рождающейся, стало основным стимулом её поступков, начиная со школы и кончая уже зрелым возрастом. Училась она хорошо, чтобы родителям не было стыдно, в институт пошла – иначе быть не могло, была послушной и воспитанной – марионеткой на веревочках, а как же ещё: она награждена была не семейной энергией, а лишь вялым, неопределённым характером.

«Нет, не боец», – всегда с горечью думала Голова Старшая, противореча самой себе: ведь она сама воспитывала старшую дочку управляемой и скромной девочкой, и это послушание её долгое время устраивало. Но постепенно Старшая стала ощущать тревогу за Среднюю, предчувствуя брешь в семейной крепости, несколько, однако, не ощущая в том своего участия.

«Нет, не боец! Даже Карту не сбережёт, – качала она головой, имея в виду фамильную Карту счастья. – Эх, некому передать будет».

А вскоре другим малоприятным сигналом явилось то, что Средняя, послушавшись и идя поперек материнской воли, решила выйти замуж. Старшая боролась за дочь до последнего, искренне и трагично, пыталась её переубедить и запереть на все замки и со свойственной ей прозорливостью предупреждала: «Не надо, натерпишься, вы же совсем разные!»

Но Средняя не послушалась.

Она тогда думала по глупости: «Это мой шанс! Надо бежать!» Бежать условно, конечно, символически (как, впрочем, и всё в Драконьей Семье), поскольку исторически женщины из Семьи не уходили, наоборот, мужчины приходили в Семью, – так почему-то всегда складывались обстоятельства.

Так вот, Средняя не знала, от чего и куда ей надо было бежать, но то, что она этого хотела, знала твёрдо. Хотя, если честно, поступок Средней был опрометчивым. Какая глупость и какая самонадеянность – бежать из Драконьей Семьи!

Но если всё же задуматься, то понять было можно: её поступок был своеобразным вызовом материнским запретам и материнскому мнению, не более; мнению, которое было чрезвычайно правильным и разумным, но...

Но не хотелось Средней к нему почему-то прислушаться, а хотелось изо всех сил идти наперекор. Короче, это был протест, но об этом никто не догадывался. Замужество, как казалось тогда Средней, являлось для неё той волшебной дверцей из походов маленькой Алисы, которая должна была вывести её из жёстких рамок собственной покорности в райские кущи; это была лазейка, сквозь которую она, пусть и во вред себе, но вовремя могла ускользнуть из общей семейной Программы Разрушения. В то время она не могла всё это сформулировать, но необходимость побега ощущала интуитивно.

Бунт Средней не был яростной борьбой за любовь и счастье. Нет, это было просто вырвавшееся наружу противодействие, ведь, как известно, действие равно противодействию. Противодействие было доведено до абсурда и завершилось свадебным маршем Мендельсона.

Да, Средняя временно ускользнула из Семьи, но не от себя: в силу характера из одной зависимости она попала в другую. Бежала от обстоятельств, а попала в другие, ещё более жёсткие; бежала от одной Программы Разрушения, а столкнулась с другой, ещё более сокрушительной и совершенно для неё малопонятной, с Программой своего мужа, пароль к которой она так никогда и не нашла.

Взращённая в незыблемых представлениях о чести, добре и зле, так характерных для всей их женской половины, и из самых лучших побуждений она последующие лет ...дцать по всем правилам семейного Учебника безотчётно выносила мозги своему инородному и строптивому мужу, надеясь запихнуть его с общесемейную модель существования. А кроме того, не отличаясь особой оригинальностью, под влиянием общеизвестного комплекса Электры, упрямо пыталась увидеть в нём хотя бы отдалённое сходство со своим отцом. Муж же сопротивлялся и даже возражал, что только обостряло взаимное чувство одиночества и всё увеличивающейся между ними пропасти.

Старшая, изначально предвидевшая драму своей старшей дочери в браке с «неправильным» избранником (гл. 18, разд. 3, «Мужчины, которые нам не подходят»), на протяжении всей

её семейной жизни с завидной настойчивостью подчеркивала разность характеров и неизбежность развода, который через пятнадцать лет и последовал. Эх, надо было слушать Старшую, она бы дурного не посоветовала!

А супруги тем временем, измочалив друг друга и вывернув души наизнанку, в перерывах добросовестно воспитывая родившегося ребёнка, между прочим, чудесного и красивого мальчика, окончательно во всём запутались и стали судорожно искать себе новых спутников, кровью расписавшись друг перед другом в полной психологической несовместимости.

Средняя оказалась расторопнее, повстречав однажды стоворчивого и послушного мужчину, подпадавшего под раздел 2 главы 18 семейного Учебника: «Мужчины, которых можно воспитать». Почувствовав власть, она тут же в него по уши влюбилась, как этого требовала её наследственная установка, и всецело предалась охватившему её чувству.

Однако её расторопность оказалась иллюзией. О том свидетельствовали последовавший стремительный развод и незамедлительная женитьба её уже бывшего мужа (ведь состоятельные мужчины на дороге не валяются), который, растянувшись на новом диване с новой женой в новой квартире, вздохнул полной грудью, обретя желанную свободу и радуясь тому, что вовремя успел унести ноги из Драконьей Семьи целым и невредимым, а главное, «недолеченным» Старшей Головой и её кошмарными дочерьми.

А Средняя же вдруг, неожиданно для себя и для всех, без всяких усилий, борьбы и изощрённых методов, обрела то, к чему стремилась с самого рождения: получила свободу. Случайно встреченный ею мужчина не бросил ей под ноги ни положения, ни материального благополучия, зато подарил ей саму себя.

Как это? – спросите вы.

На этот вопрос ответа не последует, просто примите как данность: Средняя Голова обрела *себя*. Согласитесь, звучит красиво. Она дернула плечами, скинула, как ящерица, заскорузлую кожу, сотканную из блекло-серого одиночества, синьковой покорности и цикламеновой неуверенности, и за-

кружила по комнате в давно забытом танце под случайную музыку – может, даже это был чей-то гимн, – закружила, словно не было в природе никакого закона гравитации. Долго томившееся в ней ожидание любви наконец вырвалось на волю и превратилось в саму Любовь – любовь к себе, к своему возлюбленному, ко всем Драконьим Головам вместе взятым, да и ко всем людям за окном, понуро спешащим по свои дурацким делам. В вихре танца она подлетела к зеркалу и сказала своему отражению: «Привет!» А потом, рассмотрев себя *новую*, рассмеелась: «Ах вот ты какой, Северный олень, а я и не знала. А ведь как долго я тебя искала! А всё не там... Слава богу, мы всё-таки встретились!» А потом она увидела в зеркале у себя за спиной своего возлюбленного, который обнимал её за плечи и улыбался. Тогда они вышли из дома, сели тёмно-синюю стеклянную лодку и поплыли по реке любви, ловко избегая острых рифов однообразного быта.

Старшая Голова возмутилась пуще прежнего: «Да сколько ж можно время тратить попусту и опять чёрт-те кого себе в мужья брать! Что за легкомыслие такое, в конце-то концов! Никакой ответственности перед Семьей и её будущим!» Младшая с мужем тоже как-то неуверенно пожимали плечами, периодически заглядывали в семейный Учебник и удивлялись: первый муж сестры хоть при деньгах был, а этот избранник кто? Конь в пальто!

И не заметили члены Семьи, что Средняя стала постепенно меняться, а если и заподозрили что, то скорее прогнали от себя эту неприятную мысль, ведь однажды сотворённый образ сложно разрушить.

Нет, Семье не понравилась ни лодка, ни её пассажиры, ни их настроение. Последнее особенно! По мнению матери, лодка её старшей дочери опять поплыла не в том направлении, да и капитаном, похоже, старшая дочь быть не хотела (где уж ей, с её-то мягкотелостью). А это уже никуда не годилось, ведь по традиции женщины в Семье все были капитанами, а все мужчины – матросами, и им следовало это принимать как должное (глава 2, «Всё о наших мужчинах»).

Нет, Семья определённо не понимала безрассудства Средней и не могла позволить ей плыть куда ветер дует. К тому же и цель у лодки была слишком неясной, ведь путевой семейной карты у них не было!

К тому же никто не понимал, согласен ли новый избранник быть в Семье матросом, или затаился и надеялся стать капитаном, не имея на то, по всеобщему мнению, никаких оснований.

А стеклянная лодка тем временем всё плыла и плыла и, хоть не была снабжена всей необходимой походной амуницией, уплывала всё дальше и дальше, всё ускользала и ускользала из видимости Семьи...

А Старшая стояла на берегу, и сердце её вновь разрывалось: «Как можно так поддаваться эмоциям!» И чем дольше она вглядывалась в ускользающую за горизонтом точку, тем сильнее было её желание крикнуть отчаянно, громко, чтобы дочь её тут же услышала: «Стой! Вернись! А как же Семья? Ты опять плывешь не туда!» Но кто-то другой, незнакомый, откуда-то сверху, вдруг стал нашептывать ей предательское: «Оставь, отпусти...» – и впервые в жизни Старшая засомневалась в правильности своего желания и промолчала. Но потом подумала: «Да мало ли голосов вокруг раздаётся, не ко всем же прислушиваться» – и, поколебавшись ещё минуту, отмахнулась от дурного голоса и решила во всём лично удостовериться. Поэтому однажды вечером она взяла заветный фамильный ключ, поднялась по пыльной лестнице на чердак, заваленный множеством коробок с веками копившейся одеждой, обувью и игрушками, открыла скрипучую дверцу старого платяного шкафа, достала из-под ветхих пледов старинную шкатулку, инкрустированную национальной символикой, и, щёлкнув ключом, извлекла оттуда пожелтевший свиток. Развернув его у себя на колене и некоторое время внимательно изучая при свете карманного фонарика, Старшая Голова наконец воскликнула: «Так и знала!» – и тут же устыдилась своих сомнений.

Итак, в своих руках она держала фамильную карту с указанием дороги к Драконьему счастью, и карта чётко указывала на то, что Средняя в своей неброской и непрочной лодке движется с явным отклонением.

Старшая удовлетворённо вздохнула, спрятала карту и вернулась к себе в комнату; та, между прочим, была залита лунным светом, что придавало всей ситуации необыкновенную значимость и торжественность.

«Всё правильно, – сказала она самой себе, – пора дочь возвращать, а то уплывёт – не воротишь!» – и послала к чёрту незнакомый голос-шептун.

Но всё это было на суше, а на воде, в лодке, тем временем протекала своя жизнь, шуршащая листвою цвета позднего бабьего лета.

...И путешественникам казалось, что они беспредельно счастливы...

Но в ходе этого страстного плаванья мужчина вдруг обнаружил, что его возлюбленная хоть и обрела саму себя и душой и телом она здесь, с ним, но мыслями – совсем в ином месте.

И вот однажды, занимаясь с ней в их уютной лодке любовью и шепча ей на ухо слова о вечной любви, он внезапно нашёл под юбками своей возлюбленной длинную верёвку, крепко обматывающую её тонкую талию. Верёвку такую длинную, что ему пришлось даже сойти на берег и долго-долго – так далеко они уплыли – идти по запутанным лесным и горным дорогам (а Средней пришлось бежать за ним, ведь верёвка была к ней привязана), пока верёвка не привела его наконец – как вы думаете, куда? Да-да, прямо в Драконью Семью, в руки родственников – те уже стояли плотным кольцом и с сожалением покачивали умными головами, искоса поглядывая на карту Драконьего счастья.

Мужчина был вежливым и, конечно, сначала сказал им «Здрас-с-сти», а затем дернул за верёвку, сначала вежливо и робко, потом сильнее, а потом ещё сильнее в надежде, что та оборвётся или выскользнет из рук родственников, но этого не случилось – Семья крепко держала верёвку за другой конец. Мужчина очень расстроился и понял, что свобода, которую он сам же и даровал своей возлюбленной, – вымышленная и слабее её семейных уз. Он спустился к воде, сел на берегу на поваленное дерево и решил тогда, что лучше путешествовать

одному, но поскольку жизнь без Средней в этом мире ему казалась бессмысленной, то решил он путешествовать по другому миру – может быть, там кто-то похожий на неё и найдётся. И ушёл. Его история плавно вписывалась в соответствующую главу Учебника, в шестую: «Способы выхода из Семьи», только раздел другой, четвёртый, и в этой главе – последний.

Вся Семья сразу же заохала, запричитала и стала искренне соболезновать и жалеть Среднюю, и слать венки, а та продолжала сидеть в лодке с выражением полного счастья на лице, не замечая, что уже давно сидит одна, а когда всё-таки вдруг заметила, то схватила нож и ножницы и принялась изо всех сил резать верёвку.

И Старшая, и Младшая, и их мужья – все Средней сострадали и пытались понять её и совсем не перечить её крамольным действиям, а иногда, представляете, даже ставили под сомнение собственную правоту, что было уж совсем невероятным, и за это стоило им сказать спасибо. Наконец решили дать страдалице тайм-аут, чтобы та оправилась, пришла в себя и починила верёвку, хотя, конечно, желательно было бы не затягивать. А потому Средней временно позволили монотонно выражать инакомыслие, читать сомнительные книги о многообразии правды и об относительности добра и зла, а кроме того, смотреть на фотографии своего ушедшего возлюбленного и с ним разговаривать – что взять с женщины, потерявшей с горя рассудок!

Конечно же, Старшей Голове было искренне жаль свою маляхольную дочь. Материнское сердце разрывалось от подобного бездействия, и она всячески старалась незаметно приложить максимум усилий, чтобы наилучшим образом использовать своё великое знание о дороге к Драконьему счастью и помочь дочери «правильно и разумно» построить личную жизнь, сливаясь с общим управляемым семейным потоком.

Однако Средняя быстро оправилась, поскольку, несмотря на громкое красноречие всех членов большой Семьи, уже давно привыкла от проблем и бед своих избавляться сама, никого не обременяя переживаниями; вот эта-то сила ей как раз в тот момент и пригодилась.

Она неожиданно быстро сменила семейную веру, изобрела себе другого Бога, стала возражать и, что самое недопустимое, вдруг перестала участвовать в делах Семьи, они стали ей безразличны, и она этого даже не скрывала! Более того, она перестала бояться, начала открыто противоречить и обрела своё мнение, отличное от канонов семейного Учебника.

А если говорить о Старшей и Младшей, то с их точки зрения Средняя вообще стала ненадёжной, порочной, в строительстве домов не участвовала и пыталась быть не по-родственному объективной. Сеяла ненужные мысли в мужских головах их Драконьей Семьи и к тому же не следовала главе 4, «Как бороться за семейное счастье», разделу 5, «Что делать с предателями». Предателями в Семье назывались те люди, которые в той или иной степени не разделяли взгляды Старшей, а потому на определённых этапах были вынуждены от Семьи отколоться и идти своим путём, для Старшей совершенно чуждым. Так вот, Средняя Голова с такими людьми дружила, с отцом, например, и даже почему-то находила в этом особую прелесть. Ну что тут скажешь?

Хуже того, по ночам она стояла у окна, курила, смотрела в чёрное небо и думала о том, что хорошо было бы однажды забраться по пыльной лестнице на чердак, вытащить шкатулку с путевой картой к семейному счастью и бросить её в костер!.. И смотреть на огонь – долго-долго, пока та не догорит, не догорит совсем и не превратится в пепел.

Вот такие были у нее предательские мысли.

Но осуществить она их не могла, поскольку до ужаса боялась привидений, которые в большом количестве водились в их старом доме, преимущественно на чердаке, охраняя шкатулку с картой от таких вот коварных Драконьих Голов, коей Средняя в результате оказалась.

Средняя с возрастом вообще стала так много думать, что голова её опухла от воспоминаний и разного рода переосмыслений. А однажды она додумалась до того, что взяла иголку, проткнула палец, набрала в изящный флакон немного своей Драконьей крови и посмотрела на свет. Её давно уже мучили сомнения, а действи-

тельно ли её кровь полностью Драконья и нет ли там ещё каких примесей, которые бы и объясняли ее некоторую «разность» и противоречивость с большой Драконьей Семьей.

Но флакон с её кровью молчал, поблескивая на свету ярко-рубиновым цветом, и правду о примесях утаивал, поэтому она отставила его в сторону и решила хорошенько рассмотреть как-нибудь в другой раз.

Глава 3. Голова Младшая

Что же касается Головы Младшей, то надо сказать, что в детстве она мало чем отличалась от своей старшей сестры и тоже была кроткой и милой; на детских фотографиях их даже путали.

Однако со временем, то ли по причине изменившей обстановки в Семье и в государстве (родители к тому времени разошлись, а в стране начали стоять демократию), то ли кровь её постепенно стала наполняться семейными Драконьими тельцами и закипела со свойственной ей природной силой, но из нескладного и робкого ребёнка она превратилась в энергичную молодую женщину с активной жизненной позицией, солнечной улыбкой и чёткими установками.

Да, Младшая оказалась генетически одарённой девушкой. Природа щедро наградила её не только эффектной внешностью, но и энергией, предприимчивостью, стремлением к наисветлейшим идеалам – всеми теми качествами, которые были так характерны для лучших представительниц женской половины Драконьей Семьи (глава 1, «Всё о наших женщинах»).

Младшая рано поняла, чего хотела от жизни, и, выстраивая свою жизнь на высоких принципах морали, прагматизме и всевозможных подростковых комплексах, целеустремлённо начала движение вперёд.

По пути Младшая успевала с лёту многое: подобно Старшей – своей матери – боролась против чужой несправедливости, с любыми предложениями выступала первая, сама выбирала то, что ей нужно, и брала это, независимо от обстоятельств.

Голова Старшая смотрела на неё с восхищением и говорила вполголоса скорее самой себе, чем окружающим: «Молодец! Настоящий боец! Есть, наконец, кому передать Карту!»

Тут надо сделать отступление и пояснить, что уже третье поколение старших дочерей в Семье рассматривалось по поговорке «Первый блин – комом» (о чём говорилось в разделе 3 главы 1, «Матери и их дочери», правда, очень вскользь), потому младшей сестре приходилось в Семье несколько легче, чем старшей.

Нет-нет, скажете вы, это слишком субъективно. К тому же смахивает на ревность.

Что ж, пожалуй, но есть и другие аргументы.

Во-первых, Младшая была истинной Драконьей особью и синдромом отличницы не страдала. Долго не рассуждая и не вдаваясь в детали, она всегда отчаянно защищала интересы Семьи по принципу «наших бьют!».

Во-вторых, Младшая не была обременена слезливыми сентиментальными штучками, не приносящими никакой пользы, не читала дурацкую литературу о смысле жизни, побуждающую к рефлексии. Ей и без литературы этот смысл был ясен, да и дорога к нему не вызвала сомнения. От долгих размышлений о высоком Младшая попросту впадала в спячку. Она была практичным человеком и жила на результат, общалась с деловыми людьми и требовала проценты.

Ну и, наконец, в-третьих, Младшая имела особое *свое* чёрно-белое видение мира.

Как скучно! – скажете вы. Бедная девочка, она не видит всех красок мира!

Отнюдь нет, придется вам возразить. Ведь вот, если вам понадобится шляпа, и вы зашли в магазин, а там есть только шляпы чёрная и белая, то, покрутив-повертев, вы одну из них выберете легко: либо чёрную, либо белую – третьей не дано. А что будет, если шляп много и все они разных цветов и фасонов? Мало того что вам придется их все перемерить и вы потратите на это уйму времени, так еще потребуются вспомнить свой гардероб – с чем их носить? С большой долей вероятности вы всё равно уйдёте

ни с чем, так как понравится вам наверняка не одна, а скорее две, а то и три шляпы, и легче будет отложить решение вопроса на неопределённое время.

Так что, надо заметить, все ваши краски мира – дело пустое, только отнимающее время, сеющее сомнения и мешающее движению!

Так вот, именно чёрно-белое видение и позволяло Младшей легко относиться к людям и к жизни, а все Семейные и несемейные ситуации не воспринимать трагически. Надо заметить, что это самое видение образовалось у Младшей не сразу, а постепенно, её организм сам нашёл для себя совершенное средство самозащиты и нападения одновременно – раз, и всё понятно! Раз вы не белый, вы – чёрный! А вы там что-то ещё разглядываете: синее – зелёное, ещё и на солнечный свет выйдете!

Средняя же была обделена этим завидным качеством, и ей всё мерещилось многоцветным, размытым, а иногда вообще бесцветным, как воздух.

Поэтому Младшая к ссорам и спорам – а они ох как часто случались в Драконьей Семье – относилась легко и непринужденно, как к игре на арене цирка, и, расставив всем оценки и указав на соответствующие места на пьедестале, она обычно гордо покидала поле брани, благополучно забыв на следующий день все свои монологи.

Средняя же сама не догадывалась, а в детстве ей никто не говорил, что если люди сердятся, громко спорят или даже называют друг друга специальными особо обидными словами, то потом они чаще всего мирятся и обо всём забывают. Или почти забывают. Во всяком случае, в этой Семье было так, ведь Головы жили на одном теле!

Средняя долгое время вообще считала – и это было её роковой ошибкой, – что все эти ссоры и слова являются проявлениями чего-то более глубокого и плохого, может быть, даже нелюбви, а потому с тихим ужасом ждала последствий, забравшись в себя, как в кокон. Ждала она долго. А потом, уже в зрелом возрасте, однажды с удивлением оглянулась и поняла, что ждёт она зря, так как все давно сидят за столом, пьют чай из чашек в

синенький цветочек и беседуют о том, где будут сажать розы. А потому ничего не следовало принимать близко к сердцу, а надо было делить всё на восемь, а то ведь так и помереть недолго.

Однако вернёмся к Голове Младшей и её жизни.

Получив образование и проведя тщательный отбор по основным жизненным показателям: ресурсам и гарантиям, – Младшая отдала руку и сердце наидостойнейшему из всех, который залатывал в тот момент дыры от неудавшегося первого брака. Именно этот счастливец и организовал восхитительную свадьбу с торжественным венчанием, с лимузинами, с ужином за городом и катанием на лошадях, с эксклюзивным оркестром и прочими приколами.

Муж Младшей был с виду человеком крупным, в деловых кругах признанным, имеющим своё собственное дело и успешно его продвигающим. Однако в быту поначалу он казался мягким и переживающим, беспрекословно исполняющим все настоятельные пожелания своей милой жены и вскоре народившихся не менее милых детей.

А Младшая по-прежнему шла к своей цели и одновременно идеалу – к идеалу в общем и к идеалу в частности, а потому она постоянно что-то предпринимала и не могла долго находиться на одном месте. Она всё время куда-нибудь ехала: в гости, в магазин, на концерт, в ночной клуб, на курорт, – а когда добиралась до пункта назначения, ей казалось, что её кто-то зовёт, и тогда она вскакивала и вновь уносилась в неизвестном направлении, настоятельно названивая кому-то по дороге: «Здравствуй, это я говорю!»

Младшая регулярно совершенствовала свою жизнь, с лёгкостью меняя работу, одежду, образование, врачей, друзей, мебель, полы, обои, машины и требования. С неменьшей лёгкостью она взбиралась по блестящей мраморной лестнице под названием «карьера» – эх, есть такой грех за драконьим племенем, Драконы очень тщеславны!

На пути к созданию идеальной семьи Младшая совершенствовала и всех своих домочадцев – они тоже должны были видоизменяться, неукоснительно приближаясь к задуманному

образу. Подобно революционерам-террористам, борющимся за идеалы всего народа, Младшая приложила максимум усилий, чтобы привести приобретённого мужа в соответствие со своими взглядами. Она шла семимильными шагами, и то, на что у старшей сестры ушло пятнадцать лет семейной жизни, у младшей заняло в три раза меньше времени. И хотя муж её в какой-то момент почти покорился, разумно заключив, что, в конце концов, это всё не принципиально, и найдя для себя в Семье особую нишу (как войдёте – налево, чуть вперёд, и там увидите. Как не видите? Ну приглядитесь! Заметили?), борьба Младшей принесла крайне скудные плоды, кучу разочарований и заикание одного из детей.

Что касается мужа Младшей, то во всём его поведении с самого начала чувствовались последствия жёсткого воспитания его собственной матери: он вырос с ощущением, что громкоговорящим женщинам не следует перечить, а послушание есть единственный способ выключить звук.

Нет, конечно же, женщины в Драконьей Семье никогда и ни при каких условиях не хотели и не ждали от мужчин послушания – что это за чушь такая? Просто им не везло. Не везло хронически – вот уже на протяжении многих-многих лет им попадались нескладные, неловкие мужчины, которые вечно всё путали, сделать как следует ничего не умели, рассказать не могли, путались в фактах и событиях, что уж говорить о домашнем хозяйстве. Вот и приходилось женщинам самим во все влезать, всё контролировать, короче, быть капитанами.

Так и тут получилось. Младшая Голова вскоре поняла, что, несмотря на то что муж её был главой большой компании, а по гороскопу Львом, руководить семьёй он не умел. Напрасно Младшая на это надеялась, и пришлось ей взять самолично руководство домашними делами на себя – так спокойнее.

Впрочем, муж Младшей Головы относился к той категории мужчин, которым легче было согласиться или, скажем, откупиться (неприятно звучит), чем спорить и что-то доказывать: а вдруг он действительно неправ и, может, действительно, чего-то не понимает? Так он думал. Именно это качество в совокупно-

сти с широтой натуры и не очень сытым детством послужили причиной того, что муж, не задумываясь, стал с гордостью всё покупать и за всё платить, доказывая всем, и прежде всего, очевидно, себе, свое львиное предназначение. А надо заметить, что чем больше ешь, тем больше хочется. Так, с первого дня семейной жизни, муж начал планомерно подпиливать сук, на котором сидел. Сук, правда, был от большого баобаба, так ведь и тот не вечен.

Муж был человеком умным, но не мудрым, а вещи это, как известно, разные, поэтому постепенно мужа стало удивлять, почему ресурсов от него требуют всё больше и больше, а желание их предоставлять у него всё меньше и меньше. Сначала он удивлялся тихо, а потом однажды возразил. Но, очевидно, плохо аргументировал. А ещё позже ввёл ограничения. Последнее, кстати, делать не следовало, во всяком случае, без соответствующей подготовки.

Короче, сук стал трещать, но никто: ни Младшая Голова, ни её умный муж – не обратили на то внимания. Вместо этого они, наоборот, увешали всё дерево дорогими вещами, покрыли золотым лаком, привязали блестящие бантики, и чем больше недоразумений и непониманий случалось в их доме, чем больше ссор и бессонных ночей, тем больше дорогих украшений появлялось на дереве. Некоторые вещицы по ходу дела от тяжести падали, некоторые – поменьше – терялись среди прочих, а некоторые просто надоедали, и тогда Голова Младшая проводила с мужем беседы о чести, порядочности и о детях, после чего, взявшись за руки, супруги производили необходимые замены.

Нет, не видели они опасности, а родственников и друзей поднимали на смех – нам бы ваши проблемы! – а детям своим, кстати, ни в чём не отказывали. И очень милые дети (дети и правда были замечательные) радовались: брали без спроса длинные палки и сбивали яркие игрушки с золотого баобаба – просто так, потому что те отсвечивали и мешали им смотреть мультики. Игрушки падали и разбивались на мелкие яркие кусочки, и Младшая кричала на детей резким голосом, ссылаясь на право-

славию и великую русскую культуру. А потом успокаивалась и объясняла мужу, что детям необходимо купить палки новые, ведь старые совсем износились, да подлиннее, да из хороших магазинов, чтобы детишки могли как следует развиваться; в конце-то концов, родные они ему или нет, и может он ради детей хоть что-то сделать! Муж понимал, что дети родные, поэтому не возражал и покупал им палки самые лучшие и самые золотые. Дети снова радовались, снова сбивали игрушки, мешающие смотреть мультики, муж вздыхал и звонил друзьям, а Младшая опять кричала.

Со временем круг замкнулся окончательно и муж, без каких-либо возражений с его стороны, был подвергнут семейной лоботомии (в соответствии с Учебником, главой 2, разделом 3: «Мужчины, которым требуется семейная лоботомия»).

Лоботомия, кстати, лет тридцать назад была широко распространена в одной из великих стран как метод лечения шизофрении. В Драконьей же Семье этот метод использовался женщинами применительно к нужным, но не очень стоворчивым мужчинам, и заключался в удалении лобных долей мозга, ответственных за самоосознание и за принятие решений. Субъекту предлагался выбор: провести операцию самостоятельно, либо прибегнуть к женской помощи. Далее местным анестетиком мужчине обрабатывался участок кожи над глазами и делался горизонтальный надрез. Мужчина, проводящий на себе операцию сам, должен был ограничиться минимальной анестезией, потому что в противном случае у него не фокусировались глаза. Специалисты рекомендовали проводить самолоботомию без наркоза.

Вы спросите, а что же всё-таки заставляло мужчин на это идти?

Вопрос философский, пожму я плечами и добавлю: иногда любовь к детям. Но, если честно, не знаю. Загадка.

Так вот, утратив самосознание и ответственность за свои решения, прооперированные благополучно и спокойно сосуществовали в своей семье, однако случались и исключения. Наш муж, к сожалению, оказался в группе исключений и со временем

публично раскаялся в своём выборе. Мужья-исключения постепенно становились раздражительными, конфликтными, а поведение их – вызывающим. Они принимались отыгрываться на Семье-виновнице по мелочам и по-крупному, злоупотребляя алкоголем и до иступления оплакивая утерю своих лобных долей. Сострадания всё это не вызывало ни у друзей, ни у родственников, поскольку операция была добровольной, а вовсе не насильственной. Семья Драконья, будучи по определению одновременно и глубоко жертвенной, и мстительной, находила подобное поведение недостойным. Что же касается друзей, то и они тоже считали, что в создавшейся ситуации они бы уж точно вели себя иначе.

А жизнь тем временем шла по кругу, и все уже к своим ролям приспособились и смирились с утраченными лобными долями.

Будучи истинной Драконьей особью, Младшая тем временем окончательно уверилась в том, что знает *правильную* дорогу и *правильное* решение и в чужих советах не нуждается. Снисходительно улыбаясь, она говорила, что хоть и имеется у всех людей путь свой, особый, да только у них он кривой, а у неё прямой и единственно правильный. Несложно догадаться, откуда была у Младшей такая уверенность в своих суждениях и такая категоричность, но она переплюнула всех своих драконьих предшественниц – то ли благодаря прочитанным книгам, то ли вследствие своих бойцовских качеств, а скорее всего, просто взболтала волшебный Драконий напиток и с удовольствием выпила, как... шампанское! И тот забурлил в её крови, зашипел, заискрился и умножился в десятки раз!

...И Младшая со всё большим пафосом и убеждённостью вещала о родине, дружбе, семье и Боге, о предательстве и подлости, словно тасовала колоду карт, периодически путаясь в терминологии и подтягивая идеологию под определения. Родину она ассоциировала с популярными песнями, а церковь с верой.

В перерывах между семейными разборками Младшая опять куда-то ехала и порой думала о том, что жаль, что у неё нет Карты счастья, что хранится у Старшей на чердаке, и что при-

ходится ей ехать без всякого плана: то на работу, то за детьми, то за мужем.

А по утрам она подходила к зеркалу, быстро расчесывала свои длинные светлые волосы и удивлялась, что жизнь её так похожа на зеркало: то, что она принимало за правое, было на самом деле левым, а то, что принимала за левое, оказывалось правым, и вместо открытой и беззаботной девочки на неё из зазеркалья смотрела утомлённая женщина с недоверчивыми глазами.

Жизнь же скользила где-то параллельно, с тяжёлым сердцем листая медицинскую карту своей будущей пациентки.

...И Младшая всё ехала и ехала в большом блестящем автомобиле, а за окнами мерцал равнодушный ночной город. И всё думала она и думала: что же всё-таки ей надо сделать, чтобы достичь того идеала, к которому она так давно стремилась и всех за собой тащила, да ни на дюйм не приблизилась. А ведь она так старалась: двух детей родила, дом в уюте держала, ужины готовила, любую беседу поддерживала, мнение всегда своё имела, а идеала вокруг неё всё нет. Муж после операции, вопреки благоприятным прогнозам, обижал её, да так, что оправданий ему никаких не было, хоть разводись с ним.

«Может, не то удалили или случайно задели что?» – размышляла порой мать Младшей – Старшая Голова, которая с возрастом стала о многом задумываться.

И тогда Младшая задалась вопросом: почему же, чем больше усилий она прикладывала, тем дальше от неё оказывался результат?

«Это что же такое получается? – сердилась Младшая. – Идеалы идеалами, а жизнь – жизнью?»

Младшая смотрела на Среднюю и жить, как сестра, не хотела. Её огорчало, что Средняя её не понимает и не поддерживает. Вместо поддержки Средняя обо всём рассуждает уклончиво, живет обособленно, больше помалкивает, а если и молвит что, то что-то непонятное: «Прежде чем войти в кабину лифта, убедитесь, что кабина перед вами», и думает по-другому. По-другому Младшая думать не умела. И ей было обидно (и понять её

можно), что с сестрой они не единомышленники и всё им друг в друге непонятно и неприемлемо.

Младшая смотрела на Старшую и жить, как мать, тоже не хотела: та во всём себе отказывать, поучала, к тому же силы их были равны, так что кому-то приходилось всё время уступать, а уступать приходилось Старшей, и это, надо заметить, граничило для неё с героизмом.

Когда Младшая думала о матери и сестре, на неё напал страх, чёрный и липкий: а вдруг её привычная жизнь рухнет и ей придется жить, как они – в раздумьях и поиске иного пути? Вдруг ей придется быть самой собой? Эта перспектива её совсем не радовала, ведь саму себя она не очень любила.

И тогда Младшая решила: чтобы не погружаться в бесконечные вопросы о том, что хорошо, что плохо, а что неоднозначно, и чтобы не было лишних сомнений, от которых хочется всё перечеркнуть и забраться под одеяло, следует просто ставить цель и идти к ней любым путём!

Как раз в эту минуту Младшая отвлеклась от раздумий и посмотрела сквозь затемнённое стекло машины на светящиеся окна пролетающих домов и увидела в них множество людей; все они стояли и махали ей руками, и она вдруг поняла, что не одинока и многие думают так же, как она.

«Да и вообще, – вздохнула Младшая, – кто знает, как надо?» – и тут же прогнала от себя сомнения и страхи и решила, что пусть всё идёт как идёт. Ведь непременно наступит день, когда семейная Карта ляжет перед ней на столе и укажет путь к счастью!

А что касается светлых идеалов и слов о великом, то на это есть семейные обеды и дружеские чаепития из чашечек в синий цветочек.

Глава 5. Дом Мечты и прочие дома

Благодаря особому дару жизнестойкости и предприимчивости представительниц старшего поколения Драконьей Семьи

все семейные Головы вскоре стали проживать в одном доме. А история эта вкратце такова.

Однажды одна из самых ярких и легендарных Драконьих Голов, когда-либо выросших на большом Драконьем теле, одетая в свой любимый зелёный костюм с черепаховой брошью, сидела в своём любимом ресторане – прибежище всех драматургов и киношников – и задумчиво водила тонким пальчиком с аккуратным ноготком (ах, и кто бы мог подумать, что на самом деле это был настоящий Драконий коготь!) по белоснежной тканевой салфетке. Думала она при этом не о каком-то своём новом сценарном опусе, а совсем о другом. Думала она о своём спутнике – темноволосом красавце в самом расцвете сил, слегка, правда, располневшем, однако ничуть не утратившем былой элегантности. Тот сидел напротив и внимательно наблюдал за движениями тонкой руки своей спутницы.

Да, она думала о нём. Он был ей нужен. Ей были нужны его руки, его пронизательные глаза, не упускающие ни одной детали, его изобретательный ум – короче, он был ей нужен весь, и она больше не представляла без него своей жизни! Но она не знала, как ему об этом сказать, какие найти слова, чтобы не спугнуть. Как, в конце концов, его увлечь!

Они уже успели обсудить и прекрасный ужин, и пианиста, и погоду, и общих друзей, и новости в их общем киношном мире, они даже коснулись взаимных симпатий и прочих милых светских тем, обусловленных модой на одиночество. Но всё это было не то.

Пауза явно затянулась. И тогда Легендарная Голова, оторвав взгляд от салфетки, лучезарно улыбнулась своему спутнику – ждать больше не было смысла.

– Мне нужен дом, – неожиданно сказала она и подняла бокал с шампанским.

Темноволосый красавец иронично изогнул одну бровь.

– Дом? – не понял он, однако тоже поднял бокал. – У вас же, милая, уже есть один дом, за городом, не так ли? Совершенно чудесный дом. – Он сделал глоток шампанского и откинулся на спинку стула. – Ну да, я помню... Такой чудесный, правильный

дом, с яблоневым садом и лесом, с гамаком... с множеством детей, белок, ежей... м-да... с наиприятнейшей публикой... м-да... я все помню...

– Мне нужен дом в городе, – уточнила кареглазая спутница, продолжая обворожительно улыбаться.

– В городе? – удивлённо переспросил мужчина.

– Здесь, здесь, а где же ещё? Мне нужен *ваш* дом, любезный, – пояснила Легендарная Голова и потянулась к папиросам (тогда уже все курили сигареты, однако Легендарная Голова по-прежнему использовала исключительно слово «папиросы»).

Милая улыбка потихоньку исчезла с лица темноволосого красавца, а ироничные глаза наполнились сарказмом.

– Вы шутите, дорогая. – Он чиркнул спичкой. – Помилуйте, зачем *вам* мой дом? Да и, послушайте, это и домом-то не назовёшь! Вся завалена бумагами... обычная холостяцкая комната в общей квартире... правда, конечно... в самом Центре, но ведь там и окна нельзя открыть – пылица!

Красавица по-прежнему торжественно улыбалась, кокетливо щурила глаза, потягивала шампанское, покуривала папиросу и молчала. Ах как он был ей нужен! Он и его дом.

Мужчина вздохнул и, дабы не показаться нелюбезным, был вынужден продолжить свою неуверенную речь.

– Решительно не понимаю, – говорил он, тоже закуривая и покачивая ногой, – зачем вам, милая, дорогая, прекраснейшая, умнейшая из умнейших, вот признайтесь: зачем вам, имеющей свою шикарную огро-о-омную квартиру, моя убогонькая комнатёнка?!

– Бедный, бедный, – нежно прошептала Легендарная Голова, – как же вы живёте?!

– Вот и я говорю! – обрадовался мужчина, что его наконец-то поняли.

И тут Легендарная Голова улыбнулась еще шире и произнесла самое-самое, на её взгляд, главное:

– Мне нужен наш общий дом – *наш с вами*!

– Общий дом?! – воскликнул изумлённый мужчина и ещё выше поднял брови: нет, это было для него уже слишком! – По-

милуйте! Но ведь... м-да... вы ... да и я... это как-то странно... вы сами сказали, что у нас разные планы... Мы взрослые люди, вся эта идиотическая нестабильная семейная жизнь... стоит ли что-то начинать заново... столько ошибок, стоит ли повторять... м-да, не знаю, дорогая, не знаю. А вы уверены?

– Абсолютно! – решительно сказала Легендарная Голова и посмотрела на своего спутника уже совершенно серьёзно – без тени улыбки.

– Но, милая, добрая, сострадательная, вам же самой у меня не понравилось! Вы что, забыли? Да и кровать двуспальную у меня не поставишь!

Тут Голова звонко рассмеялась.

– Друг мой, вечно вы всё путаете! Экий вы путаник! Да на кой черт мне ваша тесная комнатуха в коммунальной квартире, хотя, конечно, и в Центре! За кого вы меня принимаете?

В эту минуту элегантный мужчина неожиданно для себя испытал неприятное чувство, отдалённо напоминающее обиду. Ведь одно дело – личная оценка, а другое – объективная реальность.

А Легендарная Голова между тем продолжала:

– О нет, мне нужен большой, высокий дом с тысячей квартир и комнат, где будут настоящие спальни с большими зеркальными шкафами для женских нарядов; где будут светлые столовые, где за большими круглыми столами соберутся большие семьи; где будут гостиные с множеством книг; где *каждый* мужчина сможет поставить свой личный письменный стол; где за дверями не будут грохотать ни лыжи, ни детские ванны с тазами; где у детей будут *свои* светлые комнатки, а не отгороженные шкафами и занавесками тёмные углы; где будут удобные кухни; где под крышей будут творческие мастерские, а на каждом этаже – большие холлы с диванами и креслами, чтобы все соседи могли выходить вечерами из квартир и дружно болтать о пустяках; где будет большой кинозал, чтобы мы могли смотреть любимые фильмы. Дом, где, наконец, можно будет проснуться и увидеть в большое окно рассвет... Это будет дом для людей и во имя людей, Дом моей мечты! Это будет наш с вами дом!

Ее собеседник изумленно молчал, не зная, что и сказать, а потому вскоре неопределенно пожал плечами:

– Ну, хорошо-хорошо. А при чём тут я, позвольте спросить?

– Как при чём? – пришло время изумиться красавице.

Как же он не мог понять, что именно он – основная загвоздка! Ах, как же он был нужен, как необходим! Уже целый месяц она только о нём и думала! Но он её не понимал, поэтому ей пришлось все объяснить:

– Послушайте, вы – известный московский архитектор! Вы – талант! Вы этот Дом спроектируете, а я построю!

– Я?! Вы? – засмеялся известный архитектор. – Ну хорошо, я – архитектор, но вы-то? Насколько я знаю, вы – сценарист, а не строитель.

– Да, я не строитель, но я – организатор! Строитель – понятие философское. В жизни надо пробовать разное. К тому же, поверьте, это будет мой лучший сценарий.

– Да, дорогая, – тут же согласился архитектор, – я вам охотно верю, но кто же всё это позволит? Вот так... взять и построить по индивидуальному проекту что попало, извиняюсь, конечно... какой-то там дом чьей-то мечты. А если все захотят осуществлять в городе свои... как бы сказать точнее... мечты... Да вы представляете, что будет с нашим городом? Это я вам как архитектор говорю! Я сам этого не допущу! А потом, ваша «мечта» должна пройти множество инстанций, согласований, утверждений, а мечта, сами понимаете, – она у всех разная... В результате, поверьте, ваша «мечта» превратится в обычный типовой проект! И всё!

– Ах, бросьте, мой друг, прекратите истерику, – сказала Легендарная Голова и решительно затушила папиросу. – Вы же знаете, у меня множество связей и влиятельных друзей. К тому же, любезный, если я чего-то *очень* захочу, то это обязательно исполнится. Не так ли?

Архитектор вздохнул – возразить было нечего, она была права.

– Ну хоть скажите тогда, – улыбнулся он, – скажите тогда хоть примерно, как же ваш дом должен выглядеть?

– *Наш* дом, – поправила его Легендарная Голова и зачем-то повертела головой, словно воображаемый дом мог нарисоваться прямо в воздухе.

Однако никакой дом не появился, зато взгляд Головы упал на салфетку с тонкими, еле заметными геометрическими линиями, оставленными ее аккуратным ноготком. Она подняла её и протянула архитектору.

– Вот, – сказала она. – Вот, возьмите.

– Что это? – не понял тот, однако салфетку взял.

– Это мой набросок, – сказала Легендарная Голова. – Изумительно, не правда ли?

Архитектор долго разглядывал на салфетке тонкие изломанные линии, поднимал брови, складывал губы трубочкой, бурчал «пум-пум-пум», наконец поднял голову и задумчиво посмотрел на свою кареглазую спутницу.

– Что ж, – сказал он. – А ведь в этом действительно что-то есть. Давайте попробуем.

Мечта Легендарной Головы сбылась – Дом был построен.

Он был именно таким, каким она его задумала и изобразила на белоснежной салфетке: дети стали жить в своих комнатах, у мужчин появились письменные столы, а за большими круглыми столами большие семьи встречались за воскресными обедами. В холлах стояли кресла, а правое крыло представляло собой кинозал.

Но Легендарная Голова не просто построила Дом мечты. Используя все свои способности и возможности, связи и личное обаяние, своё имя и, чего греха таить, отдав часть квартир нужным людям, она сумела все так искусно организовать, что в Доме стали жить её многочисленные соратники, друзья и друзья друзей, и ещё куча талантливых писателей, художников, режиссеров, а ещё... и члены её Драконьей Семьи. Все объединили усилия и создали свой жилкооператив, известный в столице под названием «Драматург». Именно о нём она потом набросала сценарий «Дом весёлых нищих», который так и остался лежать в ящике её письменного стола с пожелтевшей салфеткой между страниц.

Легендарная Голова, совершив в своей жизни великое множество замечательных дел, отмеченных знаками и регалиями, успев на своем веку мимоходом перессорить и помирить многих людей, сохранив до последнего часа светлую голову, молодой голос и интерес к жизни, умерла в очень преклонном возрасте в своей постели в Доме своей мечты.

Она умерла на рассвете, глядя в большое, ею же придуманное окно на светлое небо; наступал новый день.

Вот такую историю пришлось вспомнить, дабы объяснить, как все три Драконьи Головы оказались в одном доме.

Как вы, очевидно, заметили, дома в этой Драконьей Семье играли особую роль. Во-первых, дома, в которых жили Драконьи Головы, были построены самим Драконом – и в прямом, и в переносном смысле. Во-вторых, и Дом мечты, и загородный Дом-лабиринт – фамильное имение, и шестисоточный Пряничный Домик, и просто городские квартиры были самостоятельными существами, каждое из которых имело свою историю и характер, и что самое удивительное – свои личные взаимоотношения с каждой из трёх Голов.

Например, городской Дом мечты оказался жутким снобом, со временем стал стареть, забывать и путаться. Любил он всех и никого – холодной столичной любовью, быстро позабыв и Легендарную Голову, и все её заслуги, что уж говорить о Головах помладше: подумаешь, Драконьи Головы, да мало ли в мегаполисе Драконов!

А вот фамильное имение – Дом-лабиринт – любило Головы по-матерински, ласково. Старшую имение особенно баловало, позволяя ей делать всё, что той заблагорассудится: расширять, перестраивать, вправо, влево, под солнцем, под снегом. Среднюю имение любило жалобно, постоянно напевая ей всякие ностальгические песни о героических днях огромного Драконьего Семейства и потерянном рае, подкрепляя её чувства разными звуками и шорохами, вздохами и шагами ушедших поколений. Младшую же старое имение любило жертвенно и обречённо, с грустью осозная, что на своём пути к идеалу её энергия скоро

сметёт и старый лес, и старые стены, и даже сам дух Драконьего Дома.

Пряничный же Домик любил всех без разбору и был рад всякому, кто приезжал в его уютные стены, подобно весёлому щенку, истосковавшемуся по доброму хозяину и понимающему, что когда-то будет отдан новому хозяину.

Однако вернёмся к нашим трём Головам и их жизни в Доме мечты.

Как уже было сказано, благодаря стараниям Легендарной Головы Старшая Голова со своим мужем и двумя юными дочерьми тоже получили квартиру в Доме мечты. И это было настоящим счастьем. Но со временем семейство стало отпочковываться и после замужества Голова Средняя усилиями своей матери, Старшей – за что была искренне ей благодарна каждую минуту своей жизни, – переехала с семьёй на этаж ниже, в квартиру покойной бабушки, а точнее именно той Легендарной Головы, которая на пару с другом-архитектором и сотворила этот Дом мечты.

Младшая же Голова осталась в родительской квартире, но вскоре Старшая со своим вторым мужем переехала в Дом-лабиринт, оставив городскую квартиру семье младшей дочери.

Таким образом, дочери со своими детьми и спутниками жизни остались жить в Доме мечты, и даже в одном подъезде.

Средняя холила свое гнездо и лелеяла. Она, собственно говоря, к своему дому относилась гораздо серьёзнее, чем к жизни вообще и к своей в частности.

Вы скажете: но ведь дом и есть часть жизни! Противоречие, знаете ли-с...

Нет, возражу я.

Нет, дом – это не часть жизни, а, скорее, укрытие для души. А поскольку души у всех разные, то и укрытия эти разные. По обстановке, по домашнему духу, по эдаким внутренностям человека, порой крайне неприглядным: по мебели, шторам, по чайнику и вилкам – можно много чего рассказать, многое приоткрыть.

Итак, Средняя относилась к своему укрытию очень серьёзно. Дом был для неё игрой души и её отражением. Со спины. Любая игра, на её взгляд, была намного более серьёзным делом, чем любое даже самое серьёзное дело. Отношение к жизни как к игре напоминало ей старый как мир перевёртыш королевского шута, который произносил наисерьёзнейшие вещи наинелепейшим образом.

А потом... игра – это прощительно...

Средняя уставляла свой дом бесполезными, но милыми сердцу безделушками, каждая из которых имела неслучайное место и поселялась в доме на веки вечные; вешала картинки, собирала английских кукол, расставляла фотографии детей и возлюбленных и, наплевав на суеверия, хранила сухие цветы. Вечерам приглашала друзей. Для некоторых Средняя жила легкомысленно – одним днем, карьеры не делала и деньги зарабатывала без чужой помощи, как могла – не много и не мало, – но тратила их по пустякам. А ценила она превыше всего – свою независимость.

Младшая же игры не любила и к жизни относилась серьёзно. А поскольку планы у Младшей были имперские, то и дом её был торжественно-имперский, с разбросанным детьми по блестящему полу печеньем. Младшая, стремясь к бесконечному совершенству, наоборот, не позволяла себе привыкать к вещам и тяготилась постоянной обстановкой, шутя двигала мебель, меняла шторы, полы, вывозила в загородный дом одни вазы и покупала другие. И странное дело: вещи действительно откликались на все её движения, будь то мебель, фарфор или обивка. Всё самым удивительным образом быстро изнашивалось и выходило из строя, а потому действительно требовало постоянной замены!

«Двое детей! Шутка, что ли?» – скажут некоторые, а Средняя ответит им: «Шутка, шутка: что в голове, то и снаружи».

Готовила Младшая то, что полезно, и пыталась навести в своём доме такой же порядок, как и в своей голове. Планировала на несколько лет вперёд, а муж и дети ей в этом неустанно мешали, но она всё равно создавала картинку своей жизни, и это её успокаивало.

А Старшая за городом все строила и строила, и фамильное имение всё росло и росло. В нём появлялись новые комнаты и кладовки, кухни и застеклённые террасы, ванные комнаты и туалеты, окна и двери, короче, удивительный лабиринт, заставленный столами, креслами, трюмо и неразвешанными картинами; лабиринт, в котором без провожатого легко потеряться и опоздать к вечернему чаю.

Старшая хорошо ориентировалась в своём лабиринте, поскольку он был подобен её сложной и запутанной душе, в которой она сама бродила и из которой никак не могла выбраться. Её радовало, что каждая новая комната, каждая новая столовая и кухня были очередной творческой победой над серым домашним бытом большинства людей, и Дом-лабиринт и Пряничный Домик росли вместе с её воображением, сметая на своём пути серость и однообразие.

Но случилось так, что её второй муж внезапно умер (см. гл. 6, разд. 3, «Способы выхода из Семьи»), перевернув очередную страницу Драконьей семейной летописи, и Старшая в недоумении и растерянности осталась одна в огромном фамильном имении, осознавая, что разогнавшийся локомотив начинает тормозить, да так, что искры летят из-под колёс.

Дочери поняли, что надо что-то предпринять, и срочно забрали Старшую к себе. Конечно, они понимали, что Старшей будет сложно, и сложно может быть долго – она не умела заниматься чем-то одним и всё делала одновременно: варила макароны, говорила по телефону, делала уроки с внуками и строила дома. Тех, кто так не умел, она жалела и с радостью была готова научить. Теперь же, в городе, ей было трудно быть полезной и ещё труднее найти себе применение.

Поначалу Старшая пожила у своей старшей дочери, но очень скоро стало очевидным, что надолго она не задержится. Средняя, несмотря на свою «тёплую» квартиру, оказалась отстранённо-холодной, а серьёзные, на взгляд Старшей, темы обсуждала без всякого интереса. Сострадание Средней было не свойственно, её действия напоминали стиральную машину-автомат, кастрюли и вилки имели чётко определённое место, а котлеты

на тефлоновых сковородках не допускалось тыкать ножами. К тому же она всё время о чём-то думала и рано ложилась спать, а её сын-подросток непозволительно долго болтал по телефону и по любому поводу спорил. О боже, всё это было невыносимо!

Тогда Старшая, в образе Короля Лира, переехала на этаж выше, в квартиру своей младшенькой, а точнее, в свою же в квартиру – на историческую родину, где, несмотря на незначительные трения и разногласия, благополучно занялась воспитанием внуков, а заодно и их родителей. Младшая дочь не возражала, более того, ей было безразлично, в каком порядке у неё стоят кастрюли и тарелки, а истыканные ножами тефлоновые сковородки она, как уже говорилось, легко меняла на новые, мысли о вечном её не обременяли, а спать она ложилась поздно, да и младшие внуки были более сговорчивыми, так как до переходного возраста им было ещё далеко.

Но всё-таки Старшей было неимоверно трудно быть *при* дочерях, так как она вообще никогда ни *при* ком не была, быть не могла и даже мысли об этом не допускала. Это *кто-то* мог быть при ней, а не *она* при ком-то! Поэтому всё шло к тому, что Старшая Голова нуждалась в отдельном помещении, хорошо изолированном, где бы она могла отдохнуть от утомительного наблюдения за неправильной жизнью своих дочерей, но в то же время не настолько отдалённом, чтобы чувствовать себя одинокой и никому не нужной.

Обстоятельства сложились совершенно непостижимым образом, не без участия таких тонких материй, как «удача» и «везение», а также более приземлённых понятий, таких, как «своевременность» и «напористость», и Старшая совместно со своей младшей дочерью приобрела отдельную квартиру на том же самом этаже. Ох уж это Драконье упорство, эта Драконья целеустремлённость!

Таким образом, три милые Драконьи Головки оказались связанными не только одним большим чешуйчатым телом, но и одной крышей над головой, одним мусоропроводом и лифтом, лифтершей, домоуправом, одним правлением жилищного кооператива знаменитого Дома мечты и к тому времени только

одним сохранившимся в Семье мужчиной (внуки не в счёт) – лоботомированным мужем младшей дочери.

Вновь приобретённая квартира стояла пустая и требовала обширного ремонта, однако это не мешало Старшей использовать её как место уединения и в качестве рабочего кабинета. В большой пустой комнате, старые обои которой в преддверии ремонта были цветасто разрисованы внуками, на большом подоконнике была разложены стопки бумаг: документы, папки, записки и органайзеры, – подоконник успешно играл роль министерского письменного стола. Рядом с ним стоял барный стул, принесённый из квартиры младшей дочери, по высоте как раз подходящий к импровизированному столу.

Старшая, в тапочках, гремя ключами, периодически ныряла из двери в дверь и, нацепив на нос очки с одной дужкой, взбиралась на стул, шуршала бумагами и документами, листала папки и куда-то звонила по телефону. А иногда она задумчиво застывала в пустом гулком пространстве и смотрела в окно на осенний листопад.

Она думала о Драконьей Семье, и ей было беспокойно. Волновали дочери и внуки. Ей казалось, что они делают все *неправильно* и её почему-то не слушают, хотя она, казалось, уже всё знала... И если Средняя, на её взгляд, все делала неправильно, то уж Младшая... всё делала *совсем* неправильно! А ещё вся эта молодая поросль постоянно с ней спорила и говорила что-то птичьё... Отцы и дети?

«Нет, – качала головой Старшая, наблюдая за тем, как большой красный лист, оторвавшись от ветки, медленно кружит в воздухе. – Нет. Что-то ещё».

И она брала карандаш.

«Дорогие доченьки, – писала она, – пишу вам письмо, так как это единственная возможность, чтобы вы до конца меня выслушали и не перебивали».

А потом она относила письма в соседние квартиры – туда, где жили её дочери.

Нет, Старшая не была оригинальна: в Драконьей Семье, несмотря на то, что взрослые и дети жили в одном доме, а часто

и в одной квартире, родители всегда писали детям письма, а дети никогда не отвечали, а если и отвечали, то как-то наспех. А если у старших под рукой не было чистой бумаги, то писали на полях подвернувшихся книг. И осталось на пожелтевших страницах в старой семейной библиотеке множество вопросительных знаков.

«Почему мы не слышим друг друга?» – спрашивала себя Старшая.

Но потом встряхивала головой и прогоняла неприятную мысль, а вместо нее рисовала в своем живом воображении перспективу предстоящего обновления, думая о том, как много должно пройти лет, чтобы человечество приблизилось к познанию смысла жизни, и какой долгий и сложный путь ещё предстоит её дочерям и особенно внукам, чтобы всё наконец понять.

Глава 7. «Новые» дети

Драконьи дети...

Они смотрели со всех семейных фотографий, которые отражали их взросление, а ещё смену времён года и изменения в жизни взрослых. У каждой из Голов обязательно имелась фотография в рамке, на которой она улыбалась в окружении Драконьих детей. Детей было трое: взрослый мальчик, средний мальчик и девочка – самая младшая.

Дети находились под строгим контролем, учились по выбранным программам, читали тщательно отобранные книги и подвергались насильственному вскармливанию. Во все времена Драконьи дети (а детьми были когда-то и все Драконьи Старшие) много болели, и во все времена их кутали. Их кутали, а они болели; они болели, и их ещё сильнее кутали. А потом их долго и тщательно лечили. Во все времена Драконьи дети были ослабленными и ели плохо. Но они выживали и отличались долголетием.

Дети отдувались за нереализованные мечты старших, служили для взрослых серьёзным аргументом для всякого рода

требований, предъявляемых друг к другу, олицетворяли будущих защитников Семьи и строителей фамильных имений, да и вообще играли в Семье роль довольно символическую, что подчёркивалось в главе 3 Семейного Учебника: «Всё о наших детях», например, приносили воду в запотевших стаканах.

Детей, к счастью, всё вышесказанное мало волновало, поэтому они только то, что хотели; насильственному вскармливанию сопротивлялись; учились рывками и по настроению; читали запоем, но совсем не то, что было рекомендовано; родительских надежд не оправдывали; часто возражали и вообще были склонны иметь собственное мнение. Да и дел своих у них было великое множество, впрочем, как и у всех недраконьих детей.

Нынешняя троица ничем не отличалась от всех своих предшественников – ни здоровьем, ни повадками. Они и внешне имели с родственниками сходство очевидное.

Но всё-таки «новые» дети были иные – иные, чем их Драконьи предшественники. «Новые» дети смотрели по мир неприуждённо и с уверенностью в том, что если они появились, то это для чего-нибудь нужно. Они задавали много вопросов, но их мало что удивляло. Они с *легкомысленной лёгкостью* поглощали потоки информации, не до конца даже успевая понять её и усвоить, складывая её у себя в голове, словно рулоны ткани, и в самый неожиданный момент выуживая оттуда нечто уже готовое и сформированное.

«Почему так, а не иначе? – спрашивали взрослые. – Почему?».

«Не знаем, – пожимали плечами “новые” дети. – Но это так».

«Новые» дети принимали мир взрослых, в котором им приходилось жить, как состоявшийся факт, мало относящийся непосредственно к ним. Они ассоциировали всё в нём происходящее не с собой, а с некой данностью, которая носит очень условный и временный характер, как период, на смену которому придёт другой – их. Мир взрослых казался им слишком шумным, несуразным, слишком восторженным и многословным.

Однако это не означало, что «новые» дети были холодными и рациональными. Они умели смеяться, заразительно и долго, подсакивая, закидывая голову, но внезапно могли замолчать,

щёлк – и новый уровень: спасибо, все свободны, я, наверное, пойду *уже*. И шли заниматься чем-то своим.

Иногда они плакали. Правда, плакали редко, но если плакали, то злились и крепко сжимали губы. Они не плакали над тем, над чем плакали в их возрасте нынешние взрослые. Например, когда кто-то ссорился, или уходил, или расставался насовсем. Нет, ни страх, ни боль, ни обида не вызывали у них слёз. Они были скупы на жалость и сострадание и жестоки в своих словах и поступках. Но иногда они всё-таки плакали от невозможности найти точки соприкосновения с взрослыми, чтобы, наконец, объяснить тем, что они не плохие и не хорошие, а просто «новые».

И всё же, хоть дети и были иными, на них в Семье надеялись.

На детей ведь всегда надеются, правда?

У каждой из трёх Голов имелись свои заветные родительские чаяния, а потому Головам сложно было любить детей *любыми* – да дети и сами знали, что им нельзя быть *любыми*. Учебник на этом подробно останавливался.

Вот возьмём старшего внука – сына Средней Головы. Его появление в Драконьей Семье было особым праздником, и не случайно, ведь долгое время великие Головы давали жизнь только женским особям! После появления старшего внука в Семье стали появляться и ещё мальчики (правда, и одна девочка – очевидно так, на всякий случай).

Появление в Семье мальчиков свидетельствовало о начале новой эры – *мужской*, и этот факт одновременно и радовал Семью, и тревожил. Радовал, потому что больше не было сил целый век слыть Драконихой и всё тащить самой, а тревожил, потому что мужчины вообще тревожили великие Головы и в чувственном, и в практическом смысле. Как уже говорилось, мужчины в Семье были нужны, но мужчинам не доверяли.

Так вот, старший мальчик оказался первопроходцем и общей надеждой: он должен был стать порядочным мужчиной, гордым, сильным, человеком с большой буквы, достойным наследником Семейных идеалов и истинным защитником Драконьих ценностей – непростое предназначение и тяжкое бремя.

Поначалу первенцу уделялось особое внимание со стороны всех членов большой Драконьей Семьи: им умилялись, ему пели, ему объясняли, в него вкладывали, его учили... А самые старшие Головы – великие предшественницы, особенно легендарная Драконья Голова, вообще усмотрели в мальчике нечто чрезвычайное и необычное. И то было правдой – его любили все и души в нем не чаяли.

Однако, как известно, Драконьим Головам было свойственно заниматься многими делами одновременно, а непоседливый образ жизни, постоянные встряски и семейные катаклизмы отвлекали их от начатого процесса воспитания. Поэтому очень скоро Средняя сама занялась воспитанием своего сына – мальчика-Дракона, а все остальные Головы – воспитатели семейного наследника, как, впрочем, и её артистичный муж, куда-то сгинули по своим делам. Это её несколько не расстроило, даже, наоборот, обрадовало, так как она не любила, когда в её дела вмешиваются, когда «наваливаются всем миром», и всё делала по принципу «я начала – я и закончу».

Оставшись без присмотра, Средняя занялась самостоятельностью, в Семейный Учебник не заглядывала, а по мере взросления сына пыталась ответить честно на все его вопросы. Хотя процесс воспитания и носил творческий характер, однако в него пришлось включить услуги приходящих нянь, поскольку Средней надо было ещё успевать и работать, и разговаривать с мужем.

Старшая же, убеждённая в том, что каждый момент жизни имеет свою первостепенную задачу, как раз в тот период полностью ушла в загородное строительство и охрану фамильных ценностей, не упуская, однако, возможности, приезжая в городские квартиры, всякий раз напоминать Средней о её сомнительных методах воспитания Драконьего наследника – верного защитника семейных идеалов. Методы Средней казались Старшей слишком свободными и несерьёзными, а потому неприемлемыми. Однако на этом контроль её завершался, оставались лишь крайне неутешительные прогнозы в адрес Средней и её подрастающего сына.

Старшая, нагруженная сумками, ехала в электричке, думала о наследнике и в такт постукиванию колёс качала головой – так-так, так-так, – вздыхала и какое-то время ещё продолжала возлагать на мальчика ускользающие надежды.

Наконец настал момент, когда Средняя, по мнению Семьи, бесповоротно мутировавшая в персонаж инородный, окончательно разрушила последние надежды на воспитание достойного Драконьего сына. А тут ещё появились внуки помладше, и *эти* внуки проявляли себя более активно, поэтому общее внимание сместилось на следующее поколение, а первенец и вовсе попал в стан «проблемных» личностей с неустойчивыми взглядами.

И всё-таки, будучи Драконьим ребёнком, старший внук, представлял собой очередную пузырчатую смесь из всевозможных западных и восточных кровей, что было совершенно естественно в Драконьей Семье! К тому же мальчик ещё и по китайскому календарю был Драконом, впрочем, так же, как и Старшая – его бабушка. Дракон был его любимым героем, о чём свидетельствовал серебряный талисман, поблескивающий на его груди, – фигурка Дракона, дарующая силу и мудрость, охраняющая от всяких напастей.

Как и многие подростки, в зависимости от настроения, старший внук мог быть одновременно и категоричным, и созерцательным в попытках, не вдаваясь в подробности, самому разобраться во всех событиях в Семье и в мире. С детства спокойный и отстранённый, «Дельфинёнок», как его однажды назвала семейная подруга с Финского залива, в переходном возрасте вдруг стал воинствующим свободолюбом, выплёскивающим наружу все накопившие недетские переживания, с трудом держа оборону своей душевной крепости от женской Драконьей осады.

С рождения он был свидетелем многих семейных драм, встреч и разлук, ссор и примирений. Он был единственным из внуков, кто успел застать и пообщаться с легендарными Драконьими Головами, чем искренне гордился. А ещё он какое-то время пытался понять свою мать и своего отца, Старшую, Младшую, мужа Младшей, их детей – младших внуков, но... но потом «забил» на это.

Его отрочество пришлось на трудный Драконий период: все три Головы остались одни, без мужчин, а потому вновь принялись смотреть на него с надеждой. Он же отвечал трёхглавому Дракону улыбкой, подёрнутой грустью, и любовью, граничащей с раздражением, всё больше досадуя на свою принадлежность к Драконьему телу и испытывая невыносимое желание поскорее от него оторваться.

Он был грустным взрослеющим Драконьим ребёнком.

«Надо выжить, – думал он (мужскому полу в Семье всегда было сложно). – Надо выжить».

Всякий раз, когда Старшая смотрела на мальчика, что-то болезненно сжималось в её душе, а потом начинало ныть, ныть – уж больно он был отстранённым.

В отношениях с этим худым длинноволосым подростком с глазами «отсутствия» Старшая из всех сил пыталась наверстать упущенное время, когда она во имя будущего своих детей и внуков не покладая рук трудилась над строительством семейного наследства – фамильных имений, в то время как сам мальчик-первенец кочевал из рук в руки различных нянь и дальних родственников.

Эх, вот ведь философский вопрос: а оценят ли потомки затраченные усилия во имя их же благ, не пожмут ли плечами, не пройдут ли мимо? А может быть, им надо что-то другое, и не потом, а в текущий момент? Ведь в отсутствие тепла души холодеют, и не растопить их уже никакими разумными благами. Эх, нет на это точного ответа.

Страдая под бременем ускользнувшего времени и возникшей отчуждённости, Старшая искренне пыталась использовать различные методы и лучший опыт советской и западной педагогики, чтобы дружить со старшим внуком, применяя порой и радикальные меры с указанием на дверь (исключительно в морально-воспитательных целях), легко находя ему замену среди его же одноклассников или младших внуков, при этом сознательно порождая всё ту же ревность и рассматривая её как справедливый метод здорового соперничества. Результаты это давало весьма сомнительные.

И всё же... в *докторской* душе Старшей все время теплилась надежда опытного педагога пробудить в старшем внуке лучшие семейные качества, которые, надо заметить, проявлялись слабо; либо, на худой конец, эти качества в нем воспитать, одновременно излечив его от бездушия, присущего современному миру и, кстати, его бестолковой матери. Она даже пообещала показать ему самое ценное – путевую Карту, которая приведёт его к Драконьему счастью. Но мальчик не воодушевлялся и даже ответил что-то обидное, насмешливое: мол, не нужна ему никакая карта, он во всём сам разберётся.

Что до младших внуков, мальчика и девочки, детей Младшей Головы, то в силу объективных обстоятельств они были больше приближены к телу Драконьей Семьи, слыли умными, талантливыми, но чрезмерно своенравными. Старшая смотрела на них и понимала, что в отличие от старшего внука пробуждать и воспитывать в них ничего не надо – типичные Драконьи дети, надо лишь чуть-чуть направить их в нужное русло, объяснить всё своими словами.

Правда, своенравие их она не любила и расценивала как распушенность и избалованность. Среднюю же своенравность племянников порой приводила в восторг, и ей казалось, что этот назревающий бунт знаменует начало новой семейной эры. Младшую Голову все означенные умозаключения не очень волновали, у неё была чрезвычайно «сложная» семейная жизнь, и ей было не до детей с их своенравностью.

Тем не менее во мнении Старшей, безусловно, таилась большая доля правды: младшие дети были избалованы и воспитаны крайне условно. В этом не было ничего удивительного, поскольку дети в семье Младшей были не просто детьми, а символами, а, как известно, символы всегда условны. Так вот, эти *условные символы* и олицетворяли честь, совесть и будущее: честь и совесть её мужа, а будущее – её самой.

Как все избалованные дети, младшие дети настырно требовали к себе повышенного внимания, восполняя нехватку элементарного душевного тепла.

Хватит умничать! – воскликнете вы и пригрозите тем, что забросите эту повесть. Что там про «новых» детей-то?

А дети блуждали по Дому-лабиринту и считывали со стен Драконьи житейские мудрости. Эти мудрости не были написаны на белых стенах яркой краской, и уж тем более нигде не висели нравоучительные плакаты: «Не болтай у телефона! Болтун – находка для шпиона!».

Нет, стены были чистыми и пустыми, разве что пейзажи висели кое-где да масляные портреты легендарных Драконьих Голов вдоль лестниц. Но дети считывали со стен мудрости легко и просто, словно это были не мудрости вовсе, а упражнения из букваря – лаконичные и объёмные, чуть нудные, правда, но зато легко запоминающиеся.

У каждого из детей – а их было трое: два мальчика и на всякий случай одна девочка, если вы помните, – в этом доме была своя траектория, и траектории их порой пересекались, и тогда дети встречались в какой-нибудь одной из комнат этого заколдованного лабиринта и присаживались: один на кровать, другой – на краешек старого кресла, а девочка – просто на пол, – и начинали тихонько что-то обсуждать. Речь детей была необычной и напоминала птичью: трели сменялись цоканьем, а цоканье каким-то курлыканием. Старший мальчик слегка улыбался, младший кивал головой и вставлял: «Понял» и «Я в курсе», а девочка молчала. Она время от времени вставала и, подойдя к старшему брату, чуть-чуть прислонялась к нему боком и задумчиво смотрела в окно.

Дети понимали друг друга без труда, взрослые же имели определённые трудности в том, чтобы понять их. Средняя сразу сдалась и призналась, что птичий язык ей неведом и изучать его отказывается, так как способностей у нее к этому нет, да и каждому языку свое место. Поэтому детей она понимала только в их же переводе на язык человеческий, а смысл старалась уловить по глазам и жестам. А вот Старшая и Младшая, уверенно ссылаясь на свою интуицию, легко трактовали детей, считая, что близкие своих детей понимают легко. Дети иногда оспаривали такие трактовки, говорили: «Да нет же... не так... по-другому... я имел в виду, что...», но их убеждали в обратном.

Дети блуждали по лабиринту давно, а потому побывали везде: и в кладовках, и в кабинетах, и даже на чердаке. И фамильную Карту они уже давно изучили, легкомысленно не придавая ей никакого значения – так, поводили тонкими пальчиками по различным значкам и чёрточкам, покрутили-повертели и обратно положили в шкатулку с национальным орнаментом. Дети были разочарованы: не было на Карте ответа на их единственный вопрос.

А вопрос у детей был предельно прост: а где *отсюда* выход? Как выбраться им из этого Драконьего лабиринта?

На Карте выход был не указан, так как не предполагался вовсе.

Между тем самый старший брат уже давно знал, что выход там же, где и вход, а потому сказал об этом младшим и заметил, что если они хотят *отсюда* выбраться, то им надо искать входную дверь.

Время шло, а дети всё блуждали.

Но, встретившись однажды за общим чаем, к которому было предложено печенье в фаянсовой корзинке с красной розой на боку, старший брат подsunул младшему книгу, а тот, бросив хитрый взгляд на взрослых, быстро исчез с ней в дальних комнатах и прочитал:

– *Вы не будете столь любезны сказать мне, какой дорогой мне следует выйти отсюда?* – спросила Алиса.

– *Это в значительной мере зависит от того, куда вы хотите прийти,* – ответил Кот.

– *Мне безразлично куда,* – сказала Алиса.

– *Тогда нет разницы, какой дорогой ты пойдёшь,* – сказал Кот.*

Мальчик передал книгу сестре, а та, прочитав, вопросительно посмотрела на самого старшего.

Тот сказал:

– Надо обозначить цели.

– Нас трое, – заметила девочка.

– Ну да, – быстро сказал младший, – значит, и цели три.

– Хорошо, – сказал самый старший. – Будем двигаться в направлении того, чего мы хотим.

– Мы и так это делаем, – неуверенно пожала плечами девочка.

– Нет, – возразил ей самый старший, – пока мы только бежим от того, что нам не нравится.

Дети переглянулись и опять разошлись по дому – каждый в своём направлении в поисках выхода.

Надо заметить, что в отличие от братьев девочка отправилась в путь без особого энтузиазма: она то подолгу замирала у окон, то присаживалась причесать кукол, то открывала дверцы старых шкафов и выдвигала ящики комодов, разглядывая содержимое. Торопиться ей не хотелось – где-то в глубине души она сомневалась в том, что хочет выбраться из Дома-лабиринта. Скорее наоборот, она хотела в нём остаться! Здесь ей было всё знакомо, здесь жили Драконьи Головы и говорили с ней на понятном ей языке. Она внимательно смотрела на них, наблюдала и чувствовала себя одной из них – только более усовершенствованной и доработанной версией. А потому искать выход из Драконьего Дома ей казалось нецелесообразным.

«Пусть это делают братья», – думала она, и шаги её замедлялись.

Здесь рассуждения о Драконьих детях останавливаются, однако выражается глубокая надежда на то, что каждый из них всё-таки найдёт свой путь из заколдованного лабиринта, и что, встретившись за его пределами, им захочется быть вместе и вместе решать, что со всем *этим* делать.

Глава 6. Снова карта

Однажды вечером, когда дети были отправлены спать, полы подметены, а единственный сохранившийся в Семье муж смотрел телевизор, поминутно щёлкая пультом с программы на

* L. Carroll. Alice in Wonderland (перевод Н. М. Демуровой).

программу, две Головы, те, что помладше, посмотрели на Старшую и сказали:

– Ну, хватит тянуть, показывай!

Старшая Голова кокетливо повела плечами и загадочно улыбнулась, однако действий никаких не предприняла

– Не притворяйся, что не слышишь, – сказала Младшая.

– Не тяни, поздно уже, – нетерпеливо поддержала её Средняя.

Старшая, выдержав паузу, многозначительно покачала головой:

– Наконец-то. Стало интересно. Значит, повзрослели, помнели, значит. Значит, пришло время.

Дочери выжидающе смотрели на неё.

Старшая ещё минут пять молча потягивала чай, затем всё-таки повернулась вполоборота к старому буфету с золотыми чашками, выдвинула ящик и достала из-под скатертей свёрнутый вчетверо листок пожелтевшей бумаги.

– Так ты всё это время здесь её хранила? – изумилась Средняя, вспоминая о чердаке с привидениями и жалея об упущенной возможности.

– Здесь – не здесь, какая разница? Перепрятала! – приговаривала Старшая, деловито разворачивая лист на обеденном столе. – Да ты бы всё равно не нашла – с детства ведь ничего не видишь.

– Действительно, какая разница, – сказала Младшая, с интересом разглядывая разложенный лист бумаги.

Все три Драконьи Головы склонились над столом и долго-долго изучали то, что увидели. А увидели они, наконец-то, семейную Карту с указанием пути к Драконьему счастью.

Стояли они так очень долго, может, час, может, два, а может, и всю ночь – так долго, что и непонятно было: то ли они ещё её разглядывают, то ли уже давно думают о своём, например о мужчинах, или просто спят стоя, и так случается – последнее время они сильно уставали. В конце концов, Карта была такая старая и изображение на ней было такое размытое, как в плохом телевизоре, что и заснуть немудрено.

Тут пора спросить: а как же она выглядела эта таинственная Карта? Было ли там хоть что-то, что стоило разглядывать?

Откровенно? Сложно сказать.

Карта представляла собой небольшой лист, старый и замусоленный, а по краям совсем потрёпанный, с большим жирным пятном в левом верхнем углу. По всему полю незаметно шла довольно прямая линия, соединявшая две крупные точки: над одной значилось «Старт», а над другой «Финиш», очевидно последняя и символизировала «Счастье». Вдоль прямой линии стояло множество непонятных значков, галочек, крестиков и даже чернильных пометок, но разобрать их было практически невозможно, так как мало того что они все друг на друга налезали, так ещё почти стерлись и выцвели. Еще на Карте были приписки: «см. сем. уч-к, гл...», «дом. тел. МарИосифовна 14... 13...» и страшная детская каракуля, похожая на ежа со спины. Да и, собственно, всё.

Вот так просто, без прелюдий и подготовки, как всё в этой жизни и свершается, наступил долгожданный момент – ожидаемый поворотный пункт в жизни. Перед тремя Головами лежала Карта счастья, и каждая из них видела на Карте что-то своё.

На улице залаяла собака, три Головы вздрогнули, очнулись от затянувшейся паузы и начали переглядываться.

– Ну? Что скажете? – гордо молвила Старшая. – Теперь-то вам стало понятно? Вы дорогу хоть видите?

Средняя откашлялась, что-то хотела сказать, но потом неопределённо поджала губы и вежливо промолчала. А вот Младшая тут же воскликнула:

– Да что тут смотреть-то! Смотри – не смотри, дорога-то одна – и такая короткая!

– А я вам что говорила? – перебила её Старшая. – Не хотите меня слушать, хотите сами всё делать, всё свой путь изобретаете – только время теряете! Ведь путь уже давно за вас протоптан!

– Странно как-то... – недоверчиво пробормотала Средняя, отходя в сторону, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу.

– Что странно? – не поняла Старшая. – Ничего нет странного. Спроси – я всё тебе объясню.

– А то странно, – Средняя закурила и продолжила, – что всё у нас есть: кошки и собаки, ежи и белки, дети и внуки, дома и квартиры, достаток, друзья и книги, мужчины-любовники, и даже мужья когда-то были, а теперь вот Карта есть, к счастью путь указывающая.

– И что? – удивились Головы Старшая и Младшая. – Тебе чего не хватает?

– Да, – ответила Средняя, – чего-то не хватает. Счастья, наверное.

– Это потому, что вы горя не знаете, – мудро вздохнула Старшая.

Головы нахмурились и промолчали.

– Значит, – продолжала Средняя, – не в белках и ежах дело, не в домах и не в мужьях, а в чём-то еще...

– И в чём же? – спросила Младшая, и взгляд её вдруг стал напряжённым, словно она не хотела вовсе, чтобы Средняя отвечала.

– В нас самих – в себе разобраться не можем, – улыбнулась Средняя.

– Может быть, – пожала плечами Младшая, – но без домов, ежей и мужей было бы совсем плохо...

– Согласна! – радостно воскликнула Старшая, словно обрела почву под ногами.

Но Средняя не унималась (она с детства была упрямой и с маниакальными идеями в голове):

– Да и потом, – она небрежно ткнула в карту указательным пальцем, – тут вместо счастья точка какая-то нарисована! Разве *так* счастье выглядит?

– А мне кажется, что это и не точка вовсе, – возразила ей Младшая Голова и чуть-чуть подалась вперёд. – Я бы сказала, что это просто обыкновенная клякса. Не счастье, а случайность какая-то бесформенная. Впрочем, в жизни так и бывает...

– Клякса?! – возмутилась Старшая. – Какая же это вам клякса?

– Да нет, – постаралась успокоить ее Средняя, – конечно же, это не клякса, наша младшенькая просто так своё счастье видит, это скорее окружность... с небольшим радиусом – «Финиш» называется!

– Нет, клякса!

– Я сейчас вам точно скажу, что это, – со знанием дела отрезала Старшая, надела очки с одной дужкой, взяла лупу и нацелилась на объект с пометкой «Финиш». Она смотрела и прямо, и под разными углами, и даже свет попросила сделать поярче, а потом, спрятав лупу в чехол, торжественно заключила: – И не клякса это никакая, и вовсе не окружность, мои дорогие!

Сестры с нетерпением ждали ответа, и Старшая уверенно сообщила:

– Это – квадрат!

Приподняв брови, сестры прыснули от смеха.

– Ну это уж совсем какая-то искажённая реальность, – заметила Средняя. – Кто что хочет, тот то и видит! Так, что ли, получается?

– Да и сам путь какой-то странный, уж больно прямой, – засомневалась Младшая.

– Да уж, – согласилась Средняя. – Дорога к счастью прямой не бывает, тут хитрость какая-то.

– Можно, конечно, попробовать... не знаю... – пожала плечами Младшая. – Хотя, мне-то кажется, что я и сама теперь всё знаю, и мне лично никакая карта не нужна.

– Все! Хватит, мои дорогие! – не выдержала Старшая. – Раз так, разбирайтесь сами, без карты. А то потом опять скажете, что я во всём виновата. И счастье им не той формы, и путь им слишком прямой!

– Ну... – заметила Средняя, – прямой путь не самый короткий.

– Уж поверьте моему опыту: *этот* путь – самый короткий, короче не бывает! – воскликнула Старшая и поправила всё время сползающие с носа очки.

– Послушайте, – перебила Младшая, внимательно разглядывая разложенный на столе листок, – а кто вообще сказал,

что «Финиш» – это «Счастье»? По-моему, «Финиш» означает совсем другое...

– Что-о-о? – обиделась Старшая. – Это уж слишком! – И с этими словами она стала яростно сворачивать карту, чтобы снова спрятать.

– Ну уж нет! Куда ты её убираешь? – возразила Младшая Голова и быстро выхватила карту из рук матери. – Нам она ещё пригодится. Есть предложение – сыграть!

– Как это? – не поняла Старшая, а Средняя устало дернула плечами.

– А вот как, – Младшая неожиданно достала из кармана игральный кубик и выбросила его на середину карточного поля. – Вот так. У меня выпало три. Хожу три шага.

Средняя заинтересовалась, взяла три разноцветных монпансье и положила в нижний угол листа.

– Фишки, – сказала она, указывая на яркие леденцы. – Ходи красной, – и добавила: – Дай-ка я попробую, – и бросила кубик. – Пять!

Средняя гордо передвинула зелёный леденец на пять ходов вперед.

– Ах так! – засмеялась Старшая – идея ей понравилась. – Вот посмотрим, что выпадет у меня. – Она как следует потрясла в ладонях кубик и бросила: – Шесть! Во как! Видали? Ни у кого такого нет! Я самая счастливая – всегда об этом знала! И семья у меня была самая хорошая, и работа, и друзья настоящие, принципиальные! Ну-ка, жёлтую пододвиньте-ка на шесть ходов. Давайте дальше!

– Четыре!

– Три!

– И у меня три!..

– А ты помнишь, когда это было? Я-то помню. Ведь я тебя предупреждала, зря ты меня не послушалась, вот видишь – всего три выпало! Я же сразу тогда поняла – ничего хорошего из твоей затеи не выйдет!

– Опять вспомнила! Тогда обстоятельства на всю шестёрку тянули!

– Ты на Карту посмотри повнимательнее, она врать не будет: чистая тройка, да ещё какие-то дохлые цветочки на поле вон нарисованы, чёрт знает что!

– Ну и что? Три так три! Зато сколько эмоций, страстных ночей, цветов! А кто что о любви знает? Может, лучше три года в страстях, чем шесть лет в однообразии!

– В покое и стабильности!

– В рутине! А потом: это не дохлые цветочки, а розы!

– Да-да, с шипами.

– Да перестаньте спорить! Смотрите! У меня четыре выпало! Видите?

– Помним-помним, правильно, ты как раз на работу хорошую вышла, кто ж спорит – молодец! На четвёрочку!

– А я тогда думала, что это... хотя бы... пять, между прочим.

– Ну, не всё сразу.

– Ну-ка, теперь я... Ах, смотрите – я ход пропускаю! Вот, теперь совсем от вас отстану!

– А мы тебе говорили, хватит за городом сидеть, совсем от жизни оторвёшься. Вот смотри, Карта правду-то видит, вон мешки виднеются, доски, лес, собаки!

– Мешки, доски! Это же дом наш загородный! А кто бы его ремонтировал? От вас проку нет. Вам же одно трали-вали, эх, жизни не знаете! Для вас же старалась, дуры, для детей ваших!

– Да-а-а, а за городом время останавливается. Смотри, сколько ты ходов пропустила!

– Ничего я не пропустила! Потом вас в один миг обгоню!

– Моя очередь... шесть! Точно! Сын экзамены сдал, как сейчас помню, на седьмом небе была! Точная шестёрка! Видите, видите?!

– А я всё равно впереди, между прочим! Вы там где-то сзади застряли – одна за городом, другая в семейной рутине! Смотрите, не опоздайте, а то я первая к «Счастью» приду!

– Не обольщайся, дорогая, не к «Счастью», а к «Финишу».

– Не надо сориться, всё рано или поздно к «Счастью» придут. Вот и я с места двинулась, да как быстро! Я предупреждала!

- И у меня шесть! Ещё посмотрим, кто выиграет!
- Шесть у тебя? Странно...
- Вовсе не странно, вон нарисовано: в лодке любви плыву, и всё в моей жизни прекрасно, и вон вода голубая...
- Где небо, а где вода – не разберёшь. Нет-нет, на шестёрку это не тянуло...
- Сами говорите, что Карта врать не будет, просто вы тогда не поняли!
- Ой, а у меня два шага назад! И яма нарисована, словно я в неё падаю...
- Да ты тогда словно из жизни выбыла – вот яма и получается.
- Смотрите, и у меня вдруг темень настала. Смутные времена наступили.
- Вдруг – не вдруг, а мужчины наши разбежались.
- А мой ещё тут, телевизор смотрит... или не смотрит?
- Погодите-погодите, а это что такое мелкое нарисовано? Не чемоданчик ли?
- Это не чемоданчик, а машинка новая, на день рождения, наверное.
- У меня тоже не много выпало – единица всего. Хотя странно. Ошибка какая-то...
- Не надо было тебе с мужем ссориться.
- И всё-таки это чемоданчик!

Так они играли день или два, а может, неделю.

Их дети и лоботомированный муж вставали по утрам, одинокое завтракали и ухаживали: кто в школу, кто на работу, а кубик всё падал и падал на жёлтый лист бумаги, выставляя случайные баллы их прошлым словам и поступкам; и Головы играли и играли, не замечая того, что уже давно двигают фишки по кругу, и не по размытым клеткам, а кто куда хочет.

Но вот наступил день, когда дети не выдержали. Они подошли к Головам и протянули воду в запотевших стаканах, чтобы те отвлеклись и остановились.

Так и получилось.

Три Головы сначала растерянно посмотрели на детей, потом на воду, потом на Карту и остановили игру.

Карта лежала на столе и больше не представляла тайны, она казалась простой и понятной. Да и дорога на ней была указана действительно короткая, словно и не дорога вовсе, не путь, а так, штрих какой случайный, словно счастье было не в неизведанной дали, а совсем рядом: под рукой, за углом, в кармане, – но почему-то такое незаметное, такое недоступное!

Что это – иллюзия? Обман зрения? Ошибка художника? Ошибка разума?

Старшая нахмурилась: что-то неопределённо тяжёлое стало подниматься волной в её душе, но она сразу прогнала от себя эти мысли, сложила Карту, убрала в карман и быстро вышла из комнаты.

Глава 8. Цели

Кстати, о целях. О них сказать необходимо, поскольку слово это и все от него производные были в Драконьей Семье очень популярны. И неслучайно: Драконы Головы были чрезвычайно энергичны и целеустремлённы. Казалось, что сокровенный смысл всей их жизни как раз и состоял в бесконечной постановке и осуществлении своих сознательных и бессознательных желаний, а вовсе не в плавном течении по жизни и созерцании её процессов, как рекомендуют восточные мудрецы.

В принципе, Головы ничего не имели против процессов созерцания и даже порой созерцать пытались – по ночам, присев на краешек стула и уставившись в чёрный квадрат ночного неба. Но всё-таки что-то внутри них постоянно свербело и подпрыгивало, создавая неприятное ощущение, что они что-то упускают и не успевают – не успевают доделать, досказать, допеть, долюбить. Вот именно это *что-то* и не давало им покоя и противилось мудрому совету – плыть по течению. Но в то же время именно это *что-то* давало им силы жить, неустанно двигаться вперёд и реализовывать свои планы – и маленькие, и большие.

Вы можете на это сказать: «Какой ужас! Вот уж действительно, никакого покоя!», а потом ещё и многозначительно заметить: «If you always run you would never escape», что означает: «Чем больше ты дёргаешься, тем меньше результат»...

Если честно, то постановка порой высосанных из пальца целей у Голов была скорее своеобразной игрой, способом самореализации и возбуждения движения внутри себя, чем реальным достижением целей.

Конечно, вы тут же спросите: «А зачем тогда вся эта суета? Это движение внутри себя? Жизнь – она вона какая скорая, и так хватает! Покоя бы!»

Но ведь человек только кричит о покое, а когда этот покой наступает, то и жизнь замирает и становится безвкусной и одноцветной, а сам человек застревает в дебрях своего «я» и слабо подёргивается, ежедневно доказывая самому себе, что он ещё жив и нуждается в тепле и внимании.

Все эти умозаключения не имеют ничего общего с лозунгом «жизнь есть борьба», когда человек подобен рыцарю в железных доспехах, борющемуся с ветряными мельницами. А постановка целей, видимо, созвучна самому стремлению жить, стремлению почувствовать терпко-сладкий вкус жизни и ощутить её внутри себя. Во всяком случае, *так* было с Драконьими Головами, для которых достижение целей исполняло роль лишь маленьких ступенек на пути к так называемой самореализации.

Да, целей и желаний у Голов предостаточное количество – целей общих и индивидуальных. Индивидуальные в Семейном Учебнике (см. гл. 10, «Все о наших целях») почему-то не рассматривались, а точнее над словом «индивидуальные» стояла сноска: «т. е. несущественные, так как быстро переходят в общие». А вот общим целям в Учебнике были посвящены целых два раздела.

Общие цели мало чем отличались от подобных целей других больших Семей и, конечно же, заключались в сплочении и преумножении семейных ценностей, в том, чтобы «говорить, как чувствуем, и жить, как говорим». Правда, в Драконьей Семье

по поводу ценностей вечно шли споры и Головы высказывали разные мнения, но, в сущности, это не очень-то было и важно. Главное, что семейные ценности, какими бы они ни были, не оставляли Драконьи души равнодушными и тревожили их, что так редко встретишь в нынешнее время.

Что же касается целей индивидуальных, то тут Головы пытались не спорить: что спорить о «несущественном», хотя, может быть, про себя и досадовали, надеясь, что время их рассудит.

Младшим Головам, в отличие от Старшей, вообще скучно было долго заниматься каким-то одним делом и стремиться к чему-то одному. Лишь по молодости или по нетерпению какому непонятному они порой стремились сразу к нескольким вершинам одновременно и, надо сказать, иногда у них это получалось. Правда, бывало, что в их действиях нарушалась логическая последовательность, но это не имело значения. Например, сделав ремонт и расставляя мебель по задуманному плану, они параллельно осознавали, что если бы покрасили стены в другой цвет, а мебель была бы другой коллекции, то было бы значительно лучше. Или, устроившись на хорошую работу, вспоминали, что неплохо родить и ребёнка, да так, чтобы это не мешало работе. Или, выходя замуж, вдруг понимали, что до счастья осталось совсем чуть – всего-навсего превратить новоиспечённого супруга в совершенно иное существо.

Старшая старалась быть последовательной, для неё это не было сложно, так как она родилась и воспитывалась в соответствующее историческое время – окончила вуз, вышла замуж, родила детей и сделала карьеру. Однако в повседневной жизни ей тоже было не чуждо выполнение нескольких дел сразу. Она могла одновременно смотреть фильмы по нескольким программам, или делать с детьми уроки и выяснять у мужа, почему тот вчера задержался, или варить суп и красить крышу.

Головы часто относились друг к другу критично, хотя в душе понимали, что, как и их великие предшественницы, они в чём-то заблуждаются, и не только по отношению друг к другу, но и по отношению к другим. А заблуждение заключалось в таком, казалось бы, пустяке, как исключительная уверенность

в том, что *все* вокруг чувствовали, видели и мыслили *точно так же*, как они.

И когда Головы спорили, пытаясь доказать друг другу свою правоту, то доводы приводили бессмысленные, понятные только им самим. От бессилия они иногда кусались и шипели, выпускавая горячие клубочки дыма. Но потом стихали, отворачивались друг от друга, и наступала тишина.

Но тишина в Драконьей Семье была недолгой, мир восстанавливался лишь до следующего раза, когда Головы вновь начинали спорить, говоря всё то же самое, но другими словами, приводя другие примеры... и опять ничего не менялось.

Со временем тишина стала затягиваться, и однажды, по объективным причинам, день превратился в неделю, а в другой раз день обернулся месяцем, а потом и двумя. Головы стали чувствовать, что слов почему-то у них остаётся все меньше, синонимичный ряд близится к концу, а эмоции всё больше служат дурную службу.

Каждый раз, вступая в новый возраст своей жизни, каждая Голова ощущала себя новорождённой, не имеющей за плечами никакого опыта! Её жизнь неожиданно опять обретала новые желания и опять ставила перед ней новые цели; все предыдущие цели казались ей смешными и мелкими, а жизненный путь — чересчур извилистым, хотя и задумывался как прямой.

И тогда каждая из Голов наконец начинала понимать то, о чем ей когда-то говорили её старшие сородичи, проходя, как и она, похожий отрезок жизни.

Глава 9. Крест

И...

Всё равно Драконьи Головы друг друга любили и готовы были друг другу помогать и прощать очень многое, потому что это была одна, пусть не идеальная, но Семья. Семья, хоть и драконья, и разрушающая, но ведь и такая имеет право на существование и для чего-то нужна.

Может быть, как урок для других?

Скорее всего, как урок для её же Голов, дабы они не идеализировали друг друга и окружающий мир и не старались его переделывать, а учились принимать его таким, каков он есть. А Головы всё никак не учились и не учились, а потому вечно сталкивались и ссорились, и всё из-за и на благо детей, ближнего, чести Семьи и других малопонятных и книжных иллюзий приятного голубоватого цвета.

А ближний, между прочим, почему-то сопротивлялся и этого блага не видел, а если и видел, то почему-то не понимал.

И вообще, кто знает, кто он — этот «ближний»? Родственник или тот, кто близок по духу, единомышленник или тот, кто близко живёт? А если это тот, кто близко живёт, то близко — это как? В доме, во дворе, в стране или, может быть, просто на планете Земля?

И вообще, кто знает, что такое это «благо»? И кому оно больше нужно? Тому, кто его получает, или тому, кто его делает? Ведь, как сказал один великий француз, мы любим других не за то, что они делают нам, а за то, что мы сами для них делаем. И не есть ли это «благо» ловушкой, которая, словно паутина, запутывает в свои сети вынужденной благодарности, лишая возможности дышать и видеть?

Вечерами три Головы, запершись в трёх отдельных квартирах в утратившем свою историю Доме мечты, оставшись одни, с тоской смотрели в большие окна — изобретение их легендарной родственницы, смотрели в тёмно-синее небо. Эх, как хотелось им взять и улететь в бездонную неизвестность, оторвав себя хоть на часок, хоть на минутку от своего большого Драконьего тела. Но в глубине души Головы понимали, что, как бы они ни махали своими большими оливковыми крыльями, как бы ни тянули длинные шеи, им уже было не оторваться ни на минуту, ни на час.

...А Старшая наблюдала за летящим к земле красно-жёлтым листом, и у неё вновь становилось тяжело на душе: и за своих неправильных дочерей, и за внуков. И снова, и снова она писа-

ла им письма. Ей было страшно и за себя. А вдруг те качества, которые в Драконьей Семье веками воспитывались и считались достоинствами, те качества, которые она же сама пестовала и подерживала, вдруг эти качества обернулись недостатками? Как маятник: достигнув своей максимальной точки, он тут же, замерев на мгновение, начинает своё движение в обратном направлении.

«А может, та сила, – думала Старшая и устало прикрывала глаза, – которой природа наделила нашу Семью и которая всегда нам помогала, обернулась слабостью? И кто же из нас тогда будет тем, кому суждено достичь её крайней точки, чтобы затем новые поколения вновь обрели утраченную силу?»

...А Голова Средняя задумчиво смотрела на полный флакон с рубиновой кровью и мысленно шла вглубь, всё больше погружаясь в темень человеческих отношений и заблуждений, окончательно убеждаясь в том, что слабость может быть силой, а сила слабостью. И ей хотелось написать об этом письмо своей матери в ответ на её послания, но она себя сдерживала, намеренно нарушая традицию.

...А Младшая всё неслась и неслась по городу в своей блестящей машине, всё вперёд и вперёд, легко передвигаясь по жизни и отделяваясь лишь легким испугом, когда прикалывала на костюм первым встречным бумажки с определениями. А из окон её машины белоснежными голубями вылетали материнские письма и попадали в руки случайных прохожих, а те удивлялись: как можно рвать книги?

...А вместе обе сестры, совершенно не понимая друг друга и от этого страдая, и всё же друг друга любя, удивляясь силе кровной любви и досадуя на неё, очевидно, каким-то образом друг друга дополняли и, подобно сямским близнецам, не могли быть разделены.

Если они в какой-то момент оказывались вместе, и в это момент на них посмотрел бы человек с чувствительным восприятием, например горец, или тибетский монах, или какой-то

сказочный мудрец, то легко бы увидел то, чего не суждено было увидеть обычному человеку. Он увидел бы, что вместе сёстры образовывали геометрическую фигуру, а точнее крест – Крест золотого сечения.

В одной книге написано:

«При созерцании креста на расстоянии 60 см от глаз происходит воздействие на организм человека, несущее равновесие жизненных сил, спокойствие, состояние духовной и физической гармонии. Смотреть на символ нужно рассеянным взглядом до тех пор, пока вокруг креста не образуется голубоватый отсвет. После этого глаза можно прикрыть. Чувствительные люди непременно ощутят, как через макушку головы словно вливается поток солнечного света, благостью растекаясь по всему телу...»

Да, они образовывали крест – или почти крест: таково было их предназначение, так, во всяком случае, в Семье считали их великие Драконьи предшественницы. Сёстры – две стороны одной медали, два жизненных вектора, вертикаль и горизонталь – должны были, взявшись за руки, нести единство противоположностей, возвращая Семье утраченные за годы житейских битв равновесие и гармонию, светящиеся всё тем же голубоватым светом.

Но сёстры родились в такой упрямой бойцовой Семье, к тому же Драконьей, что их крест, по сути созидательный, со всей своей Драконьей силой превратился в крест иной.

Созидательный крест разрушения.

Крест на прошлом их некогда всеильной Семьи.

Заключение

Дракон лежал на большом диване, и все его три Головы смотрели на пожелтевшую путевую Карту – та по-прежнему тихо покачивалась на тёмной поверхности воды и всё никак не тонула.

Вода грозила затопить всю террасу, поднявшись уже очень высоко – почти до края дивана, так что Драконьи Головы могли

видеть в ней свои отражения. Но отражения были настолько тёмными и размытыми, что Головам было трудно отличить себя друг от друга. А может, просто со временем Головы стали очень похожи – кто знает?

Драконья лапа медленно приподнялась, распрямилась и длинным загнутым когтем подтянула Карту поближе, так что та, наколотая на твёрдый коготь, оказалась прямо перед склонёнными Головами.

Драконьи Головы, как три гигантские кувшинки, неопределённо качнулись и переглянулись.

– Ну, и что теперь с этим делать? – раздражённо спросила Младшая.

– Вот всегда так, – заметила Старшая, – всё побросали и ушли: и тяпки, и грабли в траве валяются, вон ворота открыты, и дом не запёрт. Всё рушится! Крыша дырявая! А дети – последняя надежда – даже Карту, и ту бросили, хоть бы спросили, что это.

– Да знают они, что это! Видели они твою Карту! – заметила Младшая.

– И что? – продолжала сердиться Старшая. – Бросили же! Ничем не интересуются!

– Оставь, – сказала Средняя, – оставь их. И эта Карта детям не нужна, ведь там только одна дорога, и счастье – только одной формы. Кто сказал, что Карта правильная?

– Значит, – нетерпеливо резюмировала Младшая Голова, – она никому не нужна!

И вслед за её словами когтистая лапа резко ударила по намокшему листку. Тот прогнулся, издав какой-то глухой вздох, но всё-таки остался лежать на поверхности. Тогда лапа ударила по нему ещё раз, потом ещё и ещё. Брызги воды разлетались во все стороны, а лапа все била и била, распрямив свои кожистые пальцы, всей пятернёй, и так до тех пор, пока Карта не развалилась от Драконьих когтей на множество мелких фрагментов. Те быстро намокли, отяжелели и прошлогодним снегом пошли ко дну.

Медленно и долго опускались на дно останки Карты, а Драконьи Головы внимательно следили за этим процессом, да с таким любопытством и изумлением, что даже склонились низ-

ко-низко к поверхности воды, чтобы разглядеть: неужели Карта действительно утонула? Не может быть! Так просто?!

Наконец Старшая тяжело вздохнула, ведь именно она хранила Карту, чтобы все по ней следовали! На глазах у неё навернулись слёзы: «Да что же это такое?! И зачем только силы тратила, и откуда вообще эта бумажка в нашей Семье взялась?» И чтобы вновь не почувствовать того обмана, той злой шутки, которую сыграла с ними жизнь, однажды подкинув в Семью эту одноколейную Карту, Старшая отвернулась и уставилась в окно.

А две другие Головы упрямо продолжали смотреть за погружением.

– Как много маленьких кусочков! – растерянно шептала Младшая.

– И все-все разные, – удивлялась Средняя.

Да, разорванная карта действительно утонула, скрывшись где-то на дне террасы, на дне старого Дома-лабиринта. И даже если кто-нибудь через много лет и нашел бы все её части, то никогда бы не догадался, что это было на самом деле – так... не то старые детские рисунки, не то просто мусор какой.

– Ну вот и всё, – сказали Драконьи Головы и выпрямились.

Убаюканный шумом дождя Дракон вновь погрузился в приятную дремоту, и ему вновь снились дети – они протягивали ему холодную воду в запотевших стаканах.

* * *

Женщина у Финского залива отложила последнюю страницу и, порывшись в раскиданных листах, извлекла самый первый лист – письмо:

«У нас дождь – июль, а лета всё нет, нет летних запахов, нет летнего томления и послеобеденной лени, которая манит растянуться в гамаке, а мокрые плиточные дорожки пахнут осенью и плесенью. Даже буйная растительность, подступившая к старому дому, отчего тот вдруг стал выглядеть заброшенным

и нескладным, не радуется. Мокрая зелень, тяжёлая, зрелая и утратившая свой первоначальный нежно-зелёный цвет, наполнена какими-то чужими, чуть прогорклыми и сырыми, запахами, комарами и потерянною.

Одна надежда, что уже другое поколение, наши “новые” дети, всё возьмут в свои руки, молодые и дерзкие, и, отдавая дань прошлому, построят нечто новое, совершенно иное, неважно даже какое – ведь любая оценка относительна... Главное – своё.

Быть может, они простят нас за нашу категоричность и нетерпимость, за нашу губительную опеку и навязчивое стремление во всём соучаствовать, за наше желание быть сильными и биться до конца, оставаясь по сути слабыми, за наше бесконечное ожидание любви и желание любить и за нашу неспособность любить безусловно. Не знаю – быть может. А простив и сохранив о нас в памяти лишь самое лучшее, они создадут свою новую историю среди старых елей и одичавших яблонь – здесь, на старой земле, хранящей тайны Драконьей Семьи.

И не страшно, что они сметут старый хлам: облупившиеся от дождя скамейки, бестолковые заборы, эти памятники гордыне старшего поколения, сараи, набитые бог знает чем, кровати с сетками и матрацами, старую посуду: чайные чашки в голубой цветочек и фаянсовые корзинки; коробки со старыми письмами, потёртыми шляпами и забытыми игрушками. Они сметут даже дом, святая святых, – весь этот бесконечный лабиринт комнат и комнатусек, переходов и террас, лабиринт сплетённых в один клубок человеческих жизней, наполненных любовью, тревогами, обидами и невысказанными чувствами, генерируемыми и томящимися под этой крышей; они безжалостно сметут всё, что им попадётся под руку. И правильно...

Да, они будут делать свою жизнь и свою историю. И у них, безусловно, будут свои дети, свои друзья и своя память. У них будут свои взгляды – наверное, совсем иные, нам совсем непонятные, и у них будут свои путевые карты, карты к счастью – множество карт с множеством дорог...

P.S. ...каждая из которых приведёт в родной дом.»

Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)

Марина Дмитриевна Зайцева (Гольберг) – поэт, прозаик. Член Союза писателей России, член Содружества писателей г. Варна (Болгария). Автор 35 книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Многократный победитель конкурсов «Лучшая книга года» МГО СПР. Дипломант III Международного конкурса-фестиваля «ОБРАЗ КРЫМА»-19.

Победитель конкурса «Бегущие по волнам» им. А.И. Грина-21. Стихи и проза переведены на болгарский язык, стихи – на непальский.

Живёт в Москве.

РОДИНА И СУДЬБА

МЛЕЧНОСТЬ БЕЛОЙ НОЧИ

Мост... Стрелка...
 И Ростральные колонны...
 И плавно вдаль
 текущая Нева...
 И от дождя блеснит
 проспект
 одноимённый.
 Вдруг –
 распахнулась
 настезь синева!
 Мой Град Небесный –
 мой земной родитель,
 Без спроса в детстве
 разлучили нас.
 Судьба –
 неумолимый повелитель –
 Так беспощадна к нам
 она подчас.
 Как в полусне,
 в тенётах иллюзорных –
 Бездомнее
 болотной камышинки –
 Смущённо
 и потерянно смотрю
 На скверы и мосты.
 Твоих оград узорных
 все щербинки
 Запомню я, –
 прогнозуя на ветру.

Ты, город мой,
 холодный и туманный,
 До боли в сердце –
 милый и желанный.
 Тобой с грустинкой
 тихо восхищаюсь.
 На поле Марсовом
 сиренью
 впрок дышу.
 На Пискарёвке
 перед павшими
 склоняюсь, –
 Не выплакав всех слёз.
 с тобою не прощаюсь.
 Как призрак –
 в тени садов
 незримо растворяюсь...
 И в млечность
 белой ночи ухожу.

САКУРА

Весна в тот год недружная была.
 На острове циклоны загостились.
 И травы на припёках не пробились –
 А сакура отчаянно цвела!

Как будто это деревце капризное
 Бросало вызов медленной весне.
 Холодный дождь насквозь её пронизывал.
 Она – цвела! То было как во сне.

Гудело море в сотни гулких раковин,
 Гремя глухими бубнами камней.
 Светилась на открытом взморье сакура –
 Ветра ломали шапки перед ней!

Ты, жизнь моя, ненастьями щедр.
 Но разве в этом суть твоя весенняя?
 Я сакура! В высокий миг цветения
 Жива – наперекор любым ветрам.

СОЛОВЕЙ И СНЕГОПАД

Среди апрельской снежной замети,
 На замороженных ветвях
 Коленца выводил без памяти
 Соловушка, презревший страх.

Рулады сыпались мажорные –
 От них кружилась голова –
 И трели тонкие, узорные,
 Плелись, как чудо-кружева.

А снег с небес летел неистовый –
 Как долг зиме он отдавал.
 А соловей себе насвистывал –
 И от восторга ликовал!

Напасть не унималась выюжная.
 По всей округе снег белел.
 А соловей, как в утро южное,
 Подружку призывая, пел.

Храбрец!
 От ветра весь взъерошенный,
 Он видеть не хотел в упор
 К его любви препон непрощенный –
 Ненастьям всем наперекор.

МАЙ

С нарисованным солнцем
 На синем холсте
 Май однажды проснётся
 В нагой простоте.

И раскрасит зелёным
 И кусты, и траву,
 Листья высветлит клёнам
 И церквушке главу.

Птиц рассадит, где хочет –
 Пусть поют там и сям!
 Ветерком захлопочет
 По лугам и лесам,

Потрясёт мокрой кистью –
 Ливень хлынет с небес!
 С нерассказанной мыслью,
 Без ненужных словес,

И неспешно, не всеу –
 Вдохновенным творцом –
 Он людей нарисует
 С просветлённым лицом.

УЛИЦА ДЕТСТВА

...Я птенцовую интуицию,
 Подсознание малька включу –
 Гибкой рыбою, ловкой птицею
 В детства край поплыву-полечу.

Не имея миграции практики,
 Ни магнитных путей в виду –
 Я сомнамбулой, я лунатиком
 Путь кратчайший туда найду.

Не по лимбу педанта-компаса –
По наитию детских лет –
Мне родная дорога вспомнится.
Так зверёныши помнят след.

Вот от солнышка жмурится улица,
На траве-мураве – роса.
Стрелки в недоумении крутятся
И слетают с осей полюса!

СТАРОЕ ФОТО ИЗ АЛЬБОМА

Счастливая девочка-эхо,
Ты – память моя обо мне –
Из детства с серебряным смехом
Босою бежишь по стерне.

Совсем на меня не похожа,
Бесстрастны – не врут зеркала...
Но, девочка-эхо, я всё же
Тобою когда-то была!

Потрескалось старое фото,
Нечёткий и выцветший год...
Но кроме меня разве кто-то
Прочтёт этот памятный код?!

В полвека миную преграду,
Ты, смехом беззвучным звеня,
По лугу июльскому к Ваду
Бежишь. Сердце колет стерня.

* * *

...И рассвет встанет в росах.
Со ступенек сойду,
Я возьму в руку посох –
По Руси побреду.

И в тенистом овражке,
Средь лещин поутру,
Я водицы во фляжке
Ключевой наберу.

Птичье разноголосье...
Пчёл семейство жужжит...
А во ржи – меж колосьев –
Тропка вьётся-бежит.

Храм на взгорке пологом
Светлый – в дымке парит.
И душа моя с Богом
Там без слов говорит.

* * *

Блѣклый августа лист
в зеленеющей кроне –
Как внезапный мазок седины
в шевелюре.
И от знойных небес
взгляд прикрывши ладонью,
Круг спасательный облака
ловишь в лазури.
Где-то варится лава
грядущих ненастий...
Но сквозят в тишине
безмятежно стрижи.

Яркий солнечный блик –
 тёплым символом счастья –
 На руке твоей смуглой лежит.
 Ветерок пробежит невесомо
 по кронам,
 Всколыхнётся чуть слышно
 лесной океан.
 Но однажды заметишь:
 в распадке за домом
 Утром серым котом затаился туман.

МЕТРОНОМ МОЕЙ ЖИЗНИ

*Едва я появилась на свет,
как сразу застучал
метроном моей жизни –
в такт моему сердцу.*

У леса густо жимолость росла,
Морошка созревала на болоте.
Над детством я восторженно плыла –
Как стрекоза на бреющем полёте.

Всё в неслучайном бытии моём
Прекрасно, и загадочно, и странно.
И с этих пор мне жизни метроном
Отстукивает такты непрестанно.

Я межсезонья время не люблю –
С её вселенским сырм обнаженьем.
Тепло сползает медленно к нулю
Страшит ненастий зимних приближеньем.

Но беды мой не потревожат дом –
Пока стучит в нём чётко метроном.

* * *

Наша жизнь с рождения – суета,
Пустотой порожней занята:
Места ли под солнцем, славы, денег –
Поиск с колыбели до креста.

К этому фортуна льнёт сама.
А того – сума или тюрьма
Измытарит и, отняв надежды,
Сводит то в могилу, то с ума.

Но порой, случается, везёт:
Беды стороною пронесёт.
Ведь судьба слепа, как суд присяжных, —
Иль приговорит, или спасёт.

Каждому назначен свой удел.
И получит каждый, что хотел.
Непременно всё сполна получит –
Но по рангу совершенных дел.

И ночами душу теребя,
Совесьть за грехи сочтёт с тебя, –
Что творил ты вольно иль невольно,
Жизнь, как поле минное, пройдя.

РОДИНА И СУДЬБА

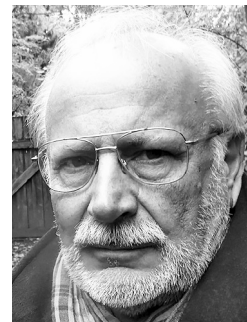
Снова на закат склонилось лето.
Позже загорается восток.
Осени извечная примета –
Золотом подёрнутый листок.

Родина! В любое время года
Ты моей бездомности приют.
Под высокой крышей небосвода,
Словно в храме, ласточки снуют.

На исходе лета, на пороге
Зрелости стою, как ось земли.
Родины, судьбы моей дороги
Так сплелись – попробуй, раздели!

Лето отзвенит зелёным смехом.
И от птичьих крыл растает шум.
Всё в стихи вернётся звонким эхом, –
Что порой осенней напишу.

Владимир КУНИЦЫН

Владимир Георгиевич Кунитцын – прозаик, критик. Родился в Тамбове в 1948 году. Окончил философский факультет и аспирантуру МГУ в 1975 году. Автор более двухсот публикаций в центральных газетах, журналах, сборниках, четырёх книг. Член Союза писателей СССР с 1983 года. Работал на «Мосфильме», во ВНИИ теории и истории кино, в литературных журналах, обозревателем в «Литературной газете». Пять лет вёл авторские передачи в эфире радио «Маяк». Работал на «Первом канале» (главным продюсером «Доброго утра», заместителем директора утреннего вещания канала), на канале «НТВ» – продюсером просветительских и научно-популярных программ, на ВГТРК – в Дирекции главных продюсеров, зав. отделом. Лауреат нескольких литературных премий и наград, в том числе лауреат «Литературной газеты» (1986), лауреат журнала «Москва» (2019), финалист премии В.М. Шукшина в 2023 году.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

Из книги «Остановка по желанию»

ДЕД

– Мой дед ещё та канашка! Может, я слишком мягко выражаюсь даже. Бабушка о нём больше сказала бы, да просто со временем притомилась это делать, поскольку дед бросил её лет пятьдесят назад, когда моей маменьке стукнуло ровно два с небольшим года.

Я часто о нём думаю, потому что мне кажется, уж не в него ли, деда этого, о котором с детства столько наслушался негатива, я пошёл? Я сам уже успел бросить четырёх подружек «дней моих суровых», правда, слава богу, без детей, но мне всего двадцать два, и подводить итоги, как чувствую я фонащими нервами – рановато!

Зовут его Валентин Максимович Заботкин, по первой профессии, когда он и охмурил мою бабушку Веру, – геолог-разведчик. Потом уже кем только не был! Точно никто не знает, потому что всем врёт как сивый мерин! Говорит, что и в вооружённой охране потрудился – возил в 90-х по России чёрный нал в прикованном к запястью чемоданчике. Говорит, сам стрелял, и в него тоже «шмаляли» – показывал шрам на пузе, мол, вот дырка от злодейской пули. Мне тогда лет пять было, когда он объявился в моей жизни и начал рассказывать о себе. Я был тогда полным и круглейшим дураком. Дед этим сполна попользовался, если всё вытряхнуть, о чём он наклепал! Я даже во сне кое-что видел из им рассказанного. Например, как он, якобы, на двух пальцах висел по над пропастью в горах, где искал алмазы на вершинах этих самых гор. Убеждал, что инопланетный разум посыпает алмазами земные горы, как сахаром, и если рассчитать маршрут полётов их кораблей, а также траекторию снижения, то можно вычислить, где в горах данные алмазные россыпи. Я верил. Снилось, что тоже вишу на двух пальцах, рядом. А дед говорит:

«Ничего, Филиппок, сейчас съедим по бутерброду с колбасой, глотнём горячего чайку из термоса, и айда дальше, на верхотуру, к нашим алмазам!»

Про горы ещё помню: как он отморозил зубы об ледяное мясо. Это когда его в горах засыпало на пять дней снегом. Пока его искали, он грыз кусок мяса. А когда спустили с горы, передние зубы у него сделались красными! Говорил, что сжёг зубные нервы, и отогревшаяся кровь заполнила зубы, как рюмки. Жалко, что проверить не удалось – дед постучал ногтями по передним, очень уж белым зубам, и сообщил: «Фарфор!» Типа, пришлось вставить вместо своих, удалённых красных. Мне тогда даже показалось, что он сожалеет о замене красных на белые, потому что очевидно ими гордился.

Когда я засомневался, как это на двух пальцах столько на скале висеть, дед обиженно спросил: «Хочешь, на одном пальце стойку сделаю? Выбирай палец!» Я, конечно, сказал: «Хочу! Давай на указательном!». Он обиделся ещё сильнее и вдруг жалобно так, как будто сейчас разрыдается, спросил: «Не веришь, значит?..» Я сказал: «Верю!» Что-то жалко его стало, как сейчас помню. Тип ещё тот, мой дед, я же говорю.

Лет до десяти ему верил без сомнений. Критичной каплей стала история про знаменитого путешественника Фёдора Конюхова. Однажды дед приехал к нам с мамой в гости, с загорелым лицом, всунутым в серебряную бороду (успел отпустить, пока не виделись пару лет), и повёл меня гулять в парк. Там на скамейке у пруда и поведал свою очередную одиссею. Будто осуществлял за время отсутствия свою главную мечту жизни – кругосветное путешествие. Вместе с Конюховым, но инкогнито. Будто ночью пробрался на его лодку, спрятался в трюме с едой, а когда наутро Фёдор Конюхов – под телекамеры – отчалил от берега в сторону океана и уже довольно отгрёб от берега – вылез наружу. Фёдор шуметь не стал, срывать путешествие, спонсоров подводить, а молча уступил деду левое весло. Помню, я ещё подумал про Конюхова, что он, может, хороший мужик!

А ещё дед Валентин сказал, что подбил Фёдора посетить все знаменитые океанические и морские острова: Канары там, Сей-

шелы и Ямайку, Фиджи и Бора-Бора, а также Мальдивы, Гавайи и непременно – Галапагосские острова! Всё равно крутиться по океанам, так давай, мол, с удовольствием! И про ночное небо над океаном расписал, как они с Фёдором лежали на корме, заложив руки за голову, а над ними плыли огромные звёзды, смотрели из бесконечности на них, на их дрейфующую посудину, и дружелюбно и таинственно моргали, как живые глаза...

Потом дед сам попросился сойти на давно вожделенном Кабо-Верде, чтобы не мешать Фёдору поплавать в серьёзном одиночестве, завершить свою кругосветку, как и полагается. А в конце своего рассказа, дед показал мне ладони, а на них твёрдые, как кость, мозоли: «Видишь? Привет от левого весла Конюхова!»

Разумеется, захлёбываясь, я рассказал всё это сначала бабе Вере, а потом и своей маме Любе. Баба Вера долго и тяжело молчала, потом подняла глаза и молвила: «Всё тебе твой дед набрехал. Всё от корки до корки. Не верь ему никогда, внучек, если хочешь правильно жить. Понял? Он меня обманул, сейчас за тебя взялся, мозг тебе портит.»

Мама Люба не была столь категорична, как баба Вера. Она послушала, послушала меня и проговорила: «А почему сразу нет? Может быть, может быть. А может быть и не совсем...»

Я стал сомневаться в правдивости деда. В следующий раз, когда мне уже исполнилось пятнадцать, я принципиально спросил Валентина Максимовича Заботкина, моего деда по маме – почему он бросил всё же бабу Веру, а выходит, и дочь свою Любу, и меня?

– А потому, Филиппок, что она не баба Вера, а Казимира Павсикакиевна Червонная! И больше я тебе ничего не скажу, пока ты сам не раскумекаешь!

Вот так загадочно он мне ответил тогда. Я даже по сю пору не всё понял в его загадке. Хотя иногда мне и самому кажется, что баба Вера – скорее Казимира, чем Вера!

Баба Вера, как и дед, – геолог. Они и сошлись в экспедиции, ещё в институте. Только дед прикипел к разведке, не вылезал из палатки, а Вера сходила разок, на свою беду именно с дедом, и

осела в кабинете, за расчётами, анализами, научными выводами и плёнками. Давным-давно доктор наук, профессор, учебник даже накатала, какое-то открытие запатентовала: по новому способу поиска полезных ископаемых. Так продвинулась, что, когда в России грянул капитализм, к её услугам и консультациям стали прибегать даже олигархи. Они же далеко не равнодушны к несметным богатствам наших недр, это каждый младенец в России скажет.

Дед использовал и данный факт, говорил, что бабе Вере – когда она сломала в Якутии шейку бедра – один благодарный олигарх вставил за свои деньги самый дорогой титановый протез. Чтобы навечно! Дед сказал, Вера оступилась и упала в кимберлитовую трубку, из которой добывают алмазы. А её глубина, между прочим, поболее пятисот метров. Ну, конечно, до дна баба Вера не добралась, весело сокрушался дед, но падая, схватилась за камень, и им оказался самый большой в истории России алмаз в 342 с половиной карата! Его позже называли: «26 съезд КПСС». Разумеется, я понятия не имел, что значит – 26 съезд КПСС. Слишком я поздно осознал, как ловко дед путал исторические эпохи, героев и даты, подгоняя без всяких моральных колебаний всё – в угоду своему знаменателю.

– Представляешь, какая везучая у тебя бабка?! – покатылся дед, сверкая своими фарфоровыми, как у американской кинозвезды, зубами. – А ты знаешь, почему эту глубокую дырку в земле, откуда мы вытаскиваем теперь алмазы, прозвали «трубкой»?

Я, разумеется, не знал, и к тому же не очухался ещё от свежей информации о Вериных приключениях в Якутии. Она ведь, правда, там бывала.

– Они шифровку такую в Кремль по рации отправили, чтобы враги СССР не дотумкали, что случилось: «Закурили трубку мира, табак отличный. Авдеенко, Елагина, Хабардин. 13 июня 1955 г.» Понял? Вот тебе и трубка «Мир»! Ты учи историю, Филиппок, учи, может пригодиться! Я тут тебе фамилии геологов перечислил, которые сильно перед страной отличились. Запомни их. Эта кимберлитовая трубка своими алмазами нас

давно подкармливает! Особо тех, кто к ней ближе остальных. Запоминай, внучек, мудрости дедушки, пока он жив. Не представляю, кто тебя, Филиппок, духовно окормлять сдюжит, когда я сосновой доской накроюсь... – всё это дед говорит плаксивым, гнусявым, нарочито старческим голосом, и ещё начинает трястись, натурально как дряхлый старик.

Мне кажется, мама его любит. Она давно его простила, в отличие от бабы Веры. Бабушка замуж после деда не вышла, хотя вокруг неё поначалу много мужиков крутилось. Вера, когда её дед Валентин охмурил, была, если верить чёрно-белым фотографиям, просто писаная красавица. В ней и кровь не простая – она на половину мадьярка, на треть казашка, а всё остальное – русско-татарская смесь монгольского ига и Куликова поля.

Вот со всей этой горючей смесью в крови баба Вера и вцепилась в науку! А деда (предателя!) терпит только из-за мамы и меня, считая нас глупыми дурачками, которых дед водит за нос своими дезами!

Когда маму Любу бросил мой отец Сергей (мне исполнилось как раз два с половиной года), и тут же смылся в Америку с богатенькой англичанкой, по общему мнению, (включая дедово), страшную, как колхозная лошадь на водокачке – Вера объявила приговор: «Это карма!» Я это популярное словцо в речах Веры наконец как-то погуглил, и озадачился. Такого ещё не хватало!

При нашей очередной встрече дед сказал, что «кармой» баба Вера лично его величает. «Не бойсь, Филиппок! Эта карма у твоей бабки в её научной голове! Она на мужчин, как мы с тобой, не распространяется, зуб даю! Смотри, видишь какой я гоголь-моголь? Нет, ты глянь ещё и в профиль!»

Да, я понимал, что дед неотразим! Непонятно, почему, но – неотразим! Сама Вера на него попала! А я-то знаю, какая в Вере воля! Она ею, как оглоблей, «любую соплю», по словам деда, перешибёт! Она тут в академики нацелилась, и все только ждут – когда, а то, что станет, никто не засомневался, даже дед Валентин. Он просто кивнул молча головой, в смысле, будет-будет...

...На данном месте запись Филиппа обрывалась. Лет пять назад, непонятно с какого перепуга, он её начал, и с какого пере-

пуга так же забросил. Странно, что объявились эти листочки сейчас, накануне похорон.

Весть о смерти деда Валентина поразила меньше, чем рассказ о том, как она случилась. Деда нашли на платформе пригородных поездов, на скамеечке под навесом. Нашли утром. Он просидел на этой скамеечке всю ночь, поскольку умер раньше прихода последней электрички. А значит, мимо него, уже неживого, шли домой люди, и, конечно, никто не обращал внимания, – чего это дед тут какой-то в уголке сидит, прижавшись виском к бетонной стеночке?

Да и утром, как представил себе Филипп, обратили на него внимание, наверное, только потому что ночью прошла над посёлком первая метель, и снег припорошил деду седые кудри, и припорошил холодное уже лицо, и этот не растаявший на лице снег бросился кому-то в глаза, и этот кто-то замер над ним, и всё понял.

Когда прощались, баба Вера так вцепилась в стенку гроба, что Филиппу почудилось, будто она хочет выкинуть деда из домовины, потому что опасно сдвинула её к самому краю, но тут же сообразил, что Вера схватилась за гроб, чтобы не упасть. Ей подсунули табуретку, и она отсиделась.

Похороны деда открыли Филиппу глаза на кое-какие тёмные пятна в его жизни. Во-первых, выяснилось, что он куковал последние годы в совершенном одиночестве, и все его пышные сказки про кровавые разборки за его «руку» – между неисчислимыми поклонницами – очередная тюлька.

Во-вторых, на похоронах видели якобы заплаканного Фёдора Конюхова, который так и не зашёл в зал прощания, а оставил цветы в холле у портрета.

В-третьих, для бабы Веры и всей дружной семейки оказались полной неожиданностью откуда-то появившиеся атласные подушечки с орденами деда Валентина, среди которых Филипп разглядел и один боевой. К тому же на панихиду пришло немало серьёзных, молчаливых людей. Один из них заявил, что Валентин Максимович Заботкин причастен к обнаружению в одной из зарубежных стран месторождения, которое в скором

времени – по прогнозам специалистов – может сдвинуть геополитическую ситуацию в мире. И эта ситуация, коли прогноз оправдается, чрезвычайно благотворна для России.

На седьмой день после похорон Филипп и мама Люба приехали к деду на дачу. Постояли на платформе у скамейки, с которой дед отправился напрямик к богу, рассказывать, что и как понял в жизни. Положили в угол, где он умер, цветы.

На даче, в верхнем ящике письменного стола, Филипп обнаружил сильно истрёпанный блокнотик своего первого и последнего в жизни дневника, который вёл он так долго – полных восемь, но не знакомых друг с другом дней. Филипп давно перестал его искать, ещё до того, как пошёл в школу. Оказывается, это дед умыкнул дневник, и пролежал он, получается, прямо под рукой у него – столько лет!

На первой же странице Филипп увидел на полях комментарии, сделанные каллиграфическим почерком, как у князя Мышкина из романа «Идиот» Достоевского. Никогда у Филиппа не было и не могло быть такого почерка! Потому что дед учился чистописанию чернильным пером, умел менять нажим ручки, доводить линию до тонкости человеческого волоса и держать высоту букв, как по линейке! А Филипп уже к шестнадцати практически разучился «шрайбить» рукой, потому что рано пересел к компьютерной «клаве». И вот только почему-то про деда – криво исписал те несколько страниц на бумаге, которые так внезапно объявились накануне. Может, потому что часто думал о нём, вспоминал встречи, глаза деда, особенно, когда он Филиппу врал, как потом непременно выяснялось. Теперь ещё и этот детский дневник!

Первая запись сообщала: «Начал вести дневник. Сегодня мыслей нет».

Рядом красовался коммент от деда: *«Чтоб я сдох – большой стиль!!!»*

Филипп листнул пропажу дальше и опять наткнулся на сентенцию деда. Тот, похоже, ловил кайф. У Филиппа было: «Ущипнул бабу Веру за попу. Был скандал» Дед приписал: *«Моя кровь! И со мной шумела! Как резаная!»...*

Филипп посмотрел поверх стола деда, через морозный узор на стекле, в сад. Там под яблоней, опустив голову, стояла мать. Было кругом светло от первого снега, и как-то щемяще пусто и голо. Все уже съехали из посёлка в город. «Как же он жил здесь один?» – подумал Филипп.

Мать тронула ствол яблони, неожиданно сильно качнула его. На неё красиво опустилось, как рассыпавшийся алмаз, снежное облако. Она подставила ему лицо.

«О чём сейчас думает? О нём, о себе?» – пытался представить Филипп.

Сам вспомнил, как дед звонил однажды глубокой ночью, из Тюмени, в дым подкумаренный. И, конечно, кривлялся: «Внучичек, это твой дедушка звонит! Не спишь, Филиппок? Выручай дедушку – закажи нам с достойнейшими друзьями, Филиппок, водочки! Тут по ночам не торгуют, только, внучечек, через глобальную сеть и на дом, с доставкой. Пиши адресок, телефончик – Вася, какой номер, диктуй! – записал, внучок?..» В трубке хмельное веселье, гам, мужские и женские голоса, смех. Женщины, похоже, молодые. – Внучек, дядя Вася говорит, четырёх литров хорошей водочки нам до утра будет враз! Ты слышишь, что дядя Вася кричит?»

Он слышал, что кричит неизвестный дядя Вася из Тюмени. Дядя Вася кричал – «Айда к нам, Филиппок! Высылаю самолёт! Валентин, убеди его!»

Филипп заказал через инет – в самом лучшем сетевом магазине Тюмени, самой дорогой водки четыре литровых фуфыря, и через час получил на телефон эсэмэску от деда, с ошибками, но растроганную. Тут же пришло сообщение и с незнакомого номера. От дяди Васи: «Спасибо, сынок! Звони, не чванься, всё решу!»

...Мать вошла в комнату, приникла к Филиппу сзади, прижалась холодной щекой, чувствуя молодую его, пока не жёсткую щетину. Сказала почти в ухо: «Если будет у тебя девочка, назови Валентиной. А если мальчишка – Валентином»

Он кивнул. И поразился в эту секунду тому, что думал о том же, когда смотрел на мать, стоящую одиноко в белом саду под яблоней.

МАЛЕНЬКИЙ СТЫД

Долго не решался рассказать об этом. Да и случай, на первый взгляд, простой, были стыдобушки позабористей! Но вот почему-то этот маленький стыд не уходит, подкидывается памятью столько лет, к месту и не к месту, и даже снится иногда, но как-то странно всегда улетает, как бумажный самолетик, в побочные дверки, коридорчики, щели за шкафами и растворяется в ассоциациях и вариантах, как лейтмотив в музыкальной импровизации.

А было, собственно, так. Я впервые появился гоголем в родной Тамбов после семейного переезда в Москву, где отец пустил карьерные корни. Не тринадцатилетним щенком, каким уезжал, а матерым москалём, успевшим бурно пережить несколько премьер только что открывшегося Театра на Таганке и бешеные ажитации вокруг начальных международных кинофестивалей 1961, 1963 и 1965 годов! Событие для Москвы – сопоставимое с VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов в 1957-м, приятно оглушившим СССР, как ласковой дубиной, – после ядерной-то зимы сталинского культа, если выражаться языком плаката!

К этому же списку выдающихся событий в моей столичной жизни стоит прибавить и то, что я впервые наблюдал салюты на Ленинских горах (ныне – опять Воробьевых), прямо от пушек, стоявших вблизи смотровой площадки. Праздничные пушки грозно рывкали в сторону Лужников, и однажды опалённая картонная полусфера от разорвавшегося над головой шара, похожая на сванскую шапочку, упала с глухим стуком на асфальт рядом с моей ногой. И я первый сцапал её в руки! Другие зеваки, конечно, стали за неё, ещё горячую, хвататься завистливыми пальцами, словно это золотой слиток удачи, шмякнувшийся с самого неба. Да ведь, может, так оно и было? Впрочем, меня занесло.

Итак, мама перед отъездом строго наказала навестить в Тамбове Екатерину Акимовну, передать ей подарок («вот свёрток!»), а также неразглашённую денежную сумму в заклеенном почтовом конверте. Заклеенном не по причине недоверия ко

мне, легкомысленному первокурснику, а поскольку «так полагается» по приличиям, принятым среди культурмультурных персон.

Я и без маминых напоминаний разыскал бы свою любимую нянечку Екатерину Акимовну! Вот она и была моей личной, как у самого Пушкина, Ариной Родионовной! Потому что с младых лет, пока мама моя, учительница русского и литературы, систематически потчевала знаниями чужих детей, дабы выкормить меня, а затем ещё двух моих младших братьев, – Екатерина Акимовна потчевала меня: сказками того же Пушкина, огромными книжечками с картинками, собственными правдами и выдумками, а также народными преданиями и суевериями, от которых, особенно на ночь, стыла в жилах кровь и перебегали по всему телу сладкие пупырчатые мурашки!

Я считал её своей родной бабушкой настолько крепко, что когда неожиданно приехала из Сибири в Тамбов папина мама, моя настоящая бабушка Пелагея Ефремовна, в девичестве Попова, а не Куницына, – я не принял её категорически!

Настоящая бабушка Пелагея Ефремовна – высокая, статная, с прямым пробором совершенно не седых, как у Екатерины Акимовны, а тёмных волос, в подвязанном под твёрдым подбородком платке – полюбила сидеть на кухне и наблюдать за тем, как хлопочут у плиты и стола мама и моя нянечка. Сидела молча, как мне казалось – строго, я даже запомнил тёмно-коричневый цвет её шерстяной кофты, чёрную длинную, почти до пола, юбку с глубоким и таинственным карманом.

Однажды она подозвала меня к себе, долго-долго-долго опускала руку в этот свой бесконечно глубокий карман и наконец извлекла из него, с самого его доньшка, жёлтый квадрат чайного печенья. И протянула как бы не даря, а делясь, на что я тут же отбежал за дверь. А потом осторожно выглянул в щелочку – что она делает? Не гневится ли? Однако ничего не произошло, и даже ничего не заметила мама, только Екатерина Акимовна, улыбаясь, покачала головой, но по-доброму, как всё, что она делала. Я имею в виду «всё» – в могучем диапазоне философического смысла.

Право, трудно сказать, за что может полюбить маленький мальчик старую чужую женщину, чтобы ещё и благодарно вспоминать её всю жизнь? Уж больно далеко они отстоят друг от друга во всех измерениях. И тем не менее факт любви налицо. И он даже теснит пресловутое представление о «зове крови», который я совсем не ощущал в себе, исподтишка наблюдая, как молчит моя родная бабушка, в глубокой задумчивости поправляя на голове платок.

Мама, конечно, не помнила тамбовского адреса Екатерины Акимовны, как вообще не запоминала деталей, зорко при том контролируя главное движение бытия. И посему сказала: улица Кронштадтская, а адрес подскажут в церкви.

Я помнил Кронштадтскую улицу, почти что деревенскую, наверное, древнюю. Я даже помнил её ещё без асфальта, в волнистых, перепутанных колеях от телег, с золотистыми островками конского навоза, с тенистыми деревьями вдоль домов, отделяющими тротуары от проезжей части, низкими деревянными домами, заборами, посеребрившими от дождей воротами, тишиной, зноом. Няня водила меня к себе один-два раза; я знал, что к ней надо спускаться по ступеням в полуподвал: там была её маленькая, как келья, комната, и рядом, и наверху над ней жили люди, целыми семьями, а сколько – бог знает.

Но дебютный день в Тамбове пролетел в стиле миссисипского джаза! Первым, кого я увидел из окна остановившегося вагона, был друг моего тамбовского детства Вова Масеев. Он стоял, картинно опираясь на новенький мопед, и это тогда было также круто, как если бы он сегодня встречал меня на «мерсе»! Что сулил этот потрясающий факт? Только одно: нас ждут впереди непредсказуемые приключения!

Мы сели на Вовин мопед и понеслись с ветерком прямо в сосновый Пригородный лес, в пионерский лагерь, где только что закончилась смена, одни дети разъехались, а другие ещё не заехали, и весь лагерь был отдан на растерзание пионервожатым, среди лучшей половины которых у Вовы были не просто знакомые девчонки, а как он выразился ещё на привокзальной площади, «роскошные белые лошадки разврата».

По прибытии на место я вдруг осознал всю фантазийную пикантность происходящего: это был тот самый пионерлагерь, где я провёл однажды всё лето, отбарабанил две смены подряд. Тот самый лагерь, перед которым я побрил наголо голову, а потом тайно натирал её через день кубиком сливочного масла из столовой в тщетной надежде укрепить корни жиденьких волос. Натирал, пока кто-то наконец не выдержал и не заорал, привлекая всеобщее внимание: от кого это не пойми чем пахнет?!

К тому же это был лагерь, из которого я пытался неудачно сбежать, и ещё – именно в этом лагере случилась во вторую смену самая страшная гроза в моей жизни: в ту грозу шаровой молнией убило девочку из соседнего отряда и притянуло, как магнитом, к железной кровати заiku Павлика Нечаева. Он от страха спрятался под неё, а гроза со всей злобной дури, как адский снаряд, влетела в электрические пробки нашего корпуса! Павлика извлекли наверх – он был фиолетового цвета, ему сделали искусственное дыхание, привели нашатырём в сознание, а в помещении почему-то глобально заблагоухало протухшими яйцами.

Вот куда привёз меня Вова Масеев, не подозревая плохого и надеясь только на хорошее. Пока я предавался трогательным детским воспоминаниям, он деловито доставал из мопеда упитанные бутылки с кубинским ромом и портвейном, заботливо обернутые в его синие треники, как тогда называли спортивные штаны одинакового для всех фасона и цвета. «Огнетушители», или «фугасы», как опять же в те счастливые годы ограниченного ассортимента прозывали крупную стеклотару, походили при этом на грудничков в ожидании кормления.

Да, груба ты, жизнь, в изысцестве своём! После довольно-таки быстрого перехода от просто тупых танцев к танцам «грязным», отдающим удушливым кубинским ромом, вожатые пионеров, покорно ведомые другими вожатыми, а также отборные пришлые гости разбрелись попарно по всей территории лагеря, занимая по ходу движения огромные в своей ночной пустоте палаты. По целой палате на двоих! Никогда более не пережитая роскошь спальных пространств! Я суеверно провёл шаткую

спутницу мимо своего бывшего корпуса, боясь смешать несоместимое.

Мы проговорили с красивой девочкой до утра, оба желая и оба боясь близости, а когда за окном, прожигая насквозь сосны, полыхнул солнечный меч и воткнулся прямо между наших постелей, мы с каким-то радостным облегчением бросились к Цне, прыгнули с песчаного косогора, затормозив пятками у самой воды, и только тут сообразили, что не в чем нам идти в воду, и принялись покатываться со смеху, как будто только этого и ждали всё время – вот этого глупого смеха на берегу реки, у которой прошло наше общее с этой девочкой детство...

Масеев, встрёпанный и недовольный, завел мопед, с досадой махнул рукой на мой интимный вопрос, и мы несолоно хлебавши покатили в Тамбов. Джаз волшебной от самих ожиданий ночи отлетал назад, путался в клубах густой черноземной пыли, его относил к реке, и река подхватила его угасающие такты и спрятала их навсегда. Для себя, а может, и для Миссисипи – кто знает эти реки?

Мы заехали на Кронштадтскую улицу со стороны Базарной, так, как я впервые с няней сюда и пришёл в глубоком детстве. Мне казалось, что я вспомню дом сам. Но не тут-то было: улица пряталась сама в себе, пряталась хитренькой похожестью домов. И мы проехали её всю, прямо к Покровскому собору на Кронштадтской площади. Он как бы венчал улицу, но и город тоже: собор стоял на высоком берегу и был далеко виден тем, кто подъезжал к Тамбову с юго-западной стороны. Это был единственный на весь город храм, возобновивший постоянное служение с 1943 года. Именно здесь собиралась крестить меня Екатерина Акимовна в 1953 году, тогда же появился на свет средний брат Михаил, и нянечка уговаривала маму крестить сразу обоих, но маму остановил страх погубить карьеру партийного отца.

В Покровском соборе, куда я зашел один, стоял полуденный тихий сумрак; первая же женщина радостно поняла, о ком я спрашиваю, и не просто назвала адрес, а вызвалась проводить нас до дома Екатерины Акимовны. Из её рассказа по дороге я

узнал, что милая моя бабушка совсем слепа, едва слышит. Что в церковь её на службу сопровождают специально, что она тут, в храме, опекаема самым батюшкой и что люди многие её чтут как почти что святую – за духовную радость от общения с ней.

Я спустился в прохладу полуподвала и безошибочно угадал, где её дверь. Дверь отворилась, нянечка стояла передо мной, маленькая, совершенно белая, и было сразу понятно, что она не видит меня, – но лицо её мало изменилось для меня. Я и раньше видел в нём только ее доброту. Она и сейчас, не поняв еще, кто пришёл, всем обликом выражала доброжелательный интерес и приветливость. Я назвался. Она всплеснула руками, вся озарилась, протянула вперед руки, я подставил ей лицо, голову, и она с такою радостью стала меня оглаживать, причитая: «Вовочка! Вовочка! Вовочка!», что я чуть не расплакался, как в младенчестве, совершенно сокрушенный её ничуть не ослабевшей ко мне любовью.

В крошечной комнате было идеально чисто и опрятно. Сказывалась опека батюшки. Стояла аккуратно застеленная кровать, маленький стол под светлой скатертью и вещевой комод с иконами на нём и лампадкой – что ещё требуется для приготовления себя к вечной жизни?

На всё это в окошко рассеянно смотрел день. Окно было вровень с тротуаром, и в него могла заглянуть путешествующая по улице собака, гуляющая кошка, мог ещё заглянуть любопытный ребёнок. Взрослому человеку окно было неинтересно, потому что пришлось бы вставать на колени, чтобы разглядеть того, кто живёт тут, почти под землёй. Сам я видел отсюда, из подвального окна, половину колеса масеевского мопеда, прислонённого к стене дома, шатающиеся туда-сюда его бордовые китайские кеды с белыми резиновыми кружочками по бокам.

Няня стояла передо мной, смотрела поверх невидящими, дымчатыми глазами. Маленькая, с какой-то удивительно светлой от седины головой. Спрашивала и спрашивала обо всём, а когда речь зашла о младших братьях, протянула к моей голове руку, погладила её и сказала: «У тебя самые мягкие волосы, Вовочка. Я всех помню!»

Потом няня начала рассказывать о своей жизни, о церковных заботах, подробно, обстоятельно... А я начал думать о том, что уже злится Масеев за окном – давно заметил, как нетерпеливо дрыгал Вова ногой и даже пытался пнуть колесо мопеда. Да и самому мне, что скрывать, как-то заскучалось от бабушкиных, таких далёких от меня новостей. Масеев по дороге предложил заехать в баню, и я сейчас вспомнил об этом и затомился ещё сильнее.

Сообразив, что нянечка не видит меня, я осторожненько встал со стула, ловко обошел её, продолжающую говорить так же, как до того. На цыпочках сделал два шага к окну и посмотрел в него вверх, на улицу, как в перископ подводной лодки – тут же за стеклом возникло неестественно большое, гримасничающее лицо Вовы, который чиркнул ладонью себя по горлу и закатил глаза, изображая святого Себастьяна.

От неожиданности я отпрянул и оглянулся: няня стояла спиной ко мне, на том же месте, что-то говорила моему пустому стулу. На какую-то долю секунды это даже показалось смешным. На сотую секунды мне это было всё же смешно, да, я это точно помню! Но следом меня сразу же словно обварило, окатило кипятком! Будто сам Георгий проткнул сердце раскалённым добела копьём, проткнул, как последнего гнусного змия! Ещё и провернул копьё!

Какой стыд испытал я тогда, когда увидел всю эту картину со стороны!

Обмирая и не дыша, пробрался я мимо слепой нянечки обратно на позорный стул и с облегчением возликовал, что бабушка – слава богу! – не заметила моего отсутствия. Наверное, по этой причине, что не заметила она ничего, как-то быстро испарился и мой стыд. Мы ещё не доехали с Масеевым до бани, как он испарился совсем. Так мне казалось тогда.

И вот однажды, спустя много лет, он вернулся. Я думаю, вернулся во многом из-за «картинки». Не всякий же стыд может похвастаться такой яркой, образной, завершённой по смыслу картинкой. И этот, в общем-то, маленький стыд стал вновь себя предъявлять, когда и бабушки давно уже нет на свете, и сам я

оброс таким количеством более свежих и увесистых стыдоб, что даже удивительны его претензии на исключительность!

Но я вижу опять – этот пустой стул и согбенную над ним, как вопрос без ответа, спину моей любимой нянечки. Вижу всегда так, как было – от окна.

Она потеряла мужа в Гражданскую, потеряла своего штабс-капитана Сычёва почти сразу после свадьбы, красивого и навсегда молодого офицера, белую дворянскую русскую косточку. И не искала другого. Никогда. Бежала ещё в двадцатом из Саратова в Тамбов, прячась от классовой справедливости... Его фотокарточку она и показала мне как главную тайну своей жизни! И не буду лукавить – смутила мое советское сознание.

Вероятно, я усложняю задним числом смысл моего маленького и надоедливого стыда. Но что с этим поделать? Вина растёт вместе с душой.

Что-то дорогое она говорила тогда, сокровенное для себя. Может, хотела, чтоб я запомнил и понял что-то важное. А я – проморгал, пропустил её последние слова, обращенные ко мне, мальчику, которого она любила.

Марина НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – поэт. Родилась 24 июня 1984 года в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 году, «юриспруденция» – в 2012 году. Автор книг «Волны ржи» (2007 г.) и «Малиновый звон» (2012 г.). С 2009 года – член Московской городской организации Союза писателей России. Печаталась в журналах «Смена», «Российский колокол», «Великоросс», газете «Московский литератор». Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008–2011 гг.». Награждена дипломами имени С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, Н.М. Рубцова, Ф.И. Тютчева; медалями имени А.А. Блока, А.С. Грибоедова, С.А. Есенина, А.И. Куприна, М.Ю. Лермонтова, «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», «60 лет Московской городской организации Союза писателей России», орденом «В.В. Маяковский».

Живёт в Москве.

ПУСТЬ ЗВЕНЯТ РОДНИКИ...

РОДНИКИ

Участникам специальной военной операции

Пусть звенят родники, пусть звенят,
Серебром пусть одарят просторы.
На рассвете вновь взводы ребят
В боевые уходят дозоры.

Вы вернитесь, вернитесь домой,
И на Бронную, и Моховую,
Ведь тогда, со Второй Мировой,
Ждали долго, всем сердцем тоскую.

Пусть успешным ваш будет дозор,
Пусть с задачей справляется рота,
И не щёлкнет врага пусть затвор,
Пусть живою вернется пехота.

Пусть войдёт снова Днепр в берега,
Звон малиновый ввысь устремится,
Будем бить мы нещадно врага,
Взмоют «Миги» серебряной птицей.

Пусть звенят родники, пусть звенят,
Пусть напоят бойцов наших бравых,
Возвращайся с победой, солдат!
Слава русскому воину, слава!

УЧАСТНИКАМ СВО ПОСВЯЩАЕТСЯ

От центра до самых форпостов
Молитва звучит и летит,
На Крымский примчит полуостров
И южный рубеж осенит.

Вернитесь с победой, родные!
С победой вернитесь домой!
А в эти часы роковые
Пусть пули пройдут стороной.

Пусть каждый из вас точно знает,
Что верит российский народ –
Боец под огнём прошагает,
Победу стране принесёт!

Гордимся мы вами и знаем –
Боец наш – герой, генерал –
По фронту, переднему краю
Бесстрашно в атаку вставал!

И с вами сейчас вся Россия,
И молится каждый народ –
Пусть будут у армии силы,
Что мир на Донбасс принесёт!

И вновь, как тогда, в сорок пятом,
Не будет врага у ворот,
И с алым, багряным закатом
Растает противника взвод!

И вами гордится Россия.
Всевышний, покровом укрой!
И враг перед вами бессилен!
С победой вернитесь домой!

РОЖДЕСТВО

Светел месяц, свет свечи,
Синева и вьюга,
Рождество идёт в ночи,
Замерла округа.

Ярко осветил порог
Месяц тихий, лунный,
Знаю, верю – с нами Бог,
Скрип снежинок струнный.

Через петли всех дорог,
Через перекрестья
Вижу я – среди нас Бог,
Звон церковной песни.

Бродит вьюга в купине,
Кроет пеленою.
«Бог един!» – прошепчет мне
Ангел за спиною.

Близится волшебный час,
Божье озаренье –
Бог ведь в каждом есть из нас –
То Небес творенье.

СКАЗКА ЗИМНЯЯ ПРИСНИЛАСЬ

Осень в дымке растворилась,
Зашумел бескрайний лес –
Сказка зимняя приснилась –
Будто дверца приоткрылась
В синем инее небес.

Там дорога долго длилась,
Хруст снежинок, скрип саней,
В вышине вдруг заискрилось,
Закружилось, вверх стремилось
Много праздничных огней.

Во дворец дверь отворилась –
Это царствие Зимы,
Много снега здесь копилось,
И жемчужин поместилось
И хранилось до поры.

Всё красиво в зимнем царстве –
Вот – хрусталь, вот – серебро –
То богато государство,
И учёт есть канцелярский –
Всё посчитано добро.

И наступит день январский,
И подарят небеса –
Щедро, будто бы по-барски –
Лес в серебряной раскраске
И жемчужинок краса.

Хрусталём одарит много,
Серебром лес заметёт,
Жемчуг бросит на дорогу,
Горсти – к каждому порогу,
Хризолитов принесёт!

Дивная сказка приснилась,
Зимний таинственный сон,
Только зима заблудилась –
Дождь с январем подружились,
Ветер звенит в унисон!

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛЕС

Сказка по лесу шагает –
Ветви в дивном серебре,
В золотых лучах играет
Танец вьюги в декабре.

Пусть снежинка не растает –
В ней так много серебра –
Пусть летает, пусть сверкает,
Вьюга снежная щедра.

Спит медведь в своей берлоге,
Сказочный он видит сон –
Едут сани по дороге,
Колокольный слышен звон.

Устремилась вдаль дорога,
По лесу идет уклон,
Вьюга к каждому порогу
Серебра бросает много,
Вешает на ветвь кулон.

Дивно вся сверкает чаща,
Сказочно украшен лес,
Сани, с вьюгою в них мчащей,
Поднялись уж до небес.

И с небес лес украшает
Снежным дивным серебром,
Посыпает, наряжает
Чащи, тропы – все кругом.

Ты укрась нам, вьюга, крышу –
Будет пусть из серебра,
А мороз пусть нам напишет
Пожелание добра!

НАСТУПАЕТ ВЕСНА

Солнце лучистое зиму проводит,
Февральская вьюга ещё хороводит.
Весна оглянется зимушке вслед,
Рассыплет на поле ромашек букет.

Пусть зимняя стужа покинет просторы,
Растают воздушных снежинок узоры.
Сидит у окна Домовой-домосед,
В избушке живет он уж тысячу лет.

И ветер пронёсся над полем, над лесом,
Он вальсом прошёл, а затем полонезом,
Зима шлет последний февральский привет,
Ноябрь ей отправит обратный билет.

И тихо, и мирно в далёкой избушке,
Дымок из печи – что дубовая стружка,
И март уж рисует весенний портрет,
Каждая краска – как самоцвет.

В избушке всегда долгожданные гости,
Из печки ватрушки – милости просим!
И разговора плетется браслет,
Чинно, неспешно, как менуэт.

Алеют закаты и светятся звёзды,
Будут беседы, будут и тосты,
Будет лес этот в сонетах воспет,
И пусть расцветает в полях первоцвет.

Пусть в этой избушке, пусть в этом форпосте,
Где сушатся трав и грибов всюду грозди,
Печка зимой всегда будет топиться,
Стихи и рассказы весь год будут литься!

* * *

Звонкий май, и черёмухи дым
Вновь объял все дома до околиц,
Только в памяти вечно храним
Свет бревенчатых маленьких горниц.

Дивный сон – будто в небе один
Белый храм, и со множеством звонниц,
Лик прозрачный, как будто сатин, –
То глядит Николай Чудотворец.

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Разливался малиновый звон,
Золотился малиновый день,
И закат был весной опьянён,
От берёз шла далёкая тень.

Дивный край мой! Далёкие дали!
Снова вижу я вас в своих снах,
Где-то птицы высоко взлетали,
Где-то ветер терялся в лесах.

Гром звенел – будто посохом Божьим
Ударял он небесный простор,
И раскаты аккордом тревожным
Начинали с ним свой разговор.

Мне казалось, что дивные дали
Всё историю пишут свою,
Встретят радость, проводят печали,
Поменяют закат на зарю.

И хочу я, пусть мне улыбнётся
В дивном золоте дальняя даль,
Песней в сердце она отзовётся
И уйдёт из души вся печаль.

Звон малиновый! Праздничным светом
Наполняешь ты души людей,
Кто живёт по Христовым заветам –
Эти судьбы вновь станут светлей.

Если я вдруг однажды полями
Вновь пройду – пусть и даже как сон, –
И увижу под небесами,
Как играют ветра тополями, –
То услышу, как льётся над нами
Колокольный малиновый звон.

НОВО-НИКОЛЬСКИЙ СОБОР В МОЖАЙСКЕ

Мне помнится церквушка на горе,
И, возвышаясь среди прочих,
Светилась в ярком серебре,
Звездой сияла тёмной ночью.

Тихи просторы на селе,
И много здесь заветов отчих,
Всё затерялось в сизой мгле,
И камень здесь вода не точит.

Здесь не горят костры, золой
Окутаны просторы ночи,
Царит незыблемый покой,
И только церковь видят очи.

* * *

До луны не дотянуться,
До лугов – рукой подать,
И от ветра будет гнуться
Поле – Божья благодать.

Вечерело. В синем небе
Появился отблеск звёзд,
Словно в поле всходы хлеба –
Млечный путь – туманный мост.

И от края и до края
И всё чище, и светлей
Протянулся, освещая
Тишь бескрайнюю полей.

И до самых до окраин,
Утонувших в мгле ветвей,
Словно из узорных ставен
Звёзды светят всё сильнее.

Словно ожили просторы,
Звёзды льют волшебный свет,
Слышу птичьи разговоры,
Вижу леса силуэт.

В ярком золоте калина –
Словно в храме образа,
Ночь идёт дорогой длинной,
Ивы плещется лоза.

Полоса дорожки лунной
Пролегла и вширь, и вдаль,
Луг в своём сиянии чудном
Будто красочный алтарь.

Рассыпая самоцветы –
Пестроту своих цветов,
Луг и на закате лета
Свеж, загадочен и нов.

БАБУШКЕ

Помню тихую музыку слов,
Тех, что ты мне всегда говорила.
Опускался вечерний покров
И луна все поля осветила.

Помню, как накрывала гроза
Тишь далёких лугов и просторов,
По стеклу дождевая слеза,
Эхо дальних раскатистых громов.

Помню, как осветила во мгле
Мне дорогу луна, и едва ли
Чтоб по всей среднерусской земле
Так поля перезвоном шептали.

Мне звенели луга, помню я,
Как летели они мне навстречу.
Улыбалась святая земля,
Убегали дороги все в вечность.

Возвращаясь, за мною закат, –
Он ложится почти мне на плечи,
Луг вечерним покровом объят,
Небо вновь зажигает все свечи.

И рассказ твой вновь слушаю я,
И ты скажешь, что Пётр и Павел
Час забрал, и что скоро Илья
Унесёт, что апостол оставил.

Нина ШАМАРИНА

Нина Евгеньевна Шамарина – прозаик. Член МГО СП России. Родилась в советской подмосковной деревне. Училась в институте на химико-технологическом факультете; работала лаборантом и инженером в химической лаборатории, менеджером и заместителем директора в оптовой фирме скобяных товаров, курьером, консультантом, копирайтером и контент-менеджером в разной направленности интернет-магазинах; преподавала на курсах по вязанию. Автор книг «Двадцать семнадцать», «Синица в небе», «Разноцветные шары желаний», «Мыс Доброй Надежды», «Чем пахнут звёзды».

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

РОЗОВАЯ ШАПОЧКА

Большой белый автобус с округлыми боками, слегка забрызганными грязью, мягко качался на выбоинах дороги, баюкая пассажиров в тёплом чреве. Влажный воздух каплями оседал на стёклах, стекал по лбам из-под кроличьих шапок и пуховых платков. До города ЛАЗ тащился невероятно долго, словно засыпал на ходу.

Обычно Сергей ездил на работу на шустром служебном «пазике», прикатывающем (можно часы сверять) в 7:20 утра, чтобы к восьми доставить рабочих на стройку. Плохо отапливаемый «пазик» бодрил холодком почище всякой утренней зарядки. Мужики травили анекдоты, гоготали и покуривали «в рукав».

Но в понедельник 25 октября 1971 года (Серёге этот понедельник в память врезался, не стереть) ни в 7:20, ни в 7:30 служебный автобус не появился. Пришлось ехать на рейсовом ЛАЗе, который отправлялся позже, и кланялся каждому столбу, собирая пассажиров на остановках.

Сергей подрёмывал, иногда поглядывая по сторонам. Поблизости щебетала ватага старшеклассниц. Сергей подумал: мотаться каждый день в школу на автобусе, который отходит в эдакую рань, – это как нужно хотеть учиться! Сам он закончил только восьмилетку и, отслужив в армии, устроился в городе каменщиком.

Народу, по обыкновению, набилось полным-полно. Верхние поручни тесно, подобно ласточкам на проводах, облепили ладони, на поворотах пассажиры городошными рюхами валились друг на друга. Людской круговертью к плечу Сергея придавило хрупенькую девчоночку. Упираясь изо всех сил, орудуя локтями, она понапрасну пыталась отодвинуться от Сергея. Он потянулся за её портфелем:

– Давай поддержи.

Девчонка охотно отдала портфель, и тут же на колени Сергею посыпались похожие школьные сумки. Придерживая подбородком получившуюся гору, точь-в-точь охапку дров, надёрганную из поленицы, ловя скользящие разномастные портфелишки, Сергей только посмеивался. Но если б он мог видеть себя сейчас, то заметил бы, как усмешка соскальзывает с губ, и лицо приобретает лирический и даже очарованный вид. Он глядел попутчице в глаза и ловил ответный взгляд, туманный и отстранённый. Большие глаза, большой рот, нежный абрис скул. На ворсинках пушистой розовой шапочки поблёскивают растаявшие снежинки, воротничок-стойка форменного школьного платья спорит с белизной шеи. «Подворотничок – как в армии», – мысленно усмехнулся Сергей, унимая смущение, желая вытеснить его чем-то привычным, чем-то более грубым. Девчонки, чьи портфели выстроились штабелем на его коленях, хохотали, с визгом валились на «истопника» на ухабах дороги. Одна из них, с густой рыжей шевелюрой, что-то заговорщицки шептала на ухо другой – с тоненькими русыми косичками, торчащими из-под шапки. Одновременно она бросала на Сергея кокетливые взоры; вторая посматривала исподтишка. Розовая же шапочка рассеянно улыбалась и кивала, но и только.

На конечной Сергей объявил:

– Разбирайте свои «двойки»!

* * *

Работа сегодня спорилась, кирпичик ложился к кирпичику. Сергей привычно пристукивал кельмой по каждому, проворно снимал лишний раствор, не глядя брал из пачки следующий кирпич. Насвистывал тихонько: «Хмуриться не надо, Лада!..»

Мерещился ему поверх кладки, поверх растущей стены ускользающий взгляд тёмных глаз.

Пару раз одёрнул себя: «Неужто влюбился?»

На следующий день «пазик» прибыл по расписанию. И вновь реготали мужики, пахло в стылом салоне табаком и перегаром. Сергей занял место у окна. Всю дорогу он разглядывал людей,

толпящихся на остановках, мимо которых пролетал служебный автобус. Однако размытые сумраком пасмурного утра лица мелькали так быстро, что не разобрать, розовеют ли шапочки на девичьих головках, белеют ли в вырезах пальто воротнички...

Несмотря на молодость, Сергей многое из обязательного для настоящего мужчины (Максим Горький, словно не только для сына, для всех завет написал) успел: и уйму деревьев насажал, и домов построил... И пусть не для себя. Дома для чужих людей, может, ещё ценнее! Вот женится – квартиру от СМУ получит, коли захочет – будут там ванна и газ, и всё прочее. Только ему без надобности: ему и в родительском доме не тесно.

Одно дело осталось из расхожего перечня – сына вырастить, а их у Сергея не меньше четырёх будет, он давно загадал.

Сергей глянул на резво бегущие пушистые облака. И чуть кельму не выронил: девушка в свадебном платье по небу плывёт!.. Вчерашняя незнакомка!.. Облако уносило вдаль, меняя очертания. Сергей сказал себе: небесный знак – хороший знак. Он встретит её, найдёт. Чай, не иголка в стоге сена!

Однако ж розовая шапочка на глаза Сергею никак не попадалась. Каждый день всё выше и выше поднималась стена будущей пятиэтажки, каждый день, в сладкую меланхолию вгоняя, мерещились тёмные глаза, но неясные мечты так и оставались мечтами. Даже самая первая самая малюсенькая надежда – встретить девушку ещё раз, никак не воплощалась, а уж и зима завьюжила, на шоссе перемёты оставляя. А по утрам так темно, что не только шапочку, а и отдельных людей не различишь в плотной толпе на краю дороги.

Проглядевши глаза за серенькие рассветы, через две недели Сергей пропустил служебный автобус и дождался рейсового, рискуя опоздать к началу смены и получить нагоняй от Митрича, незлобного, но исправно соблюдающего распорядок бригадира.

Автобус постепенно заполнялся. Садись тетки, собравшиеся в город за продуктами; ученики; схожие с Сергеем трудяги, которым не так повезло с работой, как ему. (Не каждое СМУ посылало автобус за своими рабочими.)

Вот и стайка школьниц, кажется, тех же, что гомонили здесь в прошлый раз. Не видел он только той самой, розовой да пушистой. Девчонки вроде бы знакомые: вот эта, с крупными веснушками, – точно из той компании. Это она постреливала глазками в сторону Сергея и жеманилась пуще остальных тогда, да и сейчас гипнотизировала его карими глазами.

Близко придвинувшись, встряхивала коротко остриженными рыжими волосами, поправляла пышную чёлку, лукаво косилась в его сторону. Что ни говори, положение щекотливое: заговорить с ней – значит ответить на её интерес благосклонностью. И тут же взять да спросить про другую?.. Нет, не годится. Что же придумать? Спросить про девушку в шапочке у кого-то из парней? Но парней Сергей не запомнил. Не волнуют его парни! Девчонок он запомнил тоже, понятно, не всех: «свою» (на этой собственнической мысли сердце, сладко сжавшись, пропустило ход), смешливую веснушчатую и ещё мельком третью, с русыми косичками. Всю дорогу Сергей промучился; окольного пути к разговору не было, а задать прямой вопрос так и не отважился.

Сергей отправился на рейсовом и назавтра, и на следующий день. Но и эти дни поскупились на встречу с розовой шапочкой. На работе влетело от Митрича: бригадир уже не намекал, а говорил открыто и о его постоянных опозданиях, и об автобусе, который им подают как господам, и о повышенных соцобязательствах...

И опять Сергей выхватывал взглядом за окном группки людей, трясаясь в продуваемом ветрами «пазике». Хорошо, знал теперь, что девчонки садятся в Богдановке. А толку? Пару раз цеплял взглядом веснушчатую, но та, *небесная*, ускользала. Будто растаяла, как давешнее облако!

Устав от неопределённости, от колебаний, изведаясь вконец, он решился. Во вторник написал заявление об отпуске за свой счёт (всё равно нужно с отцом в город съездить, надумали они в «Культиоварах» мопед купить), а в среду уже качался на ресорах мягкого рейсового, имея твёрдое намерение поговорить, хотя б с веснушчатой. Затем в городе он дожётся отца – и к

открытию они поспеют в «Культтовары». И когда автобус уже притормаживал на остановке «Богдановка», Сергей, вспотев, подумал: «А если и рыжей не будет?»

Но рыженькая, легко впорхнув в автобус, на манер старой знакомой кивнула Сергею, и он изумился тому, что радуется ей не меньше, чем обрадовался бы той, понравившейся. Пома- нил рыженькую, затем, чувствуя странную неловкость, будто перед ним – принцесса сказочная, уступил ей место. И тут-то, наклонившись к ней, повернувшись спиной к любопытствующим школьникам, расспросил о девушке в пушистой шапочке. Веснушчатая, хотя и обескураженная (явно не этих вопросов она ждала!), пустилась в подробные объяснения:

– А вы знаете, дяденька («дяденька?!»), Любку в Москву оправили, на олимпиаду по математике. А потом каникулы, она теперь только десятого января вернётся, и одиннадцатого числа в школу.

«Любка, – отозвалось в Сергее эхом, – Любочка, Любовь!»

– Меня Верой зовут, – продолжала меж тем словоохотливая девчонка, – а Любка – малахольная у нас, ни с кем не встречается. Отличница. А вы почему интересуетесь? Понравилась Любка?

* * *

Сергей томился. Поди ж ты: влюбился в девочку-подростка! Кому признайся – застыдят! Однако чего стыдиться-то? Даже в тайных мечтах он не заходил дальше объятий и целомудренных поцелуев. Потом, позже... Вот исполнится ей восемнадцать – и тогда он посватается. Посватается? Ишь, куда занесло! Тургеневским слогом изъясняться начал, даром, что сам с собой. Эдак и на стройке ляпнешь!

Но эти мечты бродили в другом, параллельном Сергее. А здешний бесшабашный Сергей ходил с приятелем Андреем в кино и на танцы. Иногда, взяв бормотухи – «Агдама» или «Три семёрки» – заваливались к друзьям «на хату» и бражни- чали ночь напролёт. А то подавались в город. Играли в карты

и домино, крутили пластинки. В одну шебутную ночь большой компанией наведались в гости к Галке-малышше. Та позвала девчонок. Пили, зубоскалили и танцевали всю ночь напролёт. Многие обнимались по углам, а Сергей накачивался за столом кислым грузинским вином. Галка сидела с ним рядом. Щедро подливала ему в стакан и, чокаясь раз за разом, говорила одно и то же: «За тебя, Серый!».

Утром он проснулся в жаркой пуховой перине, и жаркой же рукой его крепко обнимала спящая Галка.

* * *

Март начался с болезни. Никогда Сергей не болел, а тут – тяжёлая голова, нет сил открыть глаза, и в горле выются, жужжат и кусаются осы.

– Езжай-ка домой, – сказал Митрич, – какой из тебя работник? Только больничный возьми, а то прогул поставлю...

В полупустом рейсовом автобусе Сергей примостился у окошка, только теперь уж на улицу не смотрел: и глазам больно от яркого дня, да и Любу, которая, несмотря на то, что уж полтора месяца (коли веснушчатая в декабре не обманула) в школу ездит, Сергей так и не видел. Уж не придумал ли он и девушку, и любовь свою к ней?

В стекло било солнце, истончалась, обретая прозрачность, морозная роспись на окнах. Сергей, зябко ссутулившись, сомлел в полузабытьи, и сон его мешался с явью. Привиделась ему Лю- бовь, Любочка, Любаша. Горница, ситцевые занавески в мелких жёлтых цветочках; сидят они бок о бок за большим столом. На густой синеве чашек «Кобальт» поблёскивает золотой орна- мент, сплетаясь в замысловатую вязь. Сергей титится прочесть, расшифровать её тайный смысл, уверенный что там сказано про них с Любой, и сказано что-то очень хорошее! Глубоким рубином светится в розетках вишнёвое варенье, морщатся на тарелочке остывающие печёные яблоки. Тихонько посвистывает чайник да потрескивают в печи догорающие уголья. И радостно Сергею, и покойно одновременно.

Едва разлепив глаза, Сергей снова зажмурился. Она! Придулившись на самом краешке, Любовь листала толстую общую тетрадь в чёрном коленкоровом переплёте, мельтешили на листах иксы и игреки. Не было ситцевой занавески, чашек и вишнёвого варенья, но Люба, Люба сидела с ним рядом, только что голову в розовой шапочке не клала ему на плечо. Если б мог, Сергей укусил бы себя! Такое счастье продрых!

Встрепенувшись и прочистив заложенное горло, просипел: – Куда мы? Где мы? Ой, что я несу... Девушка, пощупай-те мне лоб. У меня температура! Я ужасно болен. Пожалейте меня! – слова вдруг полились из Сергея, да так, будто речь он репетировал неделями: – Вы не припрятали в рукаве эскимо? Мне срочно требуется мороженое! Знаете, мою ангину ведь ничем другим не вылечить!

И лёгонькая улыбка трогает Любины губы, и не отводит она от Сергея глаз, и всё звонче смеётся его шуточкам. Пусть бы дорога никогда не кончалась, так бы и ехал всю жизнь с нею рядом. И ничего-то он, Сергей себе не придумал: и девушка живая, тёплая, только руку протяни, и любовь сладким густым сиропом переполняет его, заливают, как мёд ольховый бочонок.

Но вот Люба уже выходит. Куда делось время? По-видимому, сильно смущаясь, она почти незаметно машет ему рукой.

А Сергей ощущает нечто, чего доселе ему не приходилось испытывать: он чувствует себя одиноким. Прямо-таки в разлуке!словно с её уходом вынули что-то у Сергея из самой его сердцевинки, остался только непонятный сквозняк.

Оставшуюся дорогу он перебирает мысленно картинки неожиданной встречи, как будто кляссер с марками листает: вот милый белый шрамик на подбородке (так и подмывало спросить: откуда он?), вот маленькая выпавшая ресничка на щеке, обветренные губы, при виде которых ёкало внутри.

Дома, согревшись под двумя одеялами и отцовским тулупом, и всё проговаривая и проговаривая невысказанные слова, Сергей решил написать ей письмо. Конечно! Почему он раньше не догадался? Он напишет ей: «Здравствуй, Любовь!», а может, даже так: «Здравствуй, моя Любовь!» Пускай с первой строчки

станет ясно, что письмо его – не простое. «Здравствуй, любовь моя! – напишет он, колеблясь в выборе между маленькой буквой и большой, и продолжит: – Много ли двоечек нахватала?» А дальше, дальше он напишет... Ничего больше не приходило на ум. Не страшно, придумается после. Он обязательно напишет о том, как любит её, и позовёт замуж.

Сергей потел под отцовским тулупом, но ему казалось, греет его любовь, от неё бросает в жар, будто в парилку банную...

* * *

Болеет Сергей долго. Ангина его обозначалась мудрёным медицинским словечком (то ли фолликулярная, то ли ещё какая). Им завладели слабость и апатия; казалось ему, что память его слабеет, мозги разжижаются, как у деда дремучего. Поездка автобусная отдалась, растаяла влагой облачной, и вновь выходило, будто девушка Любовь ему пригрезилась.

Фельдшерица несколько раз продлевала пациенту больничный лист и в конце концов послала долечиваться в город, в районную поликлинику.

Сергей долго маялся в очереди к ухогорлоносу, разглядывая бабулек в платочках и хмурых мужичков. Вдруг память подкинула ему: «Ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чье сердце, припавшее к моей груди, не отвечало мое сердце таким радостным и сладким замиранием!», что покинув районку с пачкой рецептов, внезапно повернул к школе, поблёскивающей чистыми окнами.

Тихий просторный вестибюль, раздевалки с двух сторон, на скамье валяется забытая кем-то шапка с завязками – и никого. Сергей почитал расписание уроков у двери. В каком она классе, интересно? Девятый, десятый? «А», «Б», «В»?

А существует ли она, эта девочка, вновь усомнился Сергей. Ходит ли она по здешним рекреациям, читает на перемене учебник, пишет ли уравнения и интегралы на доске, пачкая пальцы мелом?

Широкая лестница уходила наверх. Под потолком оглушительно зазвенело, загрохотало, и в ту же секунду на лестницу

вылетел многоголовый и многоголосый поток, обтекая Сергея, как чёрная бурливая вода по весне, крутя мелкие веточки и щепки, огибаёт прибрежную ракушку. Двое мальчишек устроили вокруг Сергея догонялки, и он, выскочив на улицу, поспешил к автостанции.

«На что ты надеялся? – допытывался у себя Сергей. – Войдёшь в школу, а на пороге – Розовая шапочка?»

Пару раз за зиму Сергей с дружкой Андреем навещали в Богдановку на разведку. Вернее, Сергей шёл на разведку, а Андрей за компанию, прошвырнуться. Степенно доходили до клуба, глаза по сторонам, читали афишу про кино и танцы, заходили с важным видом в библиотеку. Завели знакомство с киномехаником. Тот пускал их в свою будку с проектором, которую гордо именовал киноаппаратной. Сергей припадал глазом к окошку, надеясь различить в зале знакомую фигурку. Но то ли Люба не ходила в кино, то ли Сергей не узнавал её, но он всё более укреплялся в мысли, что Любовь – наваждение, сказка, родившаяся в лихорадочном бреде.

Меж тем зиму, как и полагается, сменила весна. Правда, весна не торопилась, и только апрель начал подтачивать сугробы. В самом начале его в богдановский клуб привезли новый фильм «Джентльмены удачи». Нигде в округе его ещё не крутили, но сарафанное радио разнесло, что комедия необыкновенная, и Сергей был уверен, что этот-то фильм Люба однозначно не пропустит.

Всем, кто желал посмотреть фильм, откидных кресел не хватило. Сидели и на подоконниках, и на хлипких стульях, расставленных в проходах. На полу перед экраном вертелись мальчишки. Сергей с Андреем сунулись в кинобудку, но там собралось народу, как в автобусе поутру. Пришлось друзьям смотреть кино с порога зрительного зала. Да и к лучшему: порожек высокий, фильм ничья голова не застит. Сергей хохотал над героями картины, «берущими кассу» в тумбочке детского сада, переодетыми в женщин, скользящими с горки, но часто отвлекался, нет-нет да пробегал глазами по залу. В луче проектора над рядами голов вились пылинки, а под ним сгустилась темнота, разбавляемая, словно вода, мерцанием экрана. Как ни

всматривался Сергей в затылки и профили, но Любы так и не увидел. Неужели не пришла? Быть такого не может!

После сеанса говорливая толпа, постепенно редая, растеклась по улицам и проулкам. Андрей нетерпеливо тянул друга за рукав, часто посматривая на часы, потирая ладони.

– Давай-давай, Серёга, что ты телишься! На автобус опоздаем!

А Сергей всё медлил, всё оглядывался на оставшийся за спиной клуб, всё ждал: вот ещё чуть-чуть и появится, чудесным образом материализовавшись из весеннего воздуха, Любаша, то ли земная девушка, то ли сказочная. Впереди замаячили два девичьих силуэта. Сердце Сергея замерло: она?!

Точно! Люба! Люба и Вера брели, не спеша, по деревенской улице. Сергей зажмурился и помотал головой. Силуэты не исчезли. Явилась пред ним грёза во плоти – иль то разыгравшееся воображение шутки шуткует?

Но тут автобус показался из-за поворота, мягкий свет его фар осветил шоссе.

– Андрюх, давай без меня. Я вот... девушек провожу! – выпалил Сергей.

– Серый, не дури. Пешком, что ли, пятнадцать километров пойдёшь? Автобус-то последний, до утра не будет. Или, думаешь, ночевать пустят?

Но Сергей уже подхватил девушек под руки.

– Милые девушки! Негоже юным леди гулять без сопровождения в поздний час! Я готов следовать за вами смиренным пажом!

Вера захихикала:

– Ой, дяденька! Какой вы бойкий!

Мелко-мелко дрожал локоток Любы. Сергей говорил и говорил, но все его мысли, все его чувства, все его нервы настроились на этот локоток как на камертон. Сергей не ощущал и не замечал более ничего: ни того, что Вера выпростала свою руку и приотстала; ни того, что Андрей увлёк Веру в проулок; ни того день ли сейчас, ночь ли; весна иль зима. Хрустел под ногами схваченный вечерним морозцем снег, подслеповато ми-

гал фонарь на деревянном столбе, изредка взбрёхивали собаки. У Сергея кружилась голова, пересохло во рту. Ему хотелось только одного: схватить девушку в охапку, прижать к себе, чтобы она больше не исчезла, и не отпускать ни сегодня, ни всю оставшуюся жизнь. Но удержался, лишь осторожно поднёс тоненькие прохладные девичьи пальчики к лицу, подышал на них, согревая, да так более и не выпустил.

– Мама не заругает? – спросил Сергей. – Пойдём, я скажу, что мы с тобой просто гуляли.

– Нет-нет, поздно уже, мама спит, наверное.

Сергей мягко коснулся губами губ девушки, осторожно тронул крошечный беленький шрамик на подбородке, неохотно оставил Любину ладошку. И долго ещё стоял у калитки, наблюдая, как Люба поднимается на крыльцо, тенью проскальзывает в дверь; как сначала зажигается, а потом гаснет свет в крайнем левом окошке с белыми наличниками.

На остановке курил Андрей.

– Ну как? – спросил он, – позвал замуж свою Любовь? – Учти, свидетелем на свадьбе – только я! Сажу тут, мёрзну, тебя жду. Вера, поди, третий сон смотрит.

И захохотал.

Друзья возвратились домой на попутке, правда, попутка подвернулась им, когда они почти добрались пешком до своей деревни.

Весь остаток ночи, утро и день следующего дня Сергей ругая себя за то, что в пылу первого свидания не договорился о втором и, едва дождавшись вечера, попросил остановить служебный автобус в Богдановке. Не придавая значения дурацким шуточкам, прыгнул с подножки и помчался к Любиному дому.

* * *

...Сергей жил от встречи до встречи.

Правда, Люба, заканчивая десятый класс, готовилась к экзаменам, да и Сергею жениться особенно некогда: весна – хлопотливая пора.

Перед праздником Победы в семье Сергея, наравне с остальными сельчанами, сажали картошку. Сажать картошку – работа артельная, дружная. Собирались родственники, друзья, соседи, чем больше, тем лучше, заседали один огород, а потом всем гуртом переходили на другой. Совхозный трактор распахивал все картофельные наделы огородов разом, и пашня, словно отдохнувшая роженица, готовая впервые приложить младенца к груди, лежала, раскинувшись в истоме и неге.

Вышли в поле, чуть развиднелось, а ближе к полудню присели на межу передохнуть. Вились, хлопотали скворцы у старенького скворечника из горбыля, прибитого к берёзе; гудели пчёлы на цветках одуванчика, иногда их рокотание перекрывалось баском шмеля.

Отец неторопливо закурил.

– К кому ты всё ездешь, сынок? Жениться собрался? Или так?..

– Собрался, батя. Только свадьба попозже, в сентябре или в октябре. Невеста в школе пока учится.

– Вона как... – протянул отец, – нам, значит, зазнобу не показал, а жениться собрался. Шустрый! – отец помолчал и продолжил: – Девку-то не попортил? Не родит в малолетках?

– Нет, батя. У нас с ней любовь на всю жизнь. Спешить некуда.

Сергей представил Любу в седом венчике пушистых волос и прыснул: девочка-старушка!

На рукав фланелевой рубашки Сергея опустилась капустаница, замерла, сложив крылышки, и вновь вспорхнула ввысь.

Отец и сын проводили бабочку глазами.

– Раз учится, в институт, наверное, пойдёт, в Москву? Или она в пятом классе? – усмехнулся отец.

– Нет, не в пятом.

Сергей притих. А если и впрямь Любовь не захочет жить в его доме и все его мечты о чайных посиделках покажутся ей смехотворными?

В сумерках вынесли стол под яблоню во дворе, да выпив прошлогодней наливочки, затянули песню: «Хасбулат удалой,

бедна сакля твоя...» Воздух набирал прозрачности и свежести; жёлтый круг солнца тонул в озере, отражаясь в его сверкающей глади и распадаясь на мелких волнах на глянцевые оранжевые ломти.

Засыпая в предвкушении завтрашней встречи, Сергей на-поминал себе: не забыть спросить про Москву. И тут же, уставившись в темноту, размышлял: «Буду уговаривать на вечернее отделение поступать. А коли не согласится?... Что ж, тогда придётся за ней в Москву ехать!» Однако в Москву, за сто вёрст, совсем не хотелось: там вода, говорят, хлоркой воняет, все в запертых квартирах сидят или, наоборот, бегут куда-то по пыльным улицам, не угонишься.

Сегодня, как и каждый раз, Сергей спешил на свидание с некоторой опаской: не исчезнет ли его любимая, не растает ли Снегурочкой, не заставит ли снова себя искать?

Приехав со стройки, выкатил из сарая мопед. Встречный ветер вышибал слезу, но Сергей, перекивая треск мотора, горланил откуда-то всплывшую, а, может, придуманную им самим «Нет на свете краше моей Любы...»

Любовь уже ждала Сергея, выйдя на шоссе. Села сзади, обхватив его обеими руками. А Сергей вновь и вновь радовался, что тогда, в декабре, отец настоял купить не «Ригу», а «Верховину». Как знал! Пусть дороже, зато двухместный! Спешились у пруда, там, где ивы клонились к воде, любуясь своим отражением, верещали лягушки, и надоедливо постанывали комары.

В этот душный вечер Сергей сказал главное. Вынырнули из памяти фразы, которые он слагал в лихорадке под отцовским тулупом. Закрутились в голове слова о двойках в дневнике, но Сергей мысли эти несерьёзные приструнил, смешочки отринул, на самом важном сосредоточился. Он сказал, что любит Любу с той самой минуты, как взял в руки её портфельчик в переполненном автобусе с потёками на окнах; что будет любить её всегда и никогда не обидит; что, если она согласится, счастливее Сергея не будет на всём белом свете; что он подождёт, пока ей исполнится восемнадцать, но прямо сейчас готов идти к Любиным родителям просить её руки. Вот прямо так и сказал:

«просить руки», и гордился собой: не сбилась ведь, выложил всё грамотно, по-тургеневски. Вот только про Москву отчего-то не спросил, пусть и не забыл.

– Не торопись, подумай, Любочка. – Сказав, достал из кармана тоненькое золотое колечко с маленьким фиолетовым камушком.

– Александрит, – выдохнула Люба, – он цвет меняет: то сиреневый, то зелёный. Красивый!

Люба потёрлась виском о плечо Сергея, прижалась головой к его груди.

Сергей тронул мягкие волосы, коснулся их губами. Говорить не было никакой возможности, так стиснуло горло от нежности к ней. Сглотнув, продолжил:

– В воскресенье приеду на мопеде прямо к вам домой.

– Не надо на мопеде, перепугаешь всех на своей тарахтелке. Приезжай на автобусе, я тебя встречу, и пойдём к нам.

По макушкам старых лип внезапно пронёсся ветер, зашумел, засвистел в ветвях, вихрем поднял с земли белые черёмуховые лепестки, покрутив, швырнул их снегом на землю. Вдруг дохнуло с неба холодом. Люба поёжилась, приникла к Сергею. Крепко её обнимая, он прошептал:

– Не бойся, милая! Я с тобой. Я с тобой! Навсегда!

...В пути его застал дождь. Под студёным, словно осенним, колючим ливнем мопед вело из сторону в сторону, Сергей с трудом выруливал. Ввалился домой насквозь промокший и, содрав одежду, точно кожу, долго растирался жёстким полотенцем. По счастью, обошлось без ангины.

* * *

Почтальонша Тоня принесла телеграмму. На междугородный переговорный пункт его вызывала... Москва! Вызывала на завтра.

Сергей вертел бланк телеграммы, силясь понять, кому в Москве он понадобился. Решил, что переговоры заказал кто-нибудь из армейских дружков.

На следующий день после потрескиваний и попискиваний, после вопроса телефонистки: «Ответили тебе?», услышал в чёрной трубке телефона отчётливый женский голос:

– Привет, Серый!

На одну отрадную секундочку Сергей решил, что звонит ему Люба, сообщить, что согласна. Сам себя осадил: «Спятил? Почему она в Москве-то?»

– Это Галя, узнал? – Голос говорил прямо в ухо, но Сергей никак не мог взять в толк: какая Галя?

Он не сразу вспомнил Галку-маляршу, с которой не встречался с той шальной ночи. Зимой они работали на разных объектах: он возводил кирпичную стену одного корпуса, а Галка красила кухни и белила подъезды в другом. Потом приключилась анги́на, а когда он вышел с бюллетеня, поговаривали, что малярша получила расчёт и подалась в Москву. Ну а после «Джентльменов удачи» он вообще забыл о Галке начисто.

– Я беременна, приезжай, – буднично сообщила телефонная трубка. – Записывай адрес.

Галкин голос исчез. Тишина, казалось, пролилась Сергею в голову. Он подержал тяжёлую чёрную трубку возле уха, потом, прицелившись нетвёрдой рукой, повесил её на рычаг. Какое-то время стоял и смотрел, как качается провод. Медленно представляя одревеневшие ноги, поковылял прочь. Тишина заполнила голову и обволокла его со всех сторон, как будто он провалился в мешок, набитый ватой.

Придя домой, Сергей выдвинул ящик серванта. Пересчитал деньги. Не понял, сколько их, пересчитал ещё раз. Затолкал купюры в карман брюк и снова шагнул на улицу. Вернулся, взял паспорт и на ближайшем автобусе отправился в Москву.

* * *

На свадьбе отрезная талия платья будто нарочно подчёркивала округлый животик невесты. Сергей пил водку, не обращая внимания на шипение Галки: мол, жениху нельзя. Сосредоточенно всматривался в разноцветные блики на ска-

терти от пробки хрустального графина, силился вспомнить закон преломления: «Луч падающий, луч преломленный... Преломленный луч...» Вот вспомнит он, что общего между этими лучами, и в его жизнь вернётся утраченный смысл. Когда кричали «горько», Сергей, точно по команде, вставал, поворачивался всем корпусом к Галке, дожидался её поцелуя и поскорее садился обратно, стоило той отодвинуться. И снова утыкался взглядом в графин, как будто не было ничего важнее подвижных радужных пятен, рассыпавшихся вокруг него.

За свадебным столом не было ни матери, ни отца. С его стороны вообще никого не было, даже свидетелем со стороны жениха Галка пригласила какого-то незнакомого Сергею парня, который быстро надрался и теперь спал в соседней комнате на приготовленной молодым постели.

Матери и отцу Серёга послал из Москвы письмо. В письме он просил прощения за всё: за то, что сбежал, за то, что не позвал на свадьбу. Сергей знал: отец поймёт и уверит мать, убедит её, что их сын сделал так потому, что не мог по-другому.

* * *

Дочка родилась в конце сентября. Сергей не считал специально, но сама Галка ляпнула однажды что-то про восемь месяцев и резко замолчала. Получается, дочка не его?.. Какая теперь разница!

Сразу после свадьбы Галка съездила в СМУ, где они раньше работали, привезла его трудовую книжку. Как ей удалось её выцарапать, Сергею неизвестно, да он особо и не вникал.

Сергей снова работал на стройке, и снова клал кирпичи, поднимал к небу стены, только небо было московским, а подрастающая многоэтажка оставалась в его представлении только кирпичной коробкой с дырами для окон.

Пара заселилась в общежитие: Галка выбила комнату для семейных, ходила к прорабу, намеренно выпячивая не такой уж большой живот.

Когда жена, глядя Сергею в переносицу, заискивающе произнесла:

– Как дочку запишем? Нынче Вера, Надежда, Любовь – именинницы. Может, Любочкой назовём? Или Верой?

Сергей едва удержался, чтобы не закричать:

«Какая Любочка, какая Вера?! Нет больше ни любви, ни веры! Нет!!!», – но лишь проскрежетал изменившим ему голосом: – Надя. Решено.

В июне 79-го родился Вовка, а в сентябре того же года Наденька пошла в первый класс. Надо же, как хорошо совпало! Глядя на новорождённого мальчика в коляске, Сергей думал: «Третьего надо тоже к лету подгадать. Летом с малышом – красота!»

Сергей давно стал бригадиром, распекал подчинённых теми же словами, какими поругивал его самого Митрич когда-то. В прошлой жизни...

Галка оказалась отличной женой. Дома – чистота, всегда – борщ, любое дело – с улыбкой. По воскресеньям всей семьёй они обязательно выбирались куда-нибудь: или в зоопарк, или на речку. Иногда вдвоём с Надюшкой – на мультики в «Баррикады», в уголок Дурова или в цирк, а Галка с Вовкой в коляске гуляли неподалёку. Глядя на этих счастливых, прохожие думали, наверное: какая дружная семья!

Но иногда, в зимний полдень, когда солнце било в стекло, или ранней осенью, когда за окном стоял плотный туман, а то в апреле, когда под ногами хрустел тонкий ледок, намёрзший к ночи, мерещились Сергею тёмные глаза, расплывался очерк скул... И крепкие пальцы каменщика будто наяву сжимали девичьи зябкие пальцы.

СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ

Мария Николаевна надела шерстяные носки, выпила два бокала шампанского и легла в постель.

– Теперь можно и умереть. – Голос прозвучал неожиданно звонко.

Больше всего Мария Николаевна боялась, что умрет, переодеваясь перед сном из халата в ночную рубашку, ненадолго оставаясь абсолютно голой.

– Упаду и буду лежать... Дверь высадят, а я безо всего, сморщенная, как-нибудь отвратительно вывернутая, – частенько повторяла она, глядя в зеркало над раковиной. Кроме отёкших глаз с жёлтыми белками под набрякшими веками, седого ёжика волос да дряблой шеи, в зеркале ничего не отражалось.

Вот и сегодня Мария Николаевна, поживаясь от каждого навязчивого страха, легла в постель, продолжая рассуждать, что сейчас умереть – самое время: посуда помыта, продуктов – полный холодильник. Выдохшееся шампанское закончилось, и пустая посуда выброшена в мусоропровод. Початую бутылку, заткнутую скрученной бумажной салфеткой, принесла первого января соседка. С соседкой они не дружили – лишь кивали друг другу при встрече, а вот, поди ж ты, пришла с подарком. Попросила фужеры, разлила игристое. Пробормотала дежурное «с Новым годом!», морщась, выпила и с тем отбыла, оставив Марию Николаевну в недоумении: зачем приходила?

Подаренная бутылка мешала: вдруг сыночек, когда придет на похороны, решит, что мать стала попивать без него? Но не выливать же...

Сын уехал три года назад в Норильск, и Мария Николаевна не могла взять в толк, почему. Ладно б на «Розу хутор», куда он часто летал кататься на лыжах, но в Норильск! Звонил редко: «Жив, здоров. Как ты, мама?» Иногда на карту падали деньги – три или пять тысяч рублей от Павла Сергеевича Т. Деньги эти Марии Николаевне были ни к чему, и она, сняв их в банкомате, аккуратно складывала в пластиковый конверт, иногда отправляя туда и часть своей пенсии. То-то сыночек обрадуется, когда найдёт!

От шампанского легонько кружилась голова, хотелось не лежать, а пройтись в танце, сделать несколько па. Танцевать, конечно, не стала, но пропела тоненьким голоском: «Напилася я пьяной, не дойду я до дома-а-а-а...» И засмеялась от нахлынувшего веселья.

В дверь постучали. Мария Николаевна, вздрогнув, зажала рот рукой. Неужели соседи пришли ругаться из-за её пения?

Затаилась, но стук повторился. Мария Николаевна на цыпочках прокралась в прихожую. На секунду остановилась, схватившись за грудь и успокаивая прыгающее сердце. Повернув ключ в замке, открыла дверь. Тут же с опозданием отругала себя, что не посмотрела в глазок. В коридоре никого не было, лишь потянул свежий ветерок, пошевелил на макушке реденькие волосы. Озадачившись так, что даже страх отступил («Почудилось?!»), вернулась в квартиру, но стук раздался снова. Уверив себя, что ломится к ней маньяк и убийца (замелькали перед глазами безглазые лица, окровавленные руки, покалеченные тела), Мария Николаевна пару раз вдохнула и выдохнула и, пробормотав «Чур меня, чур!», тем не менее, снова высунулась наружу и снова, как давеча, осмотрелась. На сей раз на фоне светлой стены чернела островерхая фигура. Едва слышно прошепестело:

– Пошто не открываешь?

Фигура медленно приблизилась, и теперь Мария Николаевна разглядела женщину в чёрном платье с накидкой на голове, отдалённо напоминающей монашеский клобук. Округлое лицо, нос картошкой; из-под накидки выбивались седые волосы.

Ничего страшного не виделось в этом лице (типично рязанское, решила Мария Николаевна, хотя чем рязанское отличается от калужского, псковского или любого другого, не знала). Но веяло от женщины смутным беспокойством, неясной тревогой. Горохом рассыпались по телу Марии Николаевны мурашки.

– Впустишь? – прошептала незнакомка.

Хозяйка, напротив, ответила излишне громко:

– Ночью? Да кто вы такая?

– Когда надо, тогда и прихожу. Ты ж готова. Или я ошиблась?

Мария Николаевна отшатнулась, а женщина, грузно переваливаясь, ступила в квартиру и прошествовала на кухню.

Мария Николаевна замешкалась в прихожей, кинулась искать тапки. «Зачем они нужны, тапки эти? Всё равно уже в

сапогах в квартиру вперлась», – зло думала она про незваную гостью.

– Чаю согрей, – донеслось из кухни, – застыла, пока до тебя добралась.

И Мария Николаевна, оставив безуспешные поиски, тоже поспешила на кухню. Неохотно открыла шкафчик:

– Чёрный, зелёный?

– Чёрный, – хохотнула незнакомка.

«Может, просто сумасшедшая? Зачем я еёпустила? Откуда она знает, что я готова? К чему готова?»

Мысли неслись галопом, а руки привычно доставали чашку с подсолнухами на боку, блюдец, малиновое варенье, зефир, ополаскивали заварочный чайник, засыпали чай, заливали его крутым кипятком...

Привычные движения несколько успокоили Марию Николаевну: «Даже если сумасшедшая, что ж такого? Вроде бы не агрессивная. Посидит, чай попьёт. Чаю не жалко».

– Молодец, достойно встречаешь, – ухмыльнулась разглядывающая её женщина. – Вот только в халате...Может, переоденешься?

– Зачем?!

Мария Николаевна вспомнила подробности из криминальных новостей: приходят жулики, под каким-нибудь предлогом остаются в комнате без хозяев, выгребают деньги и драгоценности... Мария Николаевна представила кованные сундуки с блестящими разноцветными камнями, точно в мультфильме «Золотая антилопа». У неё от драгоценностей остались лишь бусики из розового жемчуга, которые она давно не носила, да не снимающееся с пальца золотое обручальное кольцо. Остальные – их и было всего ничего – заложила в ломбард, когда болел муж. Так в ломбарде и сгинули.

Мария Николаевна, присела на краешек стула, словно в гостях – она. Ночная гостья пила чай, деликатно позвякивая ложечкой о розетку с вареньем. Неожиданно спросила:

– Валерьянка есть?

– Валокордин.

– Накапай себе, смотреть страшно – вся зелёная. И запах пусть стоит. А телефон твой с паролем? Или без него включается?

У Марии Николаевны помутнело в голове. Быстро сыплющиеся странные вопросы убедили её, что у гостьюшки не все дома. И как прикажете от неё избавляться? Или всё-таки мошенница? Мошенники всегда начинают с телефона: то им код от банковской карты продиктуй, то ещё что...

– С паролем! – бросила она.

– Это хорошо. Выключи и не включай пока.

– Не буду я его выключать! А если позвонит кто?! Сынок, к примеру.

Гостья фыркнула:

– Часто он тебе звонит! А как красиво могло быть: телефон отключился, включить не смогла, пароль забыла... Ладно, сойдёт: пока тебя найдут, батарейка, всяко, разрядится. Налей-ка ещё. Чай хорош! Бывает, придёшь к кому, а там чай жидкий, едва жёлтый. Да вот ещё прянички, видела, у тебя есть. Подсыпь-ка, не жмотничай.

Незнакомка сдвинула назад капюшон. Мягко рассыпались по плечам белые волосы.

– Ты рассказывай. Время пока есть, но оно ж не бесконечно.

– Что рассказывать?

– Жизнь свою. Как у вас говорят: вся жизнь промелькнула перед глазами. Вот и давай, озвучивай, что видишь...

– Что рассказывать? Жизнь тяжёлая. Муж поколачивал, умер от водки; сыночек, которого одна вот на этих руках, – Мария Николаевна протянула к чужачке руки с мягкими синими венами, – выпестовала, выучила! В Норильск уехал.

– Счастлива?

– Да ты меня не слышишь, что ль?! – Мария Николаевна даже пристукнула по столу кулачком, не заметив, что тоже перешла с собеседницей на «ты». – Говорю ж, поколачивал. Бывало, приду в сад (на этом месте рассказа неизвестная удивлённо подняла белесые бровки) ну, в детсад, я там завхозом работала. Вся в синяках, глаз заплывший, губы разбиты... Ни пудрой не

скроешь, ни помадой. Перед детишками стыдно, а они, бывало, спрашивали: «Больно тебе, тётъ Маш?»

Мария Николаевна, забыв на время о гостье, отделившись от кухни и от сегодняшней ночи, поплыла на волнах памяти. Вспомнились нарядные пёстрые открытки. Их присылали родственники (мамины и папины сёстры и братья) на все праздники: Первомай, Новый год, День Победы. В текстах обязательно встречались слова: успехов в труде и счастья в личной жизни. Ровным строем сверху выстраивались имена, и Машенькино обязательно тоже. Перебирая эти поздравления, Маша обещала неизвестно кому непременно достичь счастья в личной жизни. И где оно, счастье это? Его было так мало!

Первая счастливая картинка – из детства. Зима, сугробы. Маленькая Маша тащит за верёвку санки. Санок у неё двое. Одни на зависть всем девчонкам – креслице на полозьях: мягкое сиденье, обитое кожей цвета какао и украшенное по краям мохнатыми бомбошками, резная спинка... Карета, да и только! Но на горку Маша брала другие – большие, тяжёлые, с широкой доской. Разбежавшись, падала плашмя на эти санки, стремительно летела вниз. Санки неслись всё быстрее и быстрее, снег взметался серебристой пылью и таял на разгоряченном лице. Сквозь капли на ресницах расплывалось закатное солнце.

Мария Николаевна поймала себя на том, что вытирает лицо рукавом халата, как будто оттуда, из детства, попала на него снежная пыль.

Второе воспоминание из московской жизни (после школы Маша приехала в Москву, вышла замуж, родился Павлик). Вот они вдвоём, мать и сын, бегут на трамвай, как обычно, опаздывают. Мария нервничает, а сын хохочет, и трикотажная спортивная шапочка-динамовка сползает ему на глаза, отчего он заливается пуще прежнего. Всегда, что бы ни вспомнила Мария Николаевна, сыночек такой весёлый, такой жизнерадостный!..

И свадьба, конечно, свадьба! Она – невеста – в кримпленовом платье; жених – в модном в ту пору сером костюме с отворотами на брюках и блестящими, будто набриолиненными волосами. Только букет у Марии отвратительный: белые с

прожилками, точно кровью забрызганные, гвоздики. Не иначе, гнусная какая-нибудь примета – красное на белом.

– А сынок? Опека, вишь, моя излишняя и навязчивая... – продолжила Мария Николаевна, с трудом оторвавшись от своих мыслей. – Ладно б в Сочи уехал или Геленджик какой-никакой, я б ездила к нему, теплынь, море, красоты разные. А он? Что в этом Норильске делать? Стынь, ночь...

– Но ведь – муж умер, сын уехал, сама себе хозяйка, разве не счастье? Куда, говоришь, уехал? В Норильск? Часто там бываю.

– Ох-ох-ох. – Мария Николаевна тревожно вглядывалась в тёмное окно, словно там, в подсвеченной фонарями дали, за крышами пятиэтажек могла увидеть холодный Норильск.

– Можно, я позвоню? – зачем-то спросила у визитерши. – Спрошу, всё ли у него в порядке.

– Ночь на дворе... Звони, что ж. Разбудишь, перепугаешь. Да и телефон всё равно сдохнет, – опять непонятно проговорила незнакомка.

Снова беспокойно взглянув в окно, Мария Николаевна нажала на слово «Сыночек» в контактах телефона. Полились громкие гудки и продолжались до тех пор, пока женский голос с хрипотцой, словно спросонья, не ответил: «Абонент не отвечает, перезвоните позже».

– Не отвечает, – мрачно повторила вслед за роботом хозяйка. – Теперь не усну, буду переживать.

– Уснёшь, уснёшь! Скоро уснёшь! Вечным сном, – дробно захихикала визави и пропела басом:

– В вечном упокоении ве-е-ечный поко-о-о-ой!..

Сердце Марии Николаевны, совершив неимоверный кульбит, запульсировало-забилося в висках, затылке, темечке.

– Так кто ж ты такая? – спросила она, не узнавая собственного голоса. Точь-в-точь зашипела где-то испуганная кошка.

– Ты меня не узнала? Помнишь, операция, отек Квинке... помнишь?

– Ты медсестра, что ль? – прошептала Мария Николаевна.

И мелькнула у нее одна догадка, и догадки той она испугалась.

– Нет, не медсестра. Ну, смелее! Ты ж тогда чуть концы не отдала, душа уже крылья расправляла. Ну?

– Ты смерть моя? – одеревеневшие губы Марии Николаевны с трудом вытолкали слова наружу.

– Уф. Я уж не надеялась, что сообразишь. Напекаю, намекаю... Смерть твоя, конечно. Ты звала? Вот она я, встречай. Сегодня, ты права, денёк самый подходящий – пятница. В воскресенье похоронят, сыночку твоему даже с работы не придётся отпрашиваться. Дела, говоришь, все земные переделала, так ведь? Пойдём!

– Погоди! Погоди! – Мария Николаевна с силой растирала лоб, щеки. – Как это? Смерть? Как это? Смерть? Уже?! А как всё происходит?

– Этого, милочка, я тебе сказать не могу. По секрету только скажу (в благодарность за чай), больно не будет. Давай, что тянуть-то? Полночи валандаемся. Пойдём.

– Подожди, подожди! – Мария Николаевна силилась найти хоть какую-то зацепку, маленький якорек, удерживающий её в уютном обыденном мире.

– Забираешь только тех, кто все дела переделал?

– Ну-у-у, всяко бывает, – протянула гостья, – но с тобой именно так. Ты же готова? Буквально, – она взглянула на крошечные старомодные часики на запястье, – три часа восемнадцать минут назад ты уверяла, что готова, это первое. А вторых и в-третьих, ты ленива, ни к чему не стремишься, ничего не хочешь. Что тянуть? Зачем жить?

– Я стремлюсь! – Мария Николаевна, часто сглатывая, проталкивала сухой ком в горле. – Я стремлюсь, – повторила она.

Отхлебнув из чашки остывшего чая, спохватилась, что ставила на стол всего одну чашку. Для гостьи. Из желудка поднялась волна отвращения, наполнив рот вязкой слюной, но Мария Николаевна продолжила, торопясь:

– Я на Камчатку хочу, на горячие источники! Что там ещё, на Камчатке? Вулканы...

– Не ври. Только сейчас придумала! Ни на какую Камчатку ты не хочешь!

Страшная гостья погрозила пухлым пальцем, похожим на опарыша. Мария Николаевна взгляда не могла отвести от этого пальца, и черви, омерзительные белые черви засуетились перед её глазами, как давеча окровавленные отрубленные руки.

– Нет! Нет! Мне рано! – кричала Мария Николаевна, мечась от окна к столу и обратно. Щеки её пылали, лопалась кожа на сухих губах. – Рано мне! У меня дел полно, пожить хочу!

– Ну-ка, ну-ка, – перебила гостья, подавив зевок, – какие такие дела? Я понимаю, картина у тебя стояла б незаконченной, или валялся недописанный роман, тогда можно было бы и отсрочить, а без причины ...

– Я котёнка возьму с улицы, двух или трех котёнков. Котят, в смысле. Я сироткам носочки свяжу к Рождеству! Мне б сыночка ещё разочек повидать! Пожалуйста!

Мария Николаевна молитвенно сложила руки, но дама кивала рассеяннo и равнодушно.

– Рассчитывала ночьку провести без забот, пораньше освободиться, так нет же! Упёрлась бабка! – пробормотала назвавшаяся Смертью себе под нос и схватила Марию Николаевну за руки холодными пальцами.

– Ну же! Узбогойся! Слышала, современные детки так говорят? Хочу тебя отвлечь, а то ты загналась совсем. Узбогойся! Боли не будет. Смотри на меня.

Она притянула Марию Николаевну к себе. Взгляд светлых, почти белых глаз с крошечным зрачком, размером не более точки, поставленной на бумаге шариковой ручкой, завораживал, не отпускал.

«Обкуренная, что ли? Наркоманка! Господи! Я пустила в дом сумасшедшую наркоманку!» – Мария Николаевна в ужасе огляделась, словно только сейчас обнаружила странную женщину в чёрных одеждах и с белыми прозрачными глазами на своей кухне.

– Прочь! – завопила она. – Прочь! Прочь из моего дома!

Рывком выдернув руки, схватила незнакомку за рукав, потащила к выходу. Тщегно! Мария Николаевна толкала незваную гостью плечом, бедром, ткнула локтем в спину.

– Толстуха тяжеленная! – хрипела Мария Николаевна, – отъелась на дождевых червях!

И снова думала лихорадочно: «Ты определись, Маша, если наркоманка, при чём здесь черви?! А, разберусь, мне б её только вышвырнуть!»

Заливисто зазвонил телефон. Мария Николаевна, вмиг потеряв всякую прыть, схватила его, уверенная, что звонит сын. Но её телефон молчал.

Тем временем незнакомка, степенно пригладила растрепавшиеся в минутной потасовке волосы и, покопавшись в складках своих одежд, извлекла древний чёрный мобильник-раскладушку.

– Могла б рингтоном похоронный марш поставить для аутентичности, – вырвалось у Марии Николаевны.

– Да. Срочно? Еду! – отрывисто кидала слова незнакомка.

– Ладно, оставляю тебя пока, – повернулась она к Марии Николаевне как ни в чём ни бывало и захлопнула телефон. – Я другого на себя записала. Надеюсь, обоих успею. Вот не ожидала, что с тобой столько чикаться придётся. Ладно, живи пока. И вяжи носочки-то.

Мария Николаевна, собрав все силы, пихнула рыхлую толстуху за порог. Голова закружилась, и она повалилась на коврик у двери...

Снежная пыль, оседая, таяла на разгоряченном лице. Мария Николаевна очнулась. Белый расплывчатый блин колыхался над нею, постепенно приобретая очертания человеческого лица. Мария Николаевна с трудом узнала соседку.

– Марь Николавна! Живая! Слава богу! Я «скорую» вызвала, сейчас приедет. Хорошо, вы на пороге упали, открыто было. Я на работу шла, увидела.

– Живи пока! Вяжи носочки-то! – грохотало в мозгу Марии Николаевны.

Ольга СУРКОВА

Ольга Анатольевна Суркова – поэт. Родилась в Приморском крае в г. Спасск-Дальний. Окончила Владивостокский кооперативный техникум и Сибирский университет потребительской кооперации. В 2003 году вышла первая книга стихов «Дом у океана». В 2011 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар Валентина Васильевича Сорокина). Издала ещё три поэтические книги: «А главное всё же душа» (2008 г. Стихи), «Венчает Россию берёзка» (2012 г. Стихи и поэмы), «Берегиня» (2018 г. Стихи). Стихи публиковались в журналах «Поэзия», «Московский вестник», «Литературной газете», газете «Московский литератор» и др. Член Союза писателей России с 2010 года. Лауреат общественных литературных премий, награждена медалями им. А.П. Чехова (2008 г.), И.А. Бунина (2019 г.) А.А. Блока (2020 г.), Н.А. Некрасова (2020 г.), Я.В. Смелякова (2022 г.), А.Л. Барто (2026 г.) и др.

Живёт в Москве.

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

* * *

На стародачных улицах
Окраины Москвы
Глаза блаженно щурятся
От ясной синевы.
Кипит волной сиреневой
Махровая сирень.
Здесь возле крыш шагреновых
Есть крыши набекрень.
За крепкими заборами
Вокруг растут дворцы
Среди домов с узорами,
Где рушатся венцы.
С распахнутыми ставнями
От плотницких трудов
Живут мечтами давними
Дома в сетях садов.
Пусть яблони здесь древние,
Но майский белый цвет
Их обрядил царевнами,
Что излучают свет.
Здесь птицы заливаются,
И даже воробьи
Листвою укрываются,
Щебечут о любви...

«ЗАМКАДЫШИ»

В Москве нас кличут «замкадыши» –
 От центра мы далеко.
 Зато вокруг растут ландыши
 И дышится нам легко!
 Москву именуют – Новая,
 Она моложава, свежа.
 Берёзовые, да кленовые,
 Да хвойные дали лежат.
 Природу здесь оберегают –
 Дома меж лесов растут.
 И стройки повсюду шагают,
 И парки повсюду цветут.
 Своим ароматом ландыши
 Влекут в леса для души.
 А главное в слове «замкадыши» –
 Не МКАД, здесь корень – дыши!

* * *

Мы с тобой перелётные птицы.
 Над родною Москвой сделав круг,
 Мы с желаньем от вьюги укрыться
 До весны улетаем на юг.
 Намётёт в Подмосковье сугробы,
 Дом наш в спячку впадёт, как медведь.
 А у нас распорядок особый,
 Мы у моря хотим песни петь.
 Здесь закаты алеют безбрежно,
 Рано солнце встаёт на заре.
 Здесь розарии светятся нежно,
 Розы сбросят они в январе.
 Освежат нас приморские ветры
 И потянет в родные края.

Не преграда для нас километры,
 «Дом, встречай нас, – скажу, –
 вот и я!»

Перелётные птицы в апреле
 Возвращаются в гнёзда свои.
 Мы на крыльях домой прилетели.
 Дом – Земля, дом – Планета любви.

* * *

Море ваяет живые картины
 На берегу из ракушек и тины,
 Водорослей и мелких камней,
 Наших следов и светотеней.
 Волны смывают, а море рисует,
 Карты морские упрямо тасует.
 Сиюминутны мгновенья живые,
 Их не смывают дожди грозовые.
 Берег песчаный с волнами косыми
 Мы измеряем ногами босыми.
 Наши следы заполняет вода
 И оставляет в песке навсегда.

* * *

Орёл в неволе расправил крылья
 И смотрит взглядом остекленело.
 Он в мыслях занят полётом, былью,
 В горах охотится хищник смелый.
 С высот небесных видны просторы,
 Видна добыча орлиным взором.
 Блаженство дарят родные горы...
 Орёл очнулся, глядит с укором
 На посетителей зоопарка.
 Его накормят здесь мясом скоро,

Но он не рад неживым подаркам.
 Вот разорвать бы стальные сети,
 Взмахнуть крылами, взлетая к небу!
 Свобода – сущность всего на свете,
 А для него эта данность – небыль.
 Орёл в неволе расправил крылья,
 Он их и в клетке не опускает.
 Когда мечты восстают над былью,
 Орёл парит, в облаках витает.

АНАПСКИЕ КОШКИ

По берегу ходят анапские кошки
 И смотрят на волны и водные дали.
 Они уже стали морскими немножко
 И всякое в жизни своей повидали.
 Они у морского анапского порта
 Суда рыболовные издали чувят.
 Коты – полноправные члены курорта –
 От берега моря до парков кочуют.
 Их кормят и гладят здесь добрые люди,
 И южное солнце теплом согревает.
 Кошачий порядок наводят повсюду;
 Где кошки живут – там мышей не бывает.
 Порою спят кошки, как чуткие белки
 На толстых стволах во владениях парков,
 Поднявшись повыше над сорным и мелким, –
 Во сне видят множество вкусных подарков.
 О, сколько их – серых, и рыжих, и чёрных!
 Анапские кошки, коты и котят...
 Они не боятся ни ветра, ни шторма,
 Для них это место воистину свято.

* * *

Одинок мой опалённый сад,
 Чудом уцелевший при пожаре.
 Будет ли здесь снова кто-то рад?
 Всё померкло в огненном угаре.
 Поглотил огонь мой светлый дом,
 Уничтожил ласточкины гнёзда...
 В это даже верится с трудом!
 Но остались сад, земля и звёзды...
 Вопреки всему, сад зацветёт,
 Зарастая лебедой, крапивой.
 Соловей на ветках запоёт,
 Возвещая о весне игриво.
 Яблони – отрада детворы,
 Белого налива манит спелость.
 И до поздней яблочной поры
 Всё заполнит лета оголтелость.
 Сад дождётся благодатных дней –
 Встанет новый дом на этом месте.
 Жизненный закон всего верней.
 Жизнь возьмёт своё –
 и дом воскреснет.

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

Свежий хлеб и домашнюю сдобу
 Мать в дорогу тебе собрала.
 И остался тот запах особый,
 Как домашний источник тепла.
 Он с тобой и в промозглых окопах,
 И в остывшем сыром блиндаже...
 Знание об СВО и «укропах»
 Наяву ты проверил уже.

Обходил все лихие бомбёжки,
 Много раз брал врага на прицел.
 Нелегка фронтовая дорожка,
 Но идёшь невредим ты и цел.
 Материнского хлеба кусочек,
 Как святыню, хранишь на груди,
 Много целей и вражеских точек
 Ты ещё сокрушишь впереди.
 Хлеб святой превратился в сухарик,
 Но в ладонях вдохнёшь аромат, –
 В мыслях вдруг освещает фонарик
 Отчий дом твой, и поле, и сад,
 И ломоть испечённого хлеба,
 Что в дорогу дала тебе мать...
 С этим хлебом за мирное небо
 Ты, как прадед, ушёл воевать.

* * *

Ты не плачь, Мария... Горячо от слёз,
 Если жизнь бросает в жар или в мороз.
 Сына проводила ты на СВО...
 Станет оберегом матери родство.
 Женщина России, духом ты сильна.
 Вырастила сына – и опять война.
 И ушёл твой рыцарь на кровавый пир,
 Чтобы там навеки воцарился мир.
 Он сейчас воюет за тебя, за Русь.
 Пишет: «Не скучайте, ждите, я вернусь».
 Не смотри тоскливо со слезами вдаль.
 Будет у героя орден и медаль.
 Он придёт с победой в отблеске наград,
 Будут и салюты, будет и парад.
 А сейчас, Мария, я с тобой молюсь,
 Чтоб сыны вернулись и стояла Русь.

РАЗЛУКА

Я помню, как разлук бинты
 Следы оставили на коже.
 Я знаю, чувствовал и ты
 Их утомительность до дрожи.

Я так тебя умела ждать,
 Скучать, терпеть, часы считая.
 Разлука может покарать,
 Потерей в мыслях прорастая.

Уловишь встречи страстный миг
 И позабудешь о разлуке.
 Тот высоты такой достиг,
 Кто знает расставанья муки.

Я помню всех разлук печаль,
 Мы эту боль любовью лечим.
 Чем больше расставаться жаль,
 Тем будут радостнее встречи.

МАЛИННИК

Заманил нас с тобою малинник
 В опьяняющем, жарком июле.
 Лес расщедрился, как именинник,
 И в малиннике мы утонули.
 Ягод спелых – бери, сколько хочешь,
 Наслаждайся малиной лесною!
 Ты счастливый, поешь, и хохочешь,
 И подшучиваешь надо мною.
 А малинник всё дальше уводит
 В чащу леса желанием сладким.

А малина в крови колобродит,
 Возбуждая лесные повадки...
 Подсластила нам ягода губы,
 И целуемся мы как впервые.
 Здесь увидят, что ласки нам любы,
 Только сосны да пни вековые.
 Закружил, заблудил нас малинник,
 Одурманил малиновым соком.
 А вечернего солнца полтинник
 Опускается в небе высоком...
 Ах, малинник родной и колючий,
 Отпусти нас из сладкого плена!
 Поспешим делать вина шипучие
 И варенье пахучее с пеной.

* * *

Мне к сердцу твоему не достучаться,
 Оно осталось тайной для меня.
 И лучше бы нам больше не встречаться,
 Не волновать уснувшего огня.
 Огонь затих, но вовсе не потушен.
 Разворошишь – и вспыхнет яркий жар.
 Он будет неподвластен, непослушен,
 Он вознесёт нас, как воздушный шар.
 Куда, зачем? Ах, если бы мы знали,
 В какие дали манит нас судьба!
 О внутреннем огне скрипят скрижали,
 Течёт из уст горячая мольба...
 Назад дороги нам уже не будет,
 Нас вихрем понесёт вперёд и ввысь.
 Осудят, или просто скажут люди:
 «Их не догнать – с крылами родились...»

* * *

Куда нам деться друг от друга,
 Израненным своей судьбой?
 В душе сквозит шальная выюга,
 А я вздыхаю: «Бог с тобой».

Мы слишком долго были рядом,
 Вдвоём мечтали об одном.
 В глазах читали всё по взгляду
 На языке своём родном.

И потому сейчас так больно
 Представить жизнь с тобою врозь.
 Наверно, навсегда невольно
 В нас что-то важное срослось...

Сергей МИХАЙЛОВ

Сергей Анатольевич Михайлов – прозаик, поэт. Родился в 1957 году в г. Свердловск, Ворошиловградской обл. Инженер-механик, строитель. Издал сборник стихов «Настроение» (2013), роман «Светлейший и Самусь – 1812 год» (2022 г.), сборник стихов «Мой листопад» (2025 г.) Автор романов: «Билет в один конец» (2018 г.), «Светлейший и Самусь – становление» (2021 г.). Дипломант Союза писателей России литературного конкурса «Лучшая книга года» за 2020–2022 годы, и Московской областной литературной премии имени М.М. Пришвина, за 2023 год. Член Литературного клуба «Тёмные аллеи» при Фрязинском ДК «Исток», с 2018 года. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в г. Фрязино МО.

ГОНКА

Глава из романа «Билет в один конец»

*Мы живём потому, что надежда
обращается к памяти, и обе нам лгут.*

Джордж Байрон

Тот образ жизни, которым жил Семён в 1999 году, провоцировал его к частым выпивкам. Сегодня он не Семён Анатольевич Мелихов, – директор завода. Сегодня он Сеня Мелихов, – безработный, живущий в шахтёрском городке Андреевске. В начале девяностых Украина объявила независимость. В жизни Семёна произошли большие перемены. Теперь таких городов и Семёнов было много. Работających предприятий в городе почти не осталось. Многие прекратили существование. Работают, да и то не в полную мощность, несколько угольных шахт, часть ремонтно-механического завода, обслуживающего эти шахты, и хлебопекарный завод. Многочисленные совхозы и колхозы района, давно поделенные на частные паи и фермерства, в условиях самостоятельного выживания с трудом пытаются прокормить сами себя.

А вот торговля растёт. Рынки, магазины, киоски и палатки, появляются по всему городу, как плесень. Новые торговые площадки возникают чуть ли не каждый день. Торгуют всем, от порно-видео, самогона до б/у иномарок и шахтного оборудования. От туалетной бумаги и гробов с траурными венками до домашних мини-заводов, по производству: пива, вареников, вязаных шапочек.

Появилось огромное количество частных предприятий, в основном подпольных. Они выпускают шлакоблоки, минеральную воду, рубероид, колбасу, водку, селедку и много еще чего. При этом всё это было плохого качества, но торговалось бойко. Другого – не было.

Сфера обслуживания включала в себя небольшой спектр. Ремонт автомашин и вулканизация, частные рестораны, кафе

и бани, включающие в себя интим. Такси, грузовые перевозки, а также похороны усопших. Приём металлолома, чёрного и цветного. Всё это пользовалось большим спросом в этот период развития человечества. А для того, чтобы это всё спокойно работало, была ещё одна услуга – крышевание любого вида бизнеса, от торговли жареными семечками до производства ювелирных изделий. И хоть эта услуга не пользовалась популярностью, но была для всех обязательна, как страховка.

Предприимчивые особи старались захватить в городе все системы жизнеобеспечения населения. Услуги банков подменялись менялами на рынках и кредитами (частными займами) у успешных хапнуть денежных людей, под огромные проценты. Бензин, солярка и спирт доставлялся в город разными способами, вплоть до прокладки трубопроводов под землёй через границу с Россией. Благо, она была рядом.

Недвижимое и движимое имущество стало очень подвижно. Шахты, заводы, оптовые базы. Здания кинотеатров, коровников, детских садов, магазинов, дома, квартиры и просто киоски, а также маслобойни, колбасные цеха, комбайны, автобусы и другая техника, меняли своего хозяина, иногда за одну ночь.

Всё это делало жизнь в городе интересной, непредсказуемой и страшной. Правоохранительные органы, конечно же, участвовали в жизни города, и тоже по-разному. За последние четыре года, после переизбрания и увольнения, Семён пробовал себя в разных направлениях предпринимательской деятельности. Начинать что-то серьёзное при отсутствии денег не было возможным. Наниматься рабочим – тех денег, чтобы содержать семью, не заработаешь. Рабочим платили столько, чтоб вечером он мог выпить, в лучшем случае ещё дать жене на хлеб, и утром пришёл на работу, чтоб снова заработать на выпивку.

Оставалась только торговля и перевозки на «Жигулях» с прицепом грузов. Таксистов в городе на тот момент было больше, чем пассажиров. Торговать одному – значит, торговать малыми партиями и терять время на подвозку и закупку товара. Поэтому Семён нашёл себе напарника, такого же безработного, бывшего бухгалтера Ивана Алексеевича, тоже без денег. Для

начальной закупки они у денежных людей заняли деньги под проценты, в иностранной валюте, других не давали. Торговали на рынке продуктами питания, которые покупали в областном центре на частных оптовых базах.

Прокрутили деньги за месяц четыре раза. За вычетом транспортных расходов, уплаты за торговые точки и патент, высчитав суточные на питание и выделив небольшую сумму для семей, они отдали только проценты. Долг остался прежним. Цены в закупке постоянно росли, плюс ремонт машины, покупка б/ушной резины. Всё это не позволяло уменьшить общий долг и на десять процентов в месяц. Работали, чтоб отдать проценты за долг и копейки в семью. Гасить сам долг получалось очень трудно.

Но, самое страшное ожидало предпринимателей в 1998 году, когда грянул дефолт. И хотя к тому времени они половину отдали, долг удвоился. Проработав вместе ещё год, напарники распродались и вернули деньги, оставшись должны. Совместный бизнес прекратили. Дальнейшую выплату непогашенного долга и проценты за него обязались выплачивать самостоятельно, отдельно каждый, на что кредиторы согласились. От этого решения Семёна жена Полина была не в восторге. То, что прожили последние несколько лет более-менее, учили дочь и как-то сводили концы с концами, в расчёт уже не бралось. Денег в результате торговой деятельности не прибавилось, а наоборот, появились долги и изношенная до железки машина, требующая капитального ремонта.

Из-за того, что Семён не может попасть в структуры, приносящие деньги, и постоянно только попадает на них, с женой Полиной конфликт длится уже не один год. Полина предлагала мужу, якобы она договорилась с руководством шахты, на которой работала машинисткой подъёма, устроить его сторожем на шахтный лесной склад. Дескать, забудь про своё высшее образование и то, что ты был директором. Там без всякого образования люди работают и живут небедно. Но Семён понимал, как, и главное, почему эти сторожа живут небедно. Этого он себе позволить не мог, а зарплата там мизерная. Из-за отказа – видно, Полина уже кому-то из руководства пообещала, – взаимоотношения между супругами были разрушены почти окончательно.

Последние два месяца Семён старался редко быть дома, чтоб не участвовать в бесконечных скандалах или нервных молчанках. Он приходил домой, когда Полина была на работе в ночной смене, либо поздно ночью, когда она спит. Остальное время рыскал на машине по городу и вокруг в поисках заработка. Стал чаще находиться в гараже, помогая друзьям ремонтировать чужие машины.

Утром Семён поднялся не просто. После вчерашнего жутко болела голова. Пьяные посиделки в гаражах, конечно, больше забирали, чем давали. Гараж у Семёна был добротным и уютным. Кроме машины, в нём стоял большой раскладной старый диван, стол и несколько стульев. На верстаке, тянущемся вдоль всего гаража, кроме инструмента и ящиков с б/ушными автозапчастями, стояла электрическая печь на две спирали, электрочайник и радиоприёмник. В гараже у Семёна было два занятия – чинить свою машину или выпивать в давно сложившейся компании соседей по гаражам. В ремонтном приямке – вход в погреб, в котором всегда была картошка, капуста, свёкла, морковь, свежие и мочёные яблоки и кое-какая закупорка овощей и фруктов. Семён и Полина давно имели огород двенадцать соток и несколько фруктовых деревьев на дачном участке. Это был единственный стабильный доход, заготовка в зиму.

Вчера, после того как они с приятелем Юркой Бобровым сдали металлолом, Семён смог погасить часть процентов за неотданный долг по частному займу. Они с Юркой были одного возраста. Познакомились два года назад, когда выпивали на рынке с коллегами-торгашами, отмечали день торговли. Юрка был мужем одной из них и принёс горячие блюда, приготовленные им для закуски празднующей компании. Выглядел он угрюмо. Телосложения тучного, глаза немного навывкате. Взгляд из-под лба, очень тяжёлый, малоподвижный. Про такой взгляд говорят – взгляд убийцы. Они разговорились, и Юрка, после пяти рюмок, уже не казался таким угрюмым. Глаза его уже светились добрым и весёлым огнём. Он рассказывал много весёлых историй и анекдотов. Семёну подумалось, что каким

же обманчивым может быть первое впечатление о человеке, по внешнему виду. Ещё после нескольких рюмок Семён сказал ему об этом. Тогда Юрка поведал ему свою историю, которая поразила Семёна.

Он пришёл из лагерей усиленного режима, отсидев пятнадцать лет за убийство. Всё произошло по пьянке после зарплаты, в драке возле ресторана. Юрка работал на шахте сварщиком-газорезчиком. Получал, по тем временам, неплохо. Так всё быстро тогда произошло, что он и сам до сих пор не знал, он это сделал или нет. Пойди, разберись в свалке. Тем более что потерпевший скончался, как показала экспертиза, от ушиба головы. А когда он этот ушиб получил и от чего? От металлического уголка на ступеньках, где лежал убитый, или ещё от чего, было непонятно. Всех оправдали, а у него, по свидетельству очевидцев, видели в руках какой-то предмет. Вот потерпевший от удара этого предмета и упал, такое было заключение. Хотя потом, на месте драки, ничего, кроме складного зонтика от дождя, валявшегося на ступеньках ресторана, не нашли. Зонтик был Юркин. Он за паровоза и пошёл, причём без права на амнистию. Жена его ждала, у них была маленькая дочь. Она все пятнадцать лет ездила к нему в колонию. За это он ей благодарен и сейчас. После отсидки Юрка около полугода работал опять резчиком на шахте. Но она тоже закрылась, и Юрка вот уже год безработный, помогает жене на рынке.

После того застолья они вдвоём и стали промышлять сбором металлолома. У Семёна машина с прицепом, ну а у Юрки резак и колоссальное чутьё на поиск металлолома. Мотаясь на машине по отдалённым колхозам и объектам, они искали брошенные коровники, шахтные сбойки, оборудование и технику. В этот день им повезло. Они наткнулись на заброшенный и заросший летний скотный стан, на бугре у глубокого оврага, километров за тридцать от Андреевска. Он был огорожен железной цельносваренной трубой на металлических столбах. Ограждение было уже частью вырезанное и увезённое, но некоторые погнутые пролёты ещё остались. Юрка своим резаком быстро нарезал трубы на удобные куски. Провозились чуть больше часа. Когда

приятели загрузили полный прицеп и смотали резак, вдали по дороге к стану показался старый грузовик ГАЗ-51, очень медленно поднимающийся по краю оврага.

– Ну что, Анатолевич, уносим ноги. Это либо местные, такие же джентльмены удачи как мы, либо новые хозяева стана. И те, и другие нам не будут рады.

Юрка быстро побежал садиться в машину.

– Это точно. Юра, по коням!

Семён прыгнул за руль, быстро завёл машину и, прячась за густые заросли, скатился в овраг по тропинке, где когда-то водили скот. Овраг был заросший высоким кустарником и деревьями. «Газон» медленно поднимался к стану с другой стороны бугра, и с него было не видно машину Семёна. Тропа, по которой водили скот на другую сторону балки, проходила по низу оврага. Далее через ручей по пологому подъёму на противоположную сторону оврага. Семён разогнал «жигулёнка» и сходу преодолел ручей. На скорости попытался выскочить вверх оврага.

– Вот что значит троичный двигатель, – констатировал Юрка.

Но достигнув верха, когда машина передними колёсами переехала край оврага, они остановились. Семён не давал заглухнуть машине, но и вверх она не двигалась. Юрка быстро выскочил из машины, подбежал к прицепу сзади и стал толкать, упираясь изо всех сил. Машина не двигалась с места. Газовать сильно было нельзя, чтоб не услышали на той стороне. Юрка подложил под колёса прицепа камни, чтоб машина не катилась вниз, и стал сбрасывать трубы с прицепа. Семён, поставив на ручник машину и оставив работать двигатель на малых оборотах, побежал по краю вдоль оврага назад, прячась за кусты. Он хотел убедиться, что нет погони. Пробежав метров тридцать и присев за кустом, Семён увидел следующую картину. Трое вышедших из «Газона» ходили вдоль бывшего ограждения и что-то друг другу оживлённо показывали.

Долговязый – видно, старший из них, – загнал одного из команды на кузов, и тот стал осматривать всё сверху. Потом на-

чали отслеживать маршрут погрузки резаного металла. Семён решил быстро возвращаться к машине.

Вернувшись, он увидел, что Юрка разгрузил третью часть прицепа, причём грамотно, сложив их сбоку впереди машины. Семён сел за руль, сняв с ручника, и медленно стал трогаться. Хорошенько не газанув, машина не тянула прицеп.

– Ну что, толкай Юрка. Будем газовать. Они, наверно, уже вычислили, куда мы поехали.

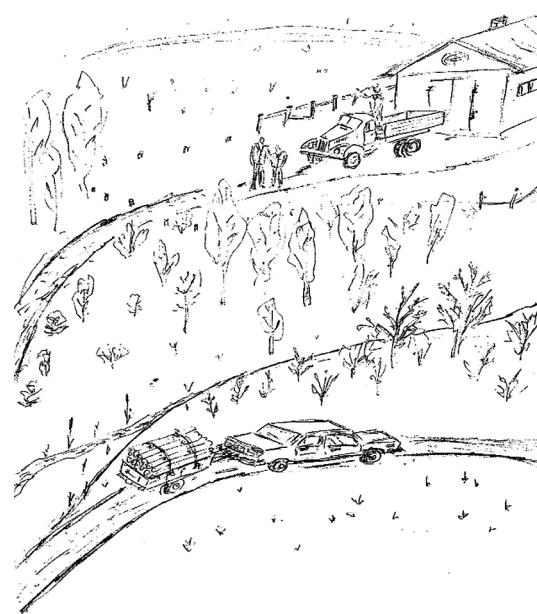

Рисунок автора

Юрка упёрся в прицеп, и через мгновение он был наверху возле металлолома. Семён бегом вернулся к прицепу. Они быстро стали грузить металл. На противоположной стороне слышался звук завопившегося двигателя ГАЗ-51.

– Учужали, аборигены хреновы, – сказал Юрка.

– Да, мы громко грузили. Ну, да уже закончили. Юрок, аллур!

Прятели прыгнули в машину и рванули по прямой через степь к видневшейся впереди поперечной просёлочной дороге. Когда «ГАЗ-51» поднялся на противоположную сторону оврага, преследователи увидели в дали только пыль по дороге сзади какого-то транспортного средства. Что это за средство, уже было не видно.

– Да, Юрок. Вот, не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Троичный двигатель! – сказал Семён, достав карту области из бардачка и бросив её на колени напарнику. – Посмотри, что у нас впереди.

– Пожалуй, ещё немного – и ребра по три могли бы не до считаться, – сказал Юрка, разворачивая карту.

– Ну, это вряд ли. Мы тоже! Не просто так, вышли погулять. – сказал Семён, погладив монтировку между сиденьями. – А вот металл могли отобрать. Ну, что там, где мы?

– Послушай, Анатольевич, похоже на то, что наши приключения не закончились. Впереди два села. До первого, Красного, километра два. До второго – вот оно, Дальнее, – ещё шесть. А за ним сразу граница России, и она тянется справа от нас. Слева, вон там, где деревья, – Юрка показал рукой, протянув её в окно водителя. – Там тянется тот самый овраг. И похоже, он уходит через границу.

– Вот, блин, попали в котёл. Что делать будем?

– Не дрейфь, Сеня, уйдём. Нам надо сдать быстро металл где-то. Наверняка в такой глуши есть какой-нибудь двор по приёму металлолома. Либо разгрузимся и спрячем его, до поры.

– Ага, наверняка эти ребята сами его здесь принимают, либо знают, где это делают. Там нас и застукают. А вот и первое село. Красное.

– Сеня, я же сказал, сдать быстро. Не езжай через село, надо чтоб меньше нас видели. Поедем в Дальнее. Эти, когда в село приедут, наверняка будут о нас спрашивать местных, – показав влево, продолжил, – давай вокруг, по крайней улице. И не сильно пыли.

Семён сбросил скорость и потихоньку покатыл по крайней улице, с домами, расположенными только по правой стороне.

Был полдень. На улице и во дворах не видно было никого. В это время, пообедав, селяне отдыхают. Друзья объехали вокруг села и выехали на ту же дорогу. Ускорились до следующего селения. На подъезде к Дальнему Семён стал обгонять деда, тихо едущего на мотоцикле с коляской. Когда прицеп поравнялся с дедом, тот громко что-то закричал и замахал рукой.

– Чего это он? – спросил Семён, показывая большим пальцем через плечо.

– Останови! Заодно спросим, куда можно сдать металл.

Семён остановил машину, и приятели направились к деду.

– Чего хотел, отец? Если бензин, то извини, самим ещё далеко до дома, – упредил деда Семён. – И закурить нету, не курим.

– Да нет, сынки. Немного труб не продадите? Есть у меня до них интерес. Забор валится. На «мальчики» хочу купить. Хоть с десяток, – неуверенно попросил дед.

– Та бери хоть все, только за доставку заплатишь, – оживился Юрка.

– Дорого, наверно? – спросил дед.

– По цене металлолома, плюс десять процентов, как деловой металл, – не моргнув выпалил Юрка.

– Сынки, та давайте хоть пять этих самых ваших процентов, – стал торговаться дед.

– По рукам. Куда везти трубы? – опередил желающего продолжить торг Юрку Семён.

– Ну, и за доставку, – недовольно буркнул Юрка.

– Хорошо, сынки, паняй за мной, – и сразу поехали вперёд.

Приятели сели в машину и тронулись за дедом. Юрка повернулся к Семёну и с укором начал его песочить.

– Это где же ты, Сеня, научился так торговаться? На рынке? Правду твоя Полина говорит, что ты вместо того, чтоб напасть – чаще специалист, чтобы попасть!

– Иди ты, знаешь куда? Вместе с моей Полиной! Если мы в течении получаса не избавимся от груза, то отдашь всё бесплатно! Кстати – и доставку в том числе.

– Ладно, проехали. Может ты прав. Кстати, а куда ты сказал нам идти с твоей Полиной?

Семён посмотрел строго на Юрку, потом хмыкнув, сказал:

– Бобёр, утомонись. Следи вон за дедом.

Бобёр – это кличка Юрки была в школе и на зоне, как он сам говорил.

– Смотри, а правда. Куда он нас ведёт? – озадаченно спросил Юрка.

Дед доехал до села и свернул возле первой хаты на плохую дорогу вправо, через заросли. Дорога петляла и вела вокруг села. Привела караван на задние дворы крайней улицы. Доехав примерно до десятого двора, дед свернул на дорожку, ведущую через длинный огород к дворовым постройкам. Проехав между огромной кучей навоза и большой скирдой сена, он доехал до длинного сарая с загородкой для скота и остановился. Пока Семён, медленно перекатываясь добрался с прицепом до сарая, дед встал и ушёл в усадьбу. Юрка и Семён, выйдя из машины стали осматриваться по сторонам.

– Ну, тут нас и с собаками не найдут, если что, – Юрка запел: «И никто не узнает, где могилка моя...»

– Да ладно тебе. Он сам хочет, чтоб никто нас с трубами не видел. Вот и притащил на задний двор. А не на парадные ворота.

Через три минуты появился дед с подвесными весами и двумя мальчиками-подростками. Одному лет двенадцать, другому, может, на год больше.

– Вот, сынки, это мои внучки. Это Петька, – показал на старшего. – А это Лёнька. Они будут нам помогать взвешивать. Я плохо вижу.

– Дедушка, вы не на рынке, вас не обманут. Кстати, как вас зовут? А то и мы, и внуки вас дедушкой погоняем, – сказал Семён и достал из кармана за спинкой сиденья справочник-сортамент по металлу. – Тут самое главное, померять длину и диаметр, понял. Вот ты, Петя, должен понять. Иди-ка сюда.

– Нет, нет, это пусть Лёнька. Петька лучше рисует, а Лёнька считает. Ему-то я точно доверяю, – сказал дед, хитро прищутив глаза. – А зовут меня Пётр Лазаревич. Петьку называли в честь меня.

– Да ты, Лазаревич, тоже не промах. Решил Лёньку потренировать? – сказал Юрка. – Ты лучше позови сына, Лазаря, – я, правильно догадался?

– Правильно, но Лазаря нет, уехал куда-то с утра. Скоро должен быть, – сказал дед, взял справочник у Семёна и достал карандаш и лист бумаги.

– Ну, тогда давай быстрее, нам ещё ехать далеко, – засуетился Юрка и достал из кармана рулетку.

Прошло около часа, когда Семён и Юрка выруливали из зарослей объездной дороги на дорогу, ведущую от села Дальнего к селу Красному. В прицепе у них лежал навоз, набросанный в четыре лопаты двумя внуками и Семёном с Юркой. Юрка сидел и тщательно пересчитывал деньги за «деловой металлолом», его доставку и вывоз навоза со двора. Навоз был сухим, и машина почти не чувствовала веса, быстро полетела в обратном направлении.

– Ну, ты жучара, Бобёр. Ещё и за вывоз навоза из старого загона с этого Лазаревича взял, – рассмеялся Семён.

– А ты как думал? В этом мире всё имеет свою цену. Загон вычистили и навоз вывезли. Кстати, на хрена он тебе понадобился?

– Пригодится, – сказал Семён и направил машину через центр села.

– Анатолевич, тормозни около магазина. Я голодный, как волк в гостях у бабушки.

Приятель подъехали к магазину в центре села. Юрка побежал по ступенькам. Семён вышел из машины. Он пошёл проверять скаты и крепление прицепа к фар-копу машины. Обойдя вокруг и убедившись, что всё в порядке, Семён стал разглядывать улицу. Впереди на столбе через три двора от магазина висела вертикальная большая вывеска «ПРИЁМ МЕТАЛЛОЛОМА» со стрелкой во двор. Из двора торчал нос того самого «Газона». Семён быстро сел в машину, завёл двигатель и достав карту стал рассматривать её. Всем своим видом он показывал вышедшему из того двора и идущему в магазин мужику, что изучает карту.

– Браток, где столько добра взял? – рассмеявшись, спросил мужик.

– Какого добра? – опешил Семён. – А, это..., да жена достала. Привези, и всё, а то с огорода ничего не получишь, – несмешно пошутил Семён.

В этот момент из-за «Газона» вышел долговязый и крикнул собеседнику Семёна.

– Толик, ну поехали уже домой!

– Я сейчас, Лазарь, сигарет возьму, и едем, – сказал Толик и стал подниматься по ступенькам в магазин.

Толик с Юркой, столкнувшись в дверях, разминулись. Юрка с бумажным свёртком и батоном хлеба сел в машину. Семён, потихоньку набирая скорость, прошептал:

– Познакомься, Юрок, это Лазарь, – показал глазами на долговязого.

Тот усталился на прицеп с навозом, проехавшего мимо него. Юрка замер, не дооткусив кусок колбасы, держа полкачалки во рту. Семён, не торопясь, ехал по селу, а за ним придавил педаль газа до пола. В машине вот уже несколько минут висела тишина. Юрка, наконец, прожевал откушенный кусок и сказал:

– Что ж этому Лазарю так сегодня не везёт?

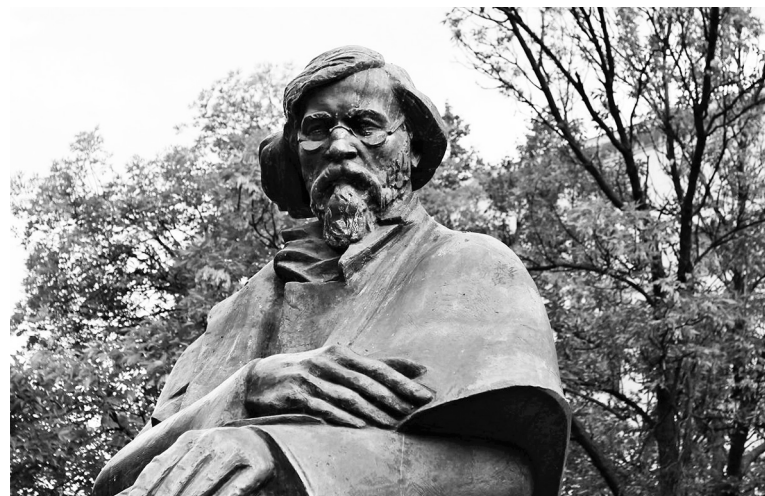
Через секундную паузу в машине раздался громкий дуэтный смех. А немного успокоившись Юрка ещё добавил.

– Да..., ну, Лазаревичу-то повезло!

Смех продолжился с новой силой. Немного успокоившись, Семён завершил обсуждение сделки.

– Видит Бог, с утра мы этого не планировали. Так что, извините. Кто успел, тот, как говорят, и съел.

Через два часа Семён, завезя Юрку домой, после того как они по пути разгрузили прицеп на его огороде, был уже в гараже. Он отдал часть денег из своей доли кредиторам, чтобы погасить немного долг. Остальные поделил. Оставил немного для семьи и купил полтора литра самогона. Остаток дня провёл с гаражными приятелями за сковородой жареной картошки. А утром смотрел в окно из квартиры с сильной головной болью.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана ГЛАДЫШ

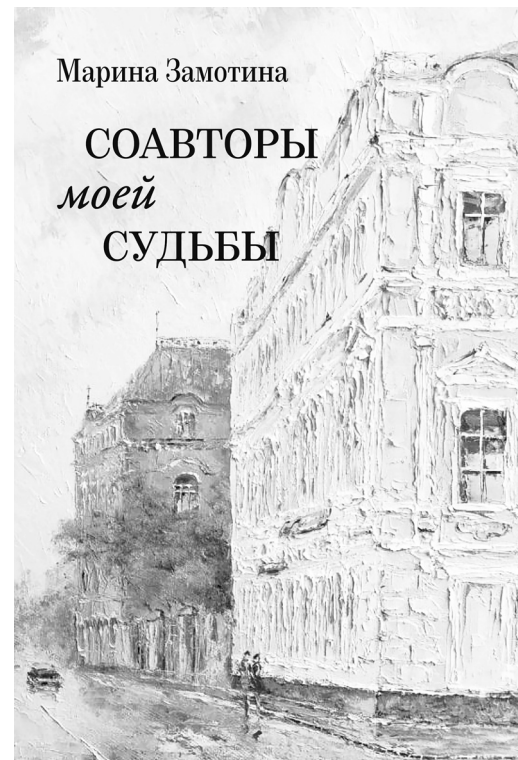

Светлана Дмитриевна Гладыш – прозаик, критик. Член СП России с 1997 г., состоит на учёте в Московской городской организации Союза писателей России. Родилась 1 мая 1940 г. в Москве. В 1965 г. окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работала в газетах «Литературная Россия», «Неделя» («Известия»), «Вечерний клуб», «Алфавит». Документальные книги: «Дети большой беды», «Гражданская специальность – актриса», «Собаки на фронтах Великой Отечественной». Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина (2012 г.).

Живёт в Москве.

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

О книге Марины Замотиной «Соавторы моей судьбы». Полвека в Московской писательской организации».

Название книги Марины Замотиной «Соавторы моей судьбы» (М.: «У Никитских ворот», 2026), отправляя читателя на встречу с людьми интересными, – известными или не очень – не оставляет сомнений: каждый из них – неотъемлемая часть жизни автора. Книга многоплановая – здесь и история Союза писателей СССР в последний советский период, и создание Союза писателей России, и работа в Московской городской ор-

ганизации СПР. Отдельно – «Немного о семье». Работа весьма – компактная (если считать объём издания, вместившего смену эпох, населённых персонажами...). Однако уже при прочтении первых глав чувствуешь, как расширяется её мнимая плотность и создается ассоциативное пространство образа. Весьма привлекательное свойство письма. Словом, выбор для анализа широк и заманчив. Разумеется, прежде всего хочется понять, что это за люди такие, чем привлекательны и особенны, что побудило автора поместить их на своих страницах. Итак.

Владимир Богатырёв... «Человек необыкновенный. Во всех смыслах этого слова. Талантливый. Умный. Добрый. И сильный. Слово держал». Его именем «Григорьич мой дорогой, моли бога о мне, человеке и покаяние...» открывается летопись автора. «Прозаик и поэт. Хорошо известны “Степная повесть”, “У отца с матерью”, “История одного врача”».

Замотина знакома с Богатырёвым с семидесятых, но постоянное общение с ним началось, когда «в 1992 году руководство МГПО СП России возложило на меня обязанности секретаря Приёмной комиссии, председателем которой был Владимир Богатырёв. ... Он всегда был внимателен к людям, честен и бескомпромиссен... О своей жизни рассказывать не любил. Подробных биографий не писал. Всё больше шутил по этому поводу. Но если внимательно почитать его прозу, можно увидеть многое».

Русская литература всегда так или иначе связана со временем. Золотой век уступил место Серебряному, позже побросали с корабля истории классика. И потом дружно подобрали. Но после смены эпох на руинах Советского Союза в России для русской отечественной литературы наступила пора, скажу прямо, провоцируемого забвения. И теперь Богатырёв подбирает осколки, спасаясь уже от наступающего беспамятства: открывая новые имена поэтов-современников. Для будущего, составляя антологию «Отчее слово».

«Рукописи авторы оставляли в основном у меня в кабинете, – пишет Замотина. – Хорошо помню, сколько их было! И, главное, всегда поражало удивительное поэтическое чутьё Богатырёва. Он выбирал именно то, что нужно. Самое лучшее.

Самое сильное. Самое талантливое. Жаль, что об этом почти не вспоминают... Да, он собирал деньги на издание антологии. Но только из необходимости оплачивать верстку и печать. Стихов в антологию приносили много, был выбор. Печатали Богатырёв авторов и бесплатно, коли был талант, но отсутствовали средства... Его не стало в 2011 году. Печально, что его нет. Несмотря на то, что он сложный был человек, от него исходили свет и тепло. Мне лично его очень не хватает».

Исключительно важны – особое внимание автора к созданию «Антологии» и одновременно – упрёк нашей забывчивости.

Писательские жёны. Тема классически-типичная, местами поднадоевшая, но сюжет «Всем бы писателям таких жён» достоин особого внимания.

«Яна Богданова с мужем, прозаиком Евгением Богдановым, прожили вместе достаточно долго... Яна высоко ценила талант мужа. Он был прекрасным прозаиком, я его очень люблю, – признаётся Замотина. И тут же уточняет – Но Яна всё-таки его явно переоценивала... Много печатался в советское время, а с началом 90-х его проза стала никому особо не нужна... Сидел дома, не работал. Писал мало, всё время болел». Всё так, но я считаю необходимым напомнить читателю – именно в мучительное время униженной и растоптанной родины больным Богдановым написаны такие повести и рассказы как «Облава», «Топоножки», «Операция Конверт». Выброшенные из жизни недавние Профессора, Музыканты, Художники становились бомжами. Пытающиеся сохранять человеческое достоинство – живые человеческие характеры представлены на фоне социальных метаморфоз. Жёсткая, порой на грани безысходности, проза внимание издателей не привлекала. Деньги зарабатывала Яна, как, об этом расскажет Замотина. На эти деньги, помощь друзей, а также и сотрудников «Люберецкой газеты» вышел сборник «Облава».

«Яна после смерти мужа занялась, как сейчас говорят, “продвижением” его творчества, – абсолютно не в упрёк подруге замечает Замотина. – Работала Яна и днём и ночью. И это не игра слов. Она одно время работала кассиршей в ночном клубе. Сначала

ла – чтобы муж ни в чём себе не отказывал и издавал свои книги на её деньги, а после его смерти зарабатывала на памятник Жене, на переиздание его книг. Яна выпустила в свет его неоконченный роман. Заказала статьи... Планировала книгу о нём...

В последние десять лет мы встречались часто. А в последние три года до её ухода из жизни вообще общались регулярно. Как мы любили посиделки у неё! Компании были разношёрстные. Всегда говорили о литературе! Не о Жене, а обо всех».

Марина Замотина оставалась до конца жизни Яны ей верным надёжным другом, но высоко оценивая беззаветное служение мужу, она без околичностей определяет статус миссии Яны в жизни писателя Богданова: «...без неё он так и остался бы одним из тех литераторов, которых мало знали при жизни и совсем уж точно забыли бы после смерти». Ой ли? Можно поспорить – повод для дискуссии имеется. Однако, наша задача – вернуться к воспоминаниям автора.

Когда Богатырёв как драгоценные камешки собирает невостребованную временем поэзию, а Богданов работает над «Облавой», замечательный прозаик и кинодраматург Николай Леонов стремительно запускает новый особый цикл повестей, посвящённых знаменитому сыщику Льву Гурову.

«Впервые мы познакомились с Гуровым – молодым лейтенантом ещё в Советском Союзе, 1975 году. Пытаюсь сейчас понять, почему он был нам так симпатичен? – удивляется Замотина. – Как мы ждали этих историй! Мне кажется – мы ждали справедливости. Которой так не хватало в обычной жизни». И с удивлением отмечает: «О Николае Ивановиче мало писали. Кроме статей Кима Бакши и Леонида Словина, я ничего не помню... С Николаем Ивановичем мы были знакомы очень давно. Он дружил с ответственным секретарём нашей организации Инессой Холодовой. Николай Иванович заходил к Инессе часто, а со мной в 70-90 х годах прошлого века здоровался как со всеми сотрудниками МГО при встрече в ЦДЛ – из вежливости. В 1991 году мы с Инессой поместились в смежные кабинеты. Тогда и со мной он стал общаться больше... После окончания юридического института Леонов становится сотрудником

МУРа – московского уголовного розыска. Отслужив десять лет в МУРе, Николай Леонов подал рапорт с прошением об отставке по собственному желанию. Говорят, что он хотел посвятить себя творчеству. К тому моменту он был участником крупных расследований и при желании мог пройти по карьерной лестнице до высокого чина... Но в 1963 году он ушел на творческую работу»... И авторским дебютом стало произведение «Приступить к ликвидации», изданное в 1965 году.

...Николай Леонов не проснулся в одночасье знаменитым, успех пришёл к нему не сразу, – уточняет Замотина. – Книга далась автору нелегко, так как он не владел необходимыми навыками в полной мере. Редактор неоднократно возвращал её на доработку, требуя правок и уточнений. Но Николай Иванович работал много и с удовольствием. Особенности сочинений писателя стали непредсказуемая интрига, психологические и бытовые точности, оценённые кинорежиссерами. Золотой фонд отечественных фильмов пополнили ленты «Трактир на Пятницкой», «Бросок кобры».

Теперь Лев Иванович Гуров, уже господин полковник, не может смириться с унижением «свободной России». Сыщик смело и конкретно доказывает связь государственной власти с криминалом, не останавливаясь ни перед властью имущими и реальной возможностью быть убитым.

«Тому, кто не знал его или знал недостаточно, Николай Леонов казался холодным, аристократическим и чуточку высокомерным», замечает Замотина. Так ведь перед нами господин полковник Лев Иванович Гуров! Собственной персоной. Не так ли?

«Читатели и поклонники Николая Леонова отмечали в своих письмах, что их покорила его подкупающая сердца правдивость и смелость, с которой он проникал в самые верхушки власти и там видел корни бед, преследовавших Россию. И писатель от лица своих героев – укрепляет веру в справедливость среди современников».

Богатырёв, Богданов Леонов. В «окаянное» для нашего Отечества лихолетье – каждый из них в силу своих возможностей

с достоинством исполнял предназначение, свойственное русскому писателю. Не забыли: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»? Да-да, это именно о них.

На обложке сборника «Облава» слова: «Пройдут годы. И те, кто выживет будут вспоминать нынешнее лихолетье как бредовый сон. Оглянувшись, они не поверят воспоминаниям. Да полно, разве было такое время?»

Было. Было. И помогала нам – подчеркиваю, нам – выживать, сопротивляться злу и верить родная русская литература, мужественно пробивающаяся сквозь мусорные заросли «литературной шпаны» книжного рынка.

...Марина Замотина профессионально вычленила в своих воспоминаниях это знаменательное явление и постаралась привлечь внимание современного читателя.

Вообще-то мемуары занятие порой опасное. Требующее определённого бесстрашия. Можно любить, ценить «безупречную прозу Леонова» и тут же заявить: «Лично я не отношусь к поклонникам детективного жанра». Рискованно, но Замотина не стремится понравиться читателям в ущерб собственной позиции. Это свойство литератора замечательно прослеживается в сюжете «Железная леди Литфонда».

«Людмила Николаевна Мережко. Какая она была сложная, своенравная дама. И в тоже время ранимая, искренняя... В начале 90-х, а именно в 91-м она уже точно была директором Литфонда. ...Я собралась своего старшего сына отдавать в детский сад Литфонда. Она мне за глаза (не в открытую) нахамила, но документы оформила. Но так получилось, я передумала туда возить. За что она мне уже в открытую в коридоре третьего этажа нашего здания на Большой Никитской наговорила гадостей. Мы обменялись нелестными выражениями и разошлись».

Ядовито, однако. Так и видишь молодую разгневанную маму. Иной мемуарист предпочёл бы вообще забыть этот эпизод: к чему, мол, помнить такое. Но именно *«такое»* и создаёт достоверность происшедшего, не позволяя автору sluкавить во времени. (Если, конечно, автор заинтересован в этой самой достоверности)... «Надо сказать, что ругались мы с ней с тех пор

с завидной регулярностью, – уточняет автор. – Но почему-то никогда не воспринимала её слова всерьёз. Дипломатично отвечала, когда с юмором, когда спокойно. Иногда тоже нахально. Но мы с ней тут же переключались на другие дела. А дела у нас общие появились начиная с 1992 года, когда я получила к своим обязанностям ещё и Приёмную комиссию... До конца 90-х Московский Литфонд прикреплял писателей к поликлинике Литфонда... Потом ещё более десяти лет писателей лечила другая, но тоже отличная поликлиника. На основании нашей выписки Мережко принимала писателей в Литфонд. Она, кстати, приняла в Литфонд наших сотрудников. Это была её инициатива.

Людмила Николаевна любила порядок в делах. Была аккуратна и честна, никогда не отказывала в помощи. Но возможностей у Московского ЛФ было немного, что её огорчало и беспокоило одновременно.

...Бывали случаи, когда мы ходили в ресторан. По разным поводам. Но гуляли широко. Хотя у Людмилы Николаевны и были проблемы со здоровьем, человек она была компанейский. Ушла Людмила Николаевна из жизни неожиданно...

Эх, временами вспоминаю её, сильную и беспомощную, строгую и весёлую, гневливую и доброжелательную. Честная и принципиальная Людмила Николаевна Мережко!»

По-хорошему пристрастная к друзьям, Замотина если и выделяет у кого-то не совсем приятные черты характера или манеру поведения (бдительный читатель заметит, что подобное она не исключала и для себя), то отнюдь не из стремления уколоть. Напротив – найти источник происходящего и помочь. Чем дороже ей человек, тем заботливее становится отношение к другу.

Лилию Думцеву автор назовёт «Человек-праздник». Перед нами история судьбы яркой, неистовой и – я бы сказала – предсказуемо-непредсказуемой.

«С Лилей мы познакомились вроде бы совсем недавно – в начале нулевых. По нынешним меркам это совсем немного. Она пришла вступать в члены СП... Лилия представила сказку, выпущенную в Рязани совсем недавно. В доперестроечные времена такой объём

сочли бы недостаточным, но на дворе был иной век. И к тому же сказки оказались очень хорошими. Лиля стала членом СП... Книжка «Сказки о любви» получилась неплохой, но сказки всё были уже ... ранее опубликованы... Больше мне не удавалось её уговорить хоть что-нибудь новое напечатать.

...О творчестве Лили высказывались самые разные писатели и читатели... Знаменитая фраза Нечаева звучала так: «Она могла бы стать нашим Андерсоном, если бы жизнь не увела её по другой дороге». Могла бы! Я ей говорила об этом. Что незачем по сто раз вспоминать, что тебя называют «нашим Андерсоном». «Ты цитату прочитай внимательно!» Но ей нравилось считать иначе... Не стоило её так хвалить. ...Но вот ей нравилось все это культивировать! Всё это – внимание к себе и своей личности... Зачем я об этом говорю? Просто в последние годы это приняло слишком серьёзные формы, и многие отвернулись от неё. Устали от её звонков и разговоров об одном и том же. А она, как я думаю, просто не справилась с возрастом и жизнью.

Будучи очень сильным человеком, она не справилась сама с собой. Лили звонила по многу раз и мне, и не мне. Кто-то поставил её в чёрный список, кто-то искренне сопереживал, пытался что-то предпринять. Но что можно было сделать, если человек разрушал себя сознательно?»

Замотиной «почему-то кажется», что причиной беды Лили является некое зло, возникшее из глубин сознания. «А зло, как известно, разрушает самоё себя. И вот результат. Точнее – потеря. Рядом с нами нет такого яркого и уникального человека».

И конечно же Замотина вспоминает лучшее и, как мне думается, – главное для себя и Думцевой.

«Но и была иная Лили У них был прекрасный дом, где меня всегда ждали... Там мы часто собирались. И всегда с восторгом. И это при том, что у меня тогда – чуть больше 10 лет назад – были трудные времена. Так Лили с Володей меня привозили и отвозили обратно. Встречали и провожали. Когда было удобно мне, а не им. Лили всегда говорила, что от проблем нужно отдыхать. И делала всё, чтобы я отдыхала. Спасибо ей за это! Вспоминаю те времена чуть ли не со слезами на глазах».

Кому-то, возможно, покажется лишним – уделять столько авторского времени истории, имеющей много похожего с подобными явлениями в творческой среде. Но, как уже было мною замечено ранее, – это случай, когда истинный друг в поисках причины несчастья пытается объяснить поведение.

Автор по сей день обеспокоен тем, что у многих знавших Лилю остался «тягостный осадок на душе от последних лет общения с ней», и тем не менее полон уверенности – это пройдёт. «Обязательно!»

Истинного уважения заслуживает подобное отношение.

Многоплановая и с обилием персонажей, эта книга позволяет избрать определённый, ограниченный в рамках исследования формат и ракурс, дабы не распыляться ни именами, ни эпохами. Поэтому я отказалась от перечисления краткими абзацами или через запятую множества имён, где соседствуют литературные классики, известнейшие миру личности. И рядом – руководящие или рядовые сотрудники множества творческих объединений и секций Союза писателей СССР, позднее – МГО Союза писателей России. Люди, дорогие автору – не менее достойные.

Описывая прошлое, мемуарист представляет своеобразную Триаду: он одновременно – Современник, Свидетель и Участник. Ответственность основательная. Въедливый читатель (а сегодня он тоже – современник) с лупой выискивает: где автор слукавил и паче того – соврал, где приукрасил, где искренен. А здесь – промолчал! Особенно если читатель имеет отношение к миру литературы. Рецензент занимается в принципе тем же самым, обладая лупой с многократным разрешением.

Мне не удалось – читатель подтвердит – обнаружить у Замотиной ни желания подстроиться «под читателя», ни стремления «подлакировать» ситуацию, чем, к сожалению, порой грешат некоторые мемуары. Заслуживает одобрения честность, более того – определённая смелость автора в оценке творчества современников: в подобных случаях встречаются обиды или даже прекращение дружбы. Не нашлось и попыток автора «подкузьмить» кого-либо из друзей. Правда, я не могу согласиться

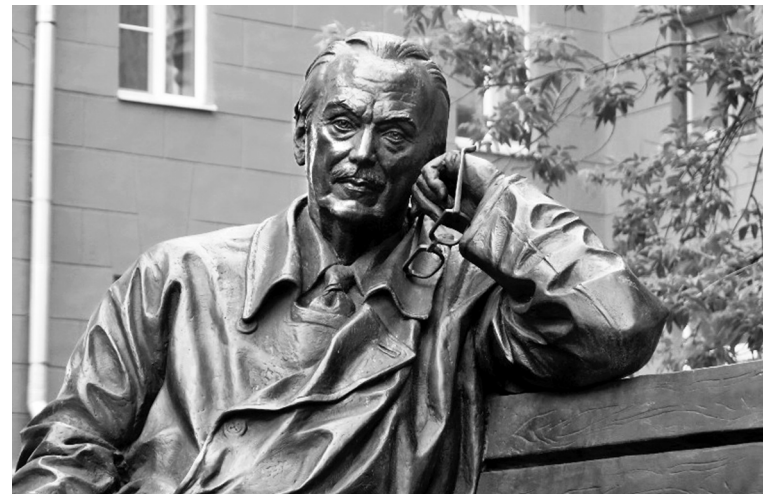
СВЕТЛАНА ГЛАДЫШ

с Замотиной в оценках творчества некоторых писателей, но это вопрос вкуса, а не качества. Словом, книга получилась замечательная, и – весьма ценно – появилась в нужное время: не раньше и не позже.

Неоспоримое достоинство книги Марины Замотиной – утверждение незыблемости лучших традиций отечественной литературы. Когда на стыке столетий решалось, быть или не быть России, русские писатели исполняли завещанный поэтом гражданский долг, поддерживая в современниках веру в справедливость, призывая «Не сдавайся!»

И мы устояли.

Светлана ГЛАДЫШ

**ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Галина СТЕЦЕНКО

Галина Георгиевна Стеценко – поэт. Родилась в Донецкой области. Пишет стихи, прозу, произведения для детей. Публиковалась в журналах: «Мурзилка», «Шишкин лес», «Школьный вестник», «Простокваша», «Иллюстратор», «Детское чтение для сердца и разума», «Саша и Даша», «Колокольчик» «Путеводная звезда» и др. Лауреат конкурсов. Член Союза писателей России. Член

Творческого объединения детских авторов России.

Живёт в Москве.

НАС ВОДОЙ НЕ РАЗОЛЬЁШЬ!

БЫСТРАЯ ТРОПИНКА

Бежит тропинка впереди,
А я кричу:
– Ну погоди,
Я догоню! – спешу за ней:
За дуб, за ель... – несусь смелей!
Она рванула от меня!
К реке, на мост ведёт, маня.
Зовёт на горку, в облака...
Решил следить издали...
И понял на исходе дня:
Она бежит быстрее меня.

ЖИВОЙ КУВШИН

Спокойный кувшин на высоком столе
Вдруг начал крутиться подобно юле.
Он тихо пыхтел и довольно сопел,
У края стола был уверен и смел.

Но вот поскользнулся, свалился на пол,
И с грохотом он покатился под стол.
И стукнулся так, что разбились бока,
Растёкся под ним ручеек молока.

Так громко мяукнул в испуге кувшин! –
Он раньше ни разу не падал с вершин.
Махнул торопливо пушистым хвостом,
Прощаясь с весёлым пятнистым котом!

ПЕРВЫЕ СЛОВА

Мама скворцов озабочена очень.
 Папа не меньше неё озабочен:
 – Первое слово мне сказано сыном
 Не на родном, а на чистом гусином!
 В нашем гнезде появился гусёнок!
 Мама вступилась:
 – Сынок наш – скворчонок!
 Папа твердит:
 – Почему же он снова
 Прогоготал незнакомое слово?..
 Споры в скворечнике длились без толку.
 А во дворе гогоча без умолку
 Гуси задорные песенки пели.
 И гоготали скворцы в колыбели.

СЫР НАД КРЫШЕЙ

Тёмной ночью котик вышел
 На порог:
 – Вот беда! Я сыр над крышей
 Не сберёг!
 С неба сырную головку
 В домик свой
 Мышки укатали ловко,
 Кто ж другой?
 Вы ответите, воришки,
 У меня!..
 А кота боялись мышки,
 Как огня!
 Разбежались по сараям
 В страхе прочь!
 Кот грозил мышиным стаям
 День и ночь...

– Не сберёг... И мыши съели...
 Беспредел... –
 Котик в небо две недели
 Не глядел.
 Вдруг заметил:
 – Я их слишком
 Напугал!
 Не понравился воришкам
 Мой скандал,
 И они вернули в небо
 Целый сыр!
 Кот за это дал им хлеба –
 Справят пир!

НАХОДЧИВЫЙ ВАСИЛИЙ

Рассказал мне кот Василий:
 – Я с годами стал мудрей,
 И поймаю без усилий
 Всех пронырливых мышей!

Приобрёл я мышеловку,
 И сама теперь она
 Настигает мышек ловко –
 Мне помощница нужна!

Не придётся мне под старость
 Бегать и ловить проныр!..
 В доме мышек не осталось.
 Ем теперь колбаску, сыр...

РЕЧНАЯ АРТИСТКА

На хор собиралась лягушка-певица.
 Надела зелёное платье из ситца
 И долго смотрелась в зеркальную речку:
 – Мне надо бы

бусы,
 серёжки,
 колечко!

На случай дождя прихвачу я накидку
 А рядом на камне сидели улитки.
 – Украсят меня эти две завитушки! –
 Улиток она примостила на ушки,
 От радости прыгнула:
 – Буду – солистка! –
 И громко запела речная артистка.

АВТОВРАЧ

Я хочу быть на папу похожим
 И работать отлично, как он.
 Подрасту, подучусь, и мы сможем
 Обустроить наш автосалон.

Ценны папины ловкие руки –
 Золотые, ему говорят.
 Все машины с ближайшей округи
 У него полечиться хотят.

Я скажу:
 – Заезжайте, машины! –
 Вмиг свои рукава засучу.
 Осмотрю все кабины, резины,
 Как положено автоврачу.

Пролечу – от колёс до макушки.
 И хозяин, довольный вполне,
 Удивится:
 – Машину в игрушку
 Превратили и дарите мне!

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

У меня подарков много:
 Полон детский уголок!
 В Новый год я от порога
 Пять коробок приволок!

Но от мамы я подарок
 Самый лучший получил.
 Уговаривал недаром,
 Изо всех старался сил.

Наконец-то, наконец-то
 Стал я сказочно богат!
 Вот весёлым будет детство:
 У меня родился брат!

ВМЕСТЕ ПОД ЗОНТОМ

Тучи мечут в землю стрелы
 И ведут дождём обстрелы:
 – Разбегайтесь со двора –
 Нам теперь играть пора! –
 Расшумелись не на шутку,
 Всех прогнали за минутку!
 Солнце тоже испугалось!
 Только я не растерялась.

Позвала его с собой:
– Заходи под зонтик мой!
Чтобы ты не заболело,
Чтобы всех на свете грело!

ЛЕТАЮЩИЕ ЯБЛОКИ

Собрал я осенью в саду
Все яблоки до одного.
Зимой по тропке в сад иду
И вижу яблоки – ого!

Я посчитал, их точно пять!
Они висят на ветке в ряд.
Я подхожу, смотрю опять.
Да не висят они – сидят!

И вдруг – летят! Не вниз, а вверх!
Все краснобоки – в тон зари.
Похоже, я спугнул их всех,
И были это снегири.

БЕЛКИ И ФЕЙЕРВЕРКИ

Спит, совсем как в колыбели,
Свежий снег на лапах ели –
Свёрнутый во сне в клубочек,
Как зверёк, лежит комочек.
Раз! На ель метнулись белки!
Их забава – фейерверки.
Прыг! Прыжок у белки меткий!
Вздрыгнул снег, слетая с ветки.
Ты проснись, комок пушистый!
Мигом пылью серебристой

Снег блестит в лучах закатных,
Обсыпая холмик ватный...
И снуют по елям белки –
Очень любят фейерверки!

ПЕСНЯ РУЧЬЁВ

Зима весне не рада –
Злым холодом полна,
Пугает снегопадом.
Но держится весна:

– Не хочется, враждуя,
Сгонять тебя с пути.
Немного подожду я,
Прошу тебя уйти.

Зима стоит упорно,
Не уступает ей.
Весна мороз без спора
Терпела пару дней.

И дунула ветрами,
Как будто из печи!
Прощаясь со снегами,
Запели гимн ручьи...

ЗАБОТЛИВЫЕ ДЕТИ

Простудилась курица –
Пёстрые бока.
Нет её на улице
Возле ручейка.

– Поправляйся, мамочка!
Ласково твердят
В шортиках и маечках
Пять её цыпят.

Греют ей на солнышке
В листиках-лотках
Для больного горлышка
Воду родника.

Ей приносят в ракушке
Зёрна и червей...
Стало легче матушке –
Больше не болей!

Созывает весело
Мама деток в круг.
И, кудахча песенку,
Их ведёт на луг!

СЕВЕРНЫЕ ЗВЕРИ

Снег идёт без остановки,
Наряжает всех в обновки.
Мы гуляли с другом долго
По окрестностям посёлка.
И покрылись белым мехом.
Смех и только! Ну, потеха!
Как родные, мы похожи:
Косолапим, строим рожи.

Мамы, открывайте двери!
Кто мы? Северные звери!
Превратились в двух медведей
К удивлению соседей.

– О! – спросила мама дома, –
Белый мишка... мы знакомы?
Отправляю я в сушилку
Шкуру мишки и Данилку!

ПОЖАЛЕЛ

Всегда меня у школы
Ждёт бабушка Ирина,
И ранец мой тяжёлый
Несёт, взвалив на спину.

Я ранцем недоволен –
Он кажется трёхтонным!
Я сам его наполнил,
Чтоб стал он неподъёмным.

О, жуткая картина! –
И бабушку мне жалко.
Смотреть невыносимо,
Как сгорбилась! Ей жарко...

Чтоб бабушку, как раньше,
Не мучить тяжкой ношей,
Я в школу шёл без ранца –
Остался он в прихожей.

НАС ВОДОЙ НЕ РАЗОЛЬЁШЬ

С Петей вместе под дождём,
Взявшись за руки, идём.
Дождь нас струями утешит,
По ручьям шагаем в лужи.

И поём:

– Да никогда

Нас не разольёт вода!

Всюду мы с тобой вдвоём!

Рук вовек не разожмём!

После дождевого душа

Нас родители посушат!..

Грянули раскаты грома –

Мы бегом под крышу дома!

Держим за руки друг друга

И трясёмся от испуга.

Надо расходиться нам.

Говорю я:

– По домам!

И, конечно, завтра снова

Будем встретиться готовы.

Я приду, и ты придёшь!

Нас водой не разольёшь!